

ГРАЖДАНИН ВЫБОРЫ ВЛАСТЬ

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

№ 4
2017

ОКТАБРЬ-ДЕКАБРЬ

МОСКВА

Редакционная коллегия:

ЭБЗЕЕВ Б.С., заслуженный юрист РФ,
заслуженный деятель науки РФ, доктор
юридических наук, профессор (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Ю.А., заслуженный юрист РФ,
доктор юридических наук, профессор
(заместитель председателя)

БОРИСОВ И.Б., кандидат юридических наук

ВЕЛИЧКО А.М., доктор юридических наук

ГАСАНОВ И.Б., кандидат политических наук

ДАННЕНБЕРГ А.Н., доктор философских наук,
кандидат исторических наук, доцент

ЕЖОВ Д.А., кандидат политических наук, доцент

КАБЫШЕВ С.В., заслуженный юрист РФ,
кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА В.В., доктор юридических наук,
профессор

ОСАВЕЛЮК А.М., доктор юридических наук,
профессор

ПЕТРИЩЕВ В.Н., кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ А.Е., доктор юридических наук,
профессор

СМИРНОВ В.В., заслуженный юрист РФ,
кандидат юридических наук, доцент

ЧЕРНЫШОВ А.Г., доктор политических наук,
профессор

Главный редактор

Гасанов И.Б.

Ответственный секретарь

Ежов Д.А.

Журнал выходит 4 раза в год.

Свидетельство:

ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Учредитель:

Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель:

Российский центр обучения избирательным технологиям
при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47

Тел.: (495) 606-84-16

e-mail: gvv@rcoit.ru

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2017

CITIZEN ELECTIONS AUTHORITY

SCIENTIFIC AND ANALYTICAL
JOURNAL

№ 4
2017

OCTOBER-DECEMBER

MOSCOW

EDITORIAL BOARD

B.S. EBZEEV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Chairman)

Y.A. VEDENEEV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor (Deputy Chairman)

I.B. BORISOV, Candidate of Law

A.M. VELICHKO, Doctor of Law

I.B. GASANOV, Candidate of Political Sciences

A.N. DANNENBERG, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Historical Sciences, Assistant Professor

D.A. EZHOV, Candidate of Political Sciences, Assistant Professor

S.V. KABYSHEV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Assistant Professor

V.V. KOMAROVA, Doctor of Law, Professor

A.M. OSAVELYUK, Doctor of Law, Professor

V.N. PETRISHCHEV, Candidate of Political Sciences

A.E. POSTNIKOV, Doctor of Law, Professor

V.V. SMIRNOV, Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Assistant Professor

A.G. CHERNYSHOV, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITOR-IN-CHIEF

I.B. Gasanov

EXECUTIVE SECRETARY

D.A. Ezhov

Published 4 times per year.

Certificate:

ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Founder:

Central Election Commission of the Russian Federation

Publisher:

Russian Centre for Training in Election Technologies under
Central Election Commission of the Russian Federation

Editorial Office:

Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow

Tel.: (495) 606-84-16

E-mail: gvv@rcoit.ru

© Central Election Commission of the Russian Federation,
2017

- Актуальная трибуна**
- 5 **И.Б. Гасанов**
О доверии вообще и к выборам в частности
- Электоральная практика: проблемы и перспективы**
- 39 **Р.В. Пырма**
Институциональные ограничения конкуренции на выборах руководителей субъектов Российской Федерации в 2012–2017 годах
- Наши исследования**
- 59 **П.Л. Попов, В.Г. Сараев, А.А. Черенев**
Электоральные предпочтения на региональном и макрорегиональном уровнях: 2016–2018 годы
- 69 **Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, Д.Н. Карзубов**
Анализ эффективности коммуникаций парламентских российских политических партий
- Реплика**
- 91 **П.Б. Салин**
Основные варианты политического ландшафта на президентских выборах 2018 года
- Наша история**
- 97 **В.И. Карасев**
Великий Октябрь, демократическая Россия и современный мир
- 138 **Н.Н. Санкина**
Общественный контроль накануне и в революциях 1917 года: опыт и уроки
- 152 **В.Б. Исаков**
Политическая мифология вчера и сегодня: Мифы и реальности современной России
- За рубежом**
- 175 **О.В. Дамаскин**
Избирательная система США: состояние и проблемы
- Книжная витрина**
- 181 **С.М. Шапиев**
О социальном государстве – с пристрастием
- 185 **А.В. Манойло**
Современные политические конфликты: право на модерацию
- События**
- 196 **Р.В. Пырма**
Международная научная конференция «Капитал революций»
- 203 Сведения об авторах

	Actual Tribune
5	I.B. Gasanov About trust in general and to elections in particular
	Electoral Practice: Problems and Prospects
39	R.V. Pyrma Institutional Limitations of Competition on the Election of Heads of Regions of the Russian Federation in 2012-2017
	Our Researches
59	P.L. Popov, V.G. Saraev, A.A. Tcherenev Electoral Preferences at the Regional and Macroregional Levels: 2016-2018
69	E.V. Brodovskaya, A.Y. Dombrovskaya, D.N. Karzubov Analysis of Effectiveness of Communication of the Parliamentary Political Parties of Russia
	Remark
91	P.B. Salin The Main Options of the Political Landscape in the 2018 Presidential Elections
	Our History
97	V.I. Karasev Great October, Democratic Russia and Modern World
138	N.N. Sankina Public Control on the Eve of and In the Revolutions of 1917: Experience and Lessons
152	V.B. Isakov The Political Mythology of Yesterday and Today: Myths and Realities of Modern Russia
	In Foreign Countries
175	O.V. Damaskin US Election System: Status and Problems
	Book Showcase
181	S.M. Shapiev About Social State – with a Taste
185	A.V. Manoylo Modern Political Conflicts: the Right to Moderation
	Events
196	R.V. Pyrma International Scientific Conference «Capital of Revolutions»
203	Our authors

О ДОВЕРИИ ВООБЩЕ И К ВЫБОРАМ В ЧАСТНОСТИ

***Аннотация.** В статье анализируется доверие как понятие и явление. Непосредственным предметом авторского интереса при этом является доверие к выборам, в том числе причины доверия и недоверия к выборам. Согласно авторской точке зрения, доверие следует рассматривать в качестве важнейшего элемента выборов. Отдельное внимание уделено рассмотрению доверия как категории.*

***Ключевые слова:** доверие, выборы, общество, социальное равенство, общественное доверие, гражданское общество.*

ABOUT TRUST IN GENERAL AND TO ELECTIONS IN PARTICULAR

***Abstract.** In the article the trust as a concept and the phenomenon is analyzed. A direct subject of author's interest at the same time is the trust to elections including the reasons of trust and mistrust to elections.. According to the author's point of view, the trust should be considered as the most important element of elections. Special attention is paid to consideration of trust as category.*

***Keywords:** trust, elections, society, social equality, social trust, civil society.*

В демократических странах, особенно в молодых демократиях, вопрос доверия к выборам стоит довольно остро. Следовательно, и меры принимаются, и методы и способы повышения доверия к выборам разрабатываются соответствующие: от повышения правовой культуры избирателей, работы с молодежью, особого внимания к маломобильным гражданам при организации волеизъявления населения, немалых материальных затрат на выборы в труднодоступных местах, регулярного обучения организаторов выборов до постоянного совершенствования технических и технологических форм и поиска новых видов голосования (интернет-голосование, голосование с применением электронных средств, по почте, по мобильному

телефону и т.д.); используются возможности многочисленных внутренних, международных наблюдателей, представляющих партии, общественные организации и движения, а иногда и самих себя; повсеместно в местах проведения выборов и, особенно, в помещениях для голосования устанавливаются сотни тысяч видеокамер, работающих в режиме реального времени и превращающих в наблюдателей практически весь мир и многое другое. Но, к сожалению, при всем при том редко удается избежать различного рода послевыборных скандалов, взаимных претензий участников выборов, обвинений в адрес организаторов избирательных кампаний, административных органов, отдельных политиков — как кандидатов на выборные должности, так и тех, кто располагает (или считается, что располагает) определенным административным ресурсом для поддержки тех или иных политических сил и многого другого. Понятно, что подобные инциденты свидетельствуют о низком уровне доверия в обществе, но, чаще всего, они воспринимаются как результат недоверия к самим выборам. Нет сомнения, что здесь первое — уровень доверия в обществе — с другим — недоверием к выборам — связано напрямую. Попробуем разобраться в том, через какие взаимоотношения и взаимосвязи проходят линии определения первым второго, и как уровень доверия внутри социума действует на доверие к выборам с учетом того, что здесь влияние может быть исключительно обоюдным — обратная связь присутствует всегда.

* * *

Название статьи неслучайно содержит фразу «о доверии вообще», когда как цель настоящей работы — попытка понять причины доверия или недоверия, в том числе, и даже в основном, к выборам. Не раскрыв для себя сути понятия «доверие»¹, трудно понять, почему те или иные социальные или политические явления в одних случаях становятся для социума общим делом, в других — вызывают отторжение. Надо отдать должное обществу: оно может в течение долгого времени «водить за нос» как власть, так и всевозможных исследователей в виде целых структур, выдавая за доверие безразличие, равнодушие, притворяясь, что его вполне устраивает то или иное явление или тот или иной процесс. В качестве примера можно обратиться к трагическому завершению истории Советского Союза, когда на защиту «родной» власти (и даже «родной» партии)

¹ Хотелось бы, не дожидаясь вопросов по поводу понятия «доверчивость», поставить между ним и понятием «доверие» *знак неравенства*. Доверие более важное явление, хотя нередко при решении достаточно серьезных проблем доверчивость определенной части населения способна склонять чашу весов в ту или иную сторону. В то же время, если доверчивость ребенка может вызывать умиление, то доверчивость взрослого человека способна обернуться бедой, и не только для него самого. В отличие от доверия, которое часто опирается на опыт, доверчивость — результат эмоционального состояния, и граничит, как минимум, с безответственностью, а то и глупостью. В ее основе, если и есть мысль, то она минимальна. Если доверие — делегирование собственных полномочий, то доверчивость — отказ от них.

не вышли не только партийная и беспартийная часть населения, но и те, кто в силу занимаемых должностей обязан был ее защищать. А ведь, казалось (представлялось, преподносилось, считалось, декларировалось), что советской власти доверяли едва ли не безгранично.

В предисловии к книге Френсиса Фукуямы «Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию» Андрей Лактионов уточняет: «Доверие, — «ключевая характеристика развитого человеческого общества, проявляющаяся как на индивидуальном уровне, так и на уровне социальном (доверие к общественным институтам и государству в целом). Именно доверие определяет прогресс; успех «самореализации» конкретного общества зависит не от рыночных принципов и не от приверженности традициям, но от «одного, распространившегося повсюду элемента культуры — уровня доверия, существующего в обществе». По распространенности доверия в современных иерархических структурах Фукуяма выстраивает классификацию человеческих обществ: к группе с высоким уровнем доверия он относит «избранные», «основанные на доверии» либеральные демократии (США, Германия, Япония), тогда как традиционалистские страны (Китай, Мексика), европейские «легковесы» (Франция, Италия), равно как и страны Восточной Европы и бывшего СССР он причисляет к обществам с низким уровнем доверия»².

«Та культура доверия, которая формировалась в СССР, оказалась совершенно непригодной для формирования рыночной экономики. Официальная идеология пыталась стимулировать альтруистические чувства, но для развития хозяйства нужны трезвый расчет и ощущение взаимовыгодности складывающихся между партнерами отношений. Официальная идеология приучала к тому, что общественные интересы всегда должны доминировать над интересами личными, но в рыночном хозяйстве нужно говорить скорее о гармонизации интересов, нежели о доминировании. Парень, отправлявшийся в 1960-х годах на комсомольско-молодежную стройку, наверное, ощущал доверие к друзьям, с которыми делил одну сырую палатку, но в реалиях сегодняшней России этот человек, больной и сильно состарившийся, скорее оказывается в числе наименее адаптированных граждан. И самое главное — его плохо понимают дети и внуки, у которых доверие альтруистов, рожденное в условиях таежной романтики, вызывает лишь скептическую усмешку»³.

Небольшая ремарка: есть слова, которые по сути своей значат значительно больше, чем кажутся: «любовь», «совесть», «честь», «патриотизм» и так далее. Их не так много, при желании большую часть из них можно было бы здесь перечислить. Но какими бы они не были глубокими

² Лактионов А. От редакции: по обе стороны «линии доверия» / Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 5.

³ Травин Д. «Ребята, давайте жить дружно» / Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 721.

по своему содержанию, эти термины легко поддаются обесцениванию, иногда и осквернению. Сейчас подобные слова легко и безответственно используются в рекламных роликах, которые большей частью населения справедливо воспринимаются в лучшем случае как малозначимая информация, в худшем — как прямая ложь. Это логично, искать правду там, где целью является повышение уровня продаж, просто глупо. Но ложь преподносится посредством выражений, нередко и вышеозначенных, которыми хорошо бы дорожить. В момент, когда возникнет необходимость в их истинном значении и силе, чтобы донести до широкой аудитории (например, народу) нечто важное, они могут оказаться бесполезными. Ассоциация со словами неслучайна: автор обратил внимание на частое использование термина «доверие» в тех или иных второстепенных целях (например, в названиях банков), что может привести к искажению сути этого понятия. «Ута Ферверт, историк, серьезно изучавший доверие, проделала очень полезную работу, показав, как менялось с течением времени употребление слова «доверие» и родственных ему слов в разных европейских языках. Она, в частности, демонстрирует, как развитие конституционной демократии и рыночного общества обезличило многие наши социальные контакты; в результате и политики, и коммерческие рекламодатели постоянно пользуются словом «доверие», чтобы искусственным, по сути жульническим, способом внушить, будто личная теплота существует там, где ее нет и в помине»⁴.

Доверие как понятие и явление

Доверие — явление тонкое и часто трудноуловимое, основывающееся на множестве различных факторов, оно тяжело поддается как описанию, так и объяснению. Одно понятно, что это — внутренняя установка, истоки которой задаются в младенчестве и детстве, и такой невидимый, ненаписанный, несогласованный, никак физически не определенный договор между субъектом, отдающим некую часть собственных своего рода полномочий объекту, который нередко не о чем таком и не помышляет. То есть не требует и не просит вслух «Доверься мне», а иногда ни сном, ни духом не ведает, что ему доверили. И вроде бы не должен нести никакой ответственности, но, по мысли «доверителя», несет ее по определению. Слово «доверитель» взято в кавычки неслучайно — зачастую, особенно, при решении социальных вопросов, гражданин сам себя назначает доверителем, делегируя часть собственной ответственности чиновнику, депутату, полицейскому, а через них — власти и государству.

Японский мыслитель периода Токугавы Нисикава Дзёкен писал: «Некий человек говорит так: Трепетать перед общей для нас властью —

⁴ Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 14.

первый долг для простолюдина. «Общая» — на то общая, чтобы, согласно небесным установлениям, личного не иметь. Сын неба пребывает выше всех, он — воплощение Небесного Пути. Он трепещет перед Небом, а народ он наставляет и увещевает. Его установления и законы и есть то «общественное», что определено Небом, в сердце Сына Неба нет личного, в своем дворце он делает дела общие. Пребывая в запретном дворце, он в положенные дни справляет действия общественные. Когда люди посещают дворец, они пребывают в «общественный мир», очищенный от низкого»⁵. Японцам того времени, чтобы все сказанное принять, нужно было обладать абсолютным доверием к означенному здесь «Сыну Неба». Сегодня, когда все мы «простолюдины», и даже сохранившимся в виде раритетов королям и королевам время от времени приходится держать ответ как простолюдинам, а то и вовсе перед простолюдинами — кровь обязывает, но не решает, — убедить людей в том, что «общая власть» ничего личного не имеет, а дворцы власти «очищены от низкого», весьма проблематично.

При монархической форме правления воображается, что мы доверяем не просто монарху как человеку, а как посланнику Бога («власть от Бога»), посреднику между нами и Всевышним («Сыну Бога»), правда, на всякий случай имея в виду, что многое тут зависит от нас (половицы вроде «На Бога надейся, сам не плошай» есть у многих народов мира), при демократической — власть как бы идет на встречу народу, ритуализируя, формализируя и легитимируя передачу полномочий (доверия) посредством разного рода выборов и референдумов, и превращая доверие к себе в ступенчатое явление — люди голосуют за власть в виде отдельных ее уровней. Тем самым власть (в широком смысле) в некотором роде размывает ответственность перед обществом. Ведь при таком положении вещей она практически всякий раз может (так и поступает), перекладывая ответственность на одну из ступеней, в целом оставаться в «белом». Воспользовавшись особенностями применяемых легальных технологий, она может и обезличить себя, скрываясь за партиями, общественными движениями и группами интересов. Ярким примером служит пропорциональная избирательная система, при которой электорат голосует за партийные списки, выбирая не отдельных личностей, а некий партийный бренд, привлекательность которого часто зависит от административного ресурса, финансовых возможностей партийной структуры, лиц, выполняющих роль символов данного бренда, и довольно редко — от деяний политических партий.

Не обязательно глубоко вникать в суть различных форм правления, чтобы понимать коллективность института правителя — монарха, президента, председателя и так далее. А об однопалатных и бикамеральных парламентах с множеством депутатов и сенаторов, правительствах,

⁵ Кайбара Экикэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкен. Мешок премудростей горожанину в помощь / Пер. с яп. А. Н. Мещерякова. СПб., 2017. С. 158.

состоящих из множества министерств и ведомств, и говорить нечего. Означенная коллективность может выдаваться как за коллегиальность, то есть, за некую форму демократии, когда решение выносится с учетом различных мнений, так и за то же размывание ответственности — как бы все плохое происходит далеко внизу или даже рядом, но власть в целом и особенно ее вершина «вне подозрений». Зачастую решение принимается единолично, оно по своему содержанию и направлению может опираться на разные идеи, но может быть и результатом спонтанного порыва главного руководителя, в зависимости от уровня своей популярности может быть приписано разным уровням власти от «стрелочника» до «начальника». Главное заключается в том, что авторитет власти, то есть доверие к ней, должно быть непоколебимым. Но ключевое слово здесь — «выдаваться», люди голосуют за то, что и в каком качестве им видно.

Мы не будем рассматривать случаи, когда власть по той или иной причине теряет связь с реальностью, и перестает понимать место и значение общества в собственной жизнеспособности, — это один из крайних вариантов, независимо от формы правления (декларируемой и реальной), и во многих случаях является предвестником, как минимум, социальной напряженности, а иногда — и общенациональной катастрофы. Не будем, и нет смысла, потому что при подобных обстоятельствах достаточно быстро наступает точка невозврата, и наличие или отсутствие доверия перестает иметь какое-либо значение.

«Общество, где царит доверие, способно организовывать работу людей в более гибком режиме и на более коллективных началах, оно способно делегировать больше ответственности на низовой уровень. И наоборот, общество, где царит недоверие, должно огораживать рабочее место каждого частоколом бюрократических правил. При этом человек, как правило, способен более полноценно трудиться и получать от этого удовольствие, если на работе к нему относятся как к тому, кто самостоятельно и добровольно вносит свою лепту в общее дело, а не как к «винтику» в огромном производственном механизме, цель и задачи которого его не касаются»⁶. Разумеется, в идеале доверие между обществом и властью должно быть обоюдным, во всяком случае, оно должно присутствовать. Очень важно, чтобы население доверяло государству и власти. Но не менее важным моментом в их взаимоотношениях является обратное доверие власти к социуму, когда государство во всем многообразии своих институтов может полагаться на общество, рассчитывать на него при определении тактических, стратегических вопросов развития страны, необходимости ответов на те или иные вызовы времени. Обоюдное доверие между обществом и государством определяет уровень их отношений и предполагает соответствующее качество как общества, так и власти. Бездумное доверие,

⁶ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 62.

как и бесосновательное доверие, мало что значат, подобного рода доверию немного нужно для полярной трансформации вектора.

Доверительность в отношениях общества и власти — следствие не только внутреннего доверия социума (часто это одно из его качеств), но и доверия внутри самой власти. Неслучайно, в отечественной практике с недавних пор прижилось понятие «утрата доверия», по причине которой руководство страны время от времени отказывает в доверии достаточно высокопоставленным персонам со всеми вытекающими отсюда последствиями. Утрата доверия по отношению к кому бы то ни было значительно хуже, чем изначальное его отсутствие — утраченное доверие скрывает в себе множество не всегда открытых публике факторов и практически невосстановимо.

Уровень взаимного доверия между населением и государством также и во многом зависит от состояния отношений внутри всего общества. Отсутствие или наличие внутреннего доверия в обществе — весьма важный и, нередко, определяющий фактор в качестве социума. Речь идет о доверии между отдельными людьми, но оно не сильно отличается от доверия между отдельным человеком и, например, референтной группой; отдельной личностью и обществом; гражданином и государством.

В отличие от многих других критериев повседневности доверие само по себе может быть как основой, так и результатом, как причиной, так и следствием тех или иных явлений. Оно может быть частью веками выработанной ментальности (или национального характера), внутреннего состояния общества, качеством, основательно вьевшимся в плоть и кровь населения, нации, народа в течение долгих лет совместного преодоления различных проблем, противостояния трудностям, переживания счастья и горя, а может быть внедренным моментом, опирающимся на осознанную социальную солидарность, общность целей и задач, на то же гражданское общество. Возможны и смешанные варианты. По мнению Ф. Фукуямы, «Поскольку объединение людей зависит от доверия между ними, а доверие, в свою очередь, обусловлено существующей культурой, следует сделать вывод, что в разных культурах добровольные сообщества будут развиваться в разной степени»⁷. Разумеется, доверие, это — не вещь в себе, оно вместе с самим обществом постоянно подвергается различным по роду и форме испытаниям, в одних случаях становясь еще сильнее, в других — уступая свои позиции. В современном мире, одной из основных характеристик которого является высокий уровень коммуникаций, невиданно быстрое распространение информации и проникновение ее в самые дальние и малодоступные уголки Земли, большинству этносов сложно сохранить самобытность существования, традиционный уклад

⁷ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 51.

быта, привычные темпы жизни, на которых во многих случаях доверие как явление зиждется.

Доверие не всегда зависит от уровня и качества жизни. В истории немало случаев, когда люди, едва сводя концы с концами, шли к цели, обозначенной лидером или властью (речь не о защите родины или чем-то подобном, а о более прозаических случаях). Правда, такое доверие часто недолговечно и довольно быстро может превратиться в полное недоверие, так как, с одной стороны, опорой для него выступают порывы и желания, имеющие обыкновения гаснуть и меняться в зависимости от ситуации, с другой — оно зависит от качества цели (которая при близком рассмотрении может оказаться не столь привлекательной, как представлялось) и успешности ее достижения. Да и, как говорил поэт: «Пряников, кстати, всегда не хватает на всех».

Конечно, подобные случаи — частности и не более того. Но именно из частностей состоит жизнь, к тому же в отношении явлений, подобных доверию, отдельные случаи иногда имеют гораздо большее значение, чем долгие годы их взращивания. То есть доверие — явление весьма неустойчивое. Это необходимо учитывать в большей степени власти, чем обществу. Если общество без особых проблем может обходиться без доверия власти, хотя подобное обстоятельство по определению не может не сказаться на качестве его существования, то власти без доверия социума управлять государством очень непросто. Даже если подобное недоверие обернется не социальной напряженностью (вроде бы, это самое худшее, к чему оно может привести), а банальным равнодушием, то результаты последнего вряд ли будут сильно отличаться от итогов общественного противостояния.

Скандинавский опыт доверия

Английский журналист Майкл Бут, прожив в скандинавских странах более 10 лет, рассказал о структурах гражданского общества (клубы, ассоциации, сообщества) в Дании, как об одном из важных проявлений социальной сплоченности датчан наряду с «датским коллективизмом». Он ссылается на теорию «шести рукопожатий», по которой всех людей на Земле разделяет не более пяти уровней общих знакомых, и приходит к выводу, что в данном понимании датских жителей разделяет максимум три уровня. «Когда на каком-нибудь мероприятии встречаются два незнакомых между собой датчанина, им нужно не больше восьми минут, чтобы найти либо общего друга, либо, как минимум, приятеля этого друга»⁸. И такую социальную сплоченность журналист связывает с другим фактором, с которым обычно отождествляют феномен датского

⁸ Здесь и далее текст раздела построен (там, где нет специальных сносок) на основе сведений из книги: Бут М. Почти идеальные люди: Вся правда о жизни в «скандинавском раю». М., 2017. В скобках указаны страницы.

счастья — необычайно высоким уровнем взаимного доверия. Доверительное отношение друг к другу в Скандинавских странах хорошо развито, «но сильнее всех на планете доверяют окружающим датчане. Согласно данным опроса, проводившегося в ОЭСР в 2001 году, высокую степень взаимного доверия подтвердили 88,3 процента датчан — это больше, чем в любой другой стране. За Данией расположились, соответственно, Норвегия, Финляндия и Швеция. Великобритания оказалась на зачетном десятом месте, но вот США провалились до 21-го в списке из 30 стран, где проходил опрос» (С. 52). По тому же опросу у 96 процентов датчан оказались знакомые, готовые в трудную минуту прийти на помощь; доверие датских граждан к власти, по мнению М. Бута, проявляется в 87-процентной явке на всеобщих выборах; по другим исследованиям, Дания — одна из немногих стран, где уровень доверия неуклонно растет на протяжении последних 50-и лет; а согласно ежегодному Индексу восприятия коррупции, наименее коррумпированными странами мира являются Дания и Финляндия, за ними с небольшим отрывом следуют Швеция и Норвегия⁹. *Сочетание наибольшего доверия и наименьшей коррупции* для жителей стран постсоветского пространства, да и большинства населения планеты — когнитивный диссонанс. Невольно вспоминаются истории, подобные ситуации с английскими джентльменами из известного анекдота: «вот тут мне и карта поперла!».

Судя по исследованию М. Бута, доверительность датчан, на взгляд немалого числа недатчан, граничит с доверчивостью, а то и беспечностью: в Копенгагене велосипеды привязывают и ставят на замок; а за городом незапертые дома, автомобили и велосипеды — обычная картина; датчане спокойно оставляют малышей в колясках перед входом в кафе или магазин; часто даже 6–7-летним детям разрешают самим ездить на велосипеде в школу и обратно; при этом «любая датская газета полна историй о местных мошенниках, контрабандистах, жуликах и аферистах» (С. 55–56).

Датский эксперт по вопросам общественного доверия, субъективной оценки благополучия и степени удовлетворенности жизнью (как бы я хотел, чтобы в нашей стране эксперты по подобным вопросам были востребованы) Кристиан Бьорнскоф рассказал М. Буту о провале опыта, проведенного на Центральном вокзале Копенгагена с бумажниками, оставленными на виду для выявления честности местных жителей. «У них ничего не получилось, — говорил он. — Стоило оставить где-то бумажник, как его подбирали и бежали вдогонку, чтобы вернуть!». Бьорнскоф считает, что доверие не просто сплачивает общество и укрепляет связи

⁹ Важно отметить, что к Скандинавским странам и их в определенной мере идеализации английский журналист относится с существенным скепсисом, который придает его исследованию несколько субъективно-ревностный характер. По крайней мере, по отношению к скандинавам М. Бут явно не испытывает шикета. К примеру, жители Скандинавии ему кажутся фантастически грубыми и невежливыми людьми, далекими от понимания правил хорошего тона.

между людьми, но и оказывает благотворное влияние на экономику Дании. По его подсчетам, благодаря взаимному доверию только в системе правосудия ежегодно экономится 15000 крон на человека, не менее 25 процентов ВВП страны обеспечивает социальный капитал, которого вполне достаточно, чтобы покрывать издержки государства на развитую систему социального обеспечения. Высокий уровень доверия делает работу бюрократического аппарата более прозрачной и эффективной, снижает материальные издержки и трудозатраты при деловых контактах. Юристам требуется меньше времени на подготовку дорогостоящих документов и участие в судопроизводстве. В обществах с высоким уровнем доверия эффективнее система образования — учащиеся больше доверяют друг другу и преподавателям, и это дает возможность фокусироваться на учебе. Лучше обстоят дела и в отраслях, требующих высококвалифицированного труда. Проверять, насколько добросовестно работают консультанты, архитекторы, ИТ-специалисты или инженеры-химики, дорого и сложно, и здесь доверие становится еще более необходимым. Это одна из причин, считает эксперт, по которым страны с высоким уровнем доверия (Дания, Финляндия и Швеция) так успешны в фармакологии или электронике и привлекают иностранный бизнес (С. 57–58).

Получается, что доверие еще и экономическая категория! В том-то и дело, что, рассматривая доверие как некое обособленное явление, к тому же еще и гибкое, подверженное быстрым изменениям, можно упустить из виду его многогранность — оно и экономическая, и политическая, и психологическая, и ментальная, и нравственная категория, и занимает более чем важное место в жизни как индивида и социума, так и государства. Конечно, доверием можно воспользоваться как своего рода слабостью, но, во-первых, не так много раз, во-вторых, чаще всего ценой его потери и, в-третьих, если оно работает в масштабе группы стран (имеется в виду Скандинавских), то оно явление жизнеспособное.

В поисках ответа на вопрос «Откуда взялась тенденция к взаимному доверию у датчан, насколько глубоко в их психологии склонность доверять окружающим и общинный уклад жизни?» М. Бут задается, в том числе, новыми вопросами: «Не следствие ли это пяти столетий территориальных потерь? Что первично — высокий уровень взаимного доверия или социальная сплоченность? Порождается ли взаимное доверие датчан социальной сплоченностью, общностью задач и интересов? Или наоборот, чтобы собрать людей воедино, нужно в первую очередь взаимное доверие между ними?» (С. 58–59). Масла в огонь подливает еще и эксперт К. Бьорнскоф своим высказыванием о том, что он больше доверяет шведам: «Им просто в голову не приходит, что можно соврать или обмануть» (С. 56). Все же журналист приходит к выводу, что доверие и социальная сплоченность настолько переплелись между собой, что являются собой практически единое целое. Но доверие не так сильно связано

с абсолютными цифрами национального богатства. Иначе относительно бедная Эстония не находилась бы на седьмом месте в рейтинге доверия ОЭСР, а богатая Южная Корея (не говоря уж о США) не болталась бы в конце этого списка.

Что касается самих датчан, то одни из них источником высокого доверия в обществе считают экономическое равенство — прозрачное перераспределение национального богатства через налоги, другие — что это имманентное свойство народа. Датчанам исторически были присущи высокий уровень доверия и сплоченность, а фундаментом социального обеспечения граждан Дании является социальное равенство в более широком смысле — то, которое существовало задолго до появления государственного сектора экономики и высоких налогов. Именно взаимное доверие и социальная сплоченность общества способствовали возникновению социально ориентированного государства (С. 60–61). Если упростить, то истоки взаимного доверия кроются в национальном характере датчан и доверие — их ментальная особенность. К тому же К. Бьорнскоф настаивает: «Если вы хотите перераспределять национальное богатство, то в обществе с высоким уровнем взаимного доверия это проще, поскольку здесь верят, что деньги достанутся нуждающимся (так и вспоминается ваучерная и другие формы приватизации, проведенные в некоторых постсоветских странах якобы с подобной целью, — и как это осуществлялось властью, и как это воспринималось населением. Тут и комментарии излишни. — И.Г.). Мы всегда доверяли другу другу, и это доверие — краеугольный камень социального государства. ...В сегодняшней Дании нет явных диспропорций в распределении материальных благ, и удовлетворенность жизнью достигла высочайшего уровня (С. 60).

При этом, особенно с учетом последнего предложения, нельзя забывать, что уровень налогообложения в Дании составляет около 50 процентов. Может быть, есть смысл искать истоки феномена датского (а может, и в целом скандинавского) доверия в истории о том, как в 800-х годах викинги подошли к Парижу, навстречу им вышел парижанин с белым флагом и с просьбой поговорить с их королем. В ответ викинги посмеялись: «Мы тут все короли». Все — короли, значит, все — хозяева. Следовательно, и отношение к стране хозяйское, а не отношение временщика, одной ногой находящегося в более удобных для проживания странах. Разумеется, никакого бесклассового общества у викингов не было — это миф, были и правители, и крестьяне, и рабы-пленники. Но у них был строгий кодекс чести, который и являлся основой общественного устройства. Рассказывая об этом М. Буту, доктор Элизабет Эшман Роу называет понятие чести кредитным рейтингом (по подобным качествам судили, можно ли выдавать дочь замуж за человека или нет), делающим викингов — мародеров и грабителей в духе того времени — предельно законопослушными. Исторические истоки взаимного доверия скандинавов подтверждает

исследования, проведенные в США: в штатах, куда с середины XIX века направлялись большие потоки переселенцев из Скандинавии (в основном, шведы), уровень взаимного доверия выше, чем в штатах, принимавших в основном греков и итальянцев (С. 64–66).

В Дании самые высокие в мире ставки налогообложения — только подоходный налог составляет от 42 до 56 процентов. Кроме того изымается церковный налог (1%), налог на имущество (5%), дорожный налог. Акциз на новую машину составляет 180 процентов, на топливо — 75; НДС в 25 процентов не учитывает только покупку газет; пару лет назад правительство попыталось внести налог на «жирное» — сливочное масло, бекон и т.п., которые сочло вредными (разумеется, датчане «выкручиваются», покупая продукты на «черном рынке», в соседних странах, делают какие-то мелкие попытки ухода от налогов и т.д., но это общей ситуации не меняет). Бремя прямых налогов в Дании доходит до 72 процентов. Говоря иначе, датчане свободно могут распоряжаться только третьей частью своего заработка. Зарплаты же у трудящихся Дании не самые высокие — шестое место в мире по рейтингу брутто-доходов населения. Так и хочется сказать: удивительно!

Но еще более удивительно то, что с начала 1970-х годов множество политических партий пыталось прийти к власти, выступая против высоких налогов, но ни одна из них не получила достаточной поддержки. Для многих датчан налоговое бремя — главный символ жертвенности на благо общества. Выходит, что отношение населения к высоким налогам тоже следствие социальной сплоченности, взаимного доверия в обществе, доверия к власти и т.д. Некоторые исследователи считают, что для датчан платить высокие налоги — дело чести, с одной стороны, и результат доверия к власти, с другой — люди верят, что правительство разумно потратит отданные ему деньги, испытывают воодушевление от того, что пополняют государственный бюджет (С. 79–81).

То есть, датчане уверены, что государственный бюджет, это — их бюджет! Думаю, мой восклицательный знак многих граждан Дании сильно бы удивил, но он практически всем понятен на постсоветском пространстве, но не в Скандинавии. М. Бут приводит рассказ своего знакомого о другой национальности: «Несколько шведов — коллег по работе стали собираться по пятницам, чтобы отметить конец недели бутылочкой вина. Так продолжалось несколько недель, потом один из них сказал: «Я тут подумал и понял, что это вино нужно декларировать как налогооблагаемый доход». После непродолжительной дискуссии было решено, что каждый теперь обязан декларировать по 5 крон дополнительного дохода» (С. 375). «Доверие — это возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. Кое-что из этих норм относится к сфере «фундаментальных

ценностей» (например, к пониманию Бога или справедливости), однако в их число входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения»¹⁰.

«В 1990-х годах российский налоговый инспектор, скептически относящийся к данным о высоком уровне собираемости налогов в Швеции, спросил политолога Бу Ротстейна, как же получается его достичь. Большинство шведов, ответил Ротстейн, платят налоги, поскольку верят, что: а) так делают все остальные; б) налоговые поступления будут честно потрачены на благо общества. Инспектор заметил, что россияне, напротив, уклоняются от налогов, поскольку уверены: а) мало кто из их сограждан платит все, как положено; б) их деньги приберут к рукам коррумпированные политики и бизнесмены. Ротстейн назвал подобную ситуацию «социальным капканом»¹¹.

Министр внешней торговли Финляндии, занимающей 3-е место (за 2016 г.) в индексе коррупции Transparency International среди 176 стран (Россия — на 131-м месте), в интервью газете «Ведомости» говорит: «Даже независимость Финляндии связана с верой в закон. Сто лет назад нашим символом стала женщина с книгой законов в руках — ее пытается вырвать двуглавый орел, а она не дает ему это сделать. Хороший финн верит в закон и в то, что *все нужно делать правильно* (курсив мой. — И.Г.). — И добавляет, — Финляндия — маленькая страна, если в городе, где живет 50 тысяч людей, ты делаешь что-то неправильно, то скоро все об этом узнают, а от проблем мало куда можно будет убежать»¹².

По результатам многочисленных социологических опросов, большинство граждан Датской Республики считает, что если в казне есть излишки, их надо тратить на социальные нужды, а не снижать налоги. При этом это государство входит в тройку стран с самым высоким показателем доли государственных расходов в ВВП на душу населения (С. 81). Есть тут и свои аномалии: личные долги датчан, этих, как их называет М. Бут, «осторожных и бережливых лютеран», выражаются астрономическими цифрами. Притом государственный долг страны составляет примерно 50 процентов от среднего значения по Европейскому Союзу (средний — около 90%). Причина данной аномалии, видимо, кроется в истории. В 1694 году английский посол в Копенгагене Роберт Молсуорт в своих мемуарах «Относительно Дании» писал: «Дания — страна с ужасно высокими налогами. В результате каждый делает все, что в его силах, чтобы этих налогов избежать».

Скандинавский полуостров состоит не из одной Дании, похожая ситуация с доверием сложилась и в других странах полуострова. И, видимо,

¹⁰ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 52.

¹¹ Rothstein B. Social Traps and the Problem of Trust. Cambridge. Cambridge University Press, 2005. P. 2–4. Цитируется по Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 10.

¹² Ильина Н. Хороший финн верит в закон и в то, что все нужно делать правильно. Ведомости. № 182 (4417). 28.09.2017.

нам все же придется принять вывод о том, что доверие, если и приобретенное качество скандинавов, то таковым оно стало не вчера, и даже не позавчера. Посредством, в том числе, доверия другу к другу северные народы, о которых мы говорим с удивлением, а то и определенного рода умилением, и которые в такой же степени, как и многие другие народы мира, обладают достоинствами и недостатками, подвержены порокам и стереотипам как в отношении себя, так и по поводу других, в течение веков жили, используя доверие как средство выживания, на доверии строили взаимоотношения, им заменяли всевозможные нормы сосуществования, опираясь на доверие, защищались от неприятелей и многое другое.

Разумеется, доверие как черта национального характера и сегодня сказывается на их мировоззрении, восприятии окружающей реальности, отношении к соседним народам и остальному миру. В некотором смысле взаимное доверие вышеописанного рода, когда оно в каком-то варианте — явление самодостаточное, имеющее фундаментальную основу в общественном мнении, более того, в ментальности, еще и возвышается над самим человеком, несколько упрощает жизнь датчанам, шведам, финнам и норвежцам с исландцами. При этом оно, с одной стороны, естественно, не решает всех проблем, с другой — создает определенные трудности, ограничивая как само общество, так и отдельных граждан в психологическом, социальном, политическом и так далее пониманиях. Другое дело, что высокий уровень взаимного доверия в сочетании с демократическим общественным устройством, общим стремлением к консенсусу, социальной солидарностью, доступным, бесплатным и качественным образованием, относительным экономическим равенством в силу, в том числе, перераспределительной налоговой системы и многого другого вывел скандинавские государства на передовые позиции среди всех стран планеты.

Доверие и социальное равенство: что первично

В начале статьи при описании ситуации с доверием в Скандинавских странах неоднократно упоминается проблема равенства между людьми, как существенный фактор, или даже как один из определяющих факторов для установления доверия в обществе. Это не случайно.

В последние годы в мире рекордными темпами растет социальное неравенство. В 2015 году 62 самых богатых человека распоряжались объемом богатства, которым владели 3,6 млрд самых бедных жителей планеты. Сегодня тем же объемом богатства владеют 8 богатейших персон. 1 (одному!) проценту богатых принадлежит 51 процент мирового материального состояния¹³.

¹³ Аналитическая записка Оксфам: «Экономика на 99 процентов: пришло время построить человеческую экономику, которая приносит пользу всем, а не только привилегированным немногим»: Цитируется по: http://policy-practice.oxfam.org.uk/publications/search?i=1; page=8; q=*; q1=publications; show_all=prof; sort=publication_date; x1=page_type &gid =&owner. В 1942 году в Оксфорде (Великобрита-

Несколько международных аналитических центров объявили, что именно Россия лидирует в списке самых неравных экономик в мире. Консалтинговая компания New World Wealth ранее подсчитала, что в Российской Федерации почти две трети (62%) благосостояния находится в распоряжении долларовых миллионеров, более четверти (26%) — у миллиардеров. И по экспертным оценкам, это худший результат среди основных экономик мира. «Если миллионеры контролируют свыше 50 процентов богатства в стране, в ней практически не остается места для образования среднего класса», — поясняли исследователи. Специалисты Credit Suisse тоже присудили России первое место в рейтинге наиболее неравномерных экономик мира. По их подсчетам, 1 процент населения Российской Федерации владеет 74,5 процента благосостояния страны (на втором месте — Индия, где в руках 1 процента жителей находится 58,4% богатства страны, на третьем Таиланд — 58%)¹⁴.

Подобное неравенство, с одной стороны, вряд ли сильно волнует богатых, с другой — социальное, экономическое, политическое, психологическое и нравственное значение имеет в основном для бедных. Дело даже не в том, что как говорит народная мудрость, «сытый голодного не разумеет». Не разумеет, да знает о нем, но только если первый просто сытый. В данном случае речь не о сытости, а об уровнях, которые если и могут пересекаться, то только в фантастических и киношных сценариях. Между самыми богатыми и самыми бедными (как и между богатством и бедностью как явлениями) экономическое неравенство возводит забор, рядом с которым Великая китайская стена может выглядеть как садовый штакетник. Говорить о каком либо доверии или недоверии между ними здесь смысла нет, так как у них отсутствует всякое понимание, даже если они объединены языком, национальностью, культурой и так далее.

В международной практике используются понятия абсолютной и относительной бедности. Абсолютная бедность понимается как отсутствие достаточных ресурсов для обеспечения основных жизненных потребностей. Существуют международные, национальные и региональные черты абсолютной бедности. В настоящее время международная черта бедности, установленная Всемирным Банком, находится на уровне 1,9 доллара США

ния) небольшая группа студентов университета решила основать Оксфордский комитет по помощи голодающим (Оксфам), чтобы направлять продовольствие голодающему гражданскому населению Греции во время Второй мировой войны. По окончании войны, начиная с 50-х годов прошлого столетия, комитет не только не прекратил свое существование, но расширил работу по помощи пострадавшим в военных конфликтах и в результате стихийных бедствий по всему миру, а также начал оказывать помощь людям в беднейших странах мира, помогая им выживать в труднейших условиях. На сегодняшний день Оксфам работает по таким направлениям, как борьба с бедностью, доступ к базовым социальным благам, таким, как продовольствие, чистая питьевая вода, медицинское обеспечение и образование, а также ведет активную работу в области гуманитарной помощи, гендерного равенства, помощи развитию и борьбы с климатическими изменениями.

¹⁴ Башкатова А. Расслоение населения по доходам сейчас выше, чем в начале нулевых. Независимая газета. 17.01.2017.

в день по паритету покупательской способности. Такие крайние формы бедности, как считается, были ликвидированы в России в 2009 году. Национальная черта абсолютной бедности в России — прожиточный минимум — со второго квартала 2017 года составляет 10329 рублей на душу населения. Региональные черты бедности в России отличаются и составляют от 75 до 200 процентов от национальной черты бедности. В настоящее время 12,8 процента населения России (1 из 8 человек) имеют доход ниже прожиточного минимума. Однако, как отмечает широкий круг российских специалистов по социальной политике, в современной России содержание базовой потребительской корзины не отвечает нормам здорового питания и не соответствуют реальной структуре потребления, а ее цена существенно занижена¹⁵.

Информация об абсолютной бедности, выраженная в сухих цифрах статистики, конечно, дает определенное представление о состоянии общества, но не способна раскрыть глубину самой проблемы, состоящей из множества факторов, каждый из которых может срабатывать совершенно непредсказуемо. Ведь бедность — не только нехватка того или другого, что необходимо для нормальной (достойной) жизни, она еще и другое ее восприятие, в корне которого — отсутствие всяческих перспектив, что влечет за собой деградацию личности. О каком доверии к кому бы то ни было здесь может идти речь? С учетом того, что «личность», о которой мы говорим, далеко не в единственном числе, то бедность — проблема не только бедных людей, а социальная, более того, общенациональная проблема. К тому же картина ясна.

По утверждению директора Института социологии РАН, академика Михаила Горшкова (2013), каждый пятый россиянин обладает всеми признаками человека за гранью бедности. На 2013 год по статистике в России официально считались бедными (то есть имели доход ниже установленного прожиточного минимума) 8,8 процента населения, или 12,5 млн человек. В начале 2014 года это число увеличилось до 19,8 млн (13,8%), в I квартале 2015 года достигло 22,9 млн (15,9%)¹⁶.

Руководитель исследования «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя» (2013) доктор социологических наук, профессор Наталья Тихонова, отмечает, что в России «как никогда велика бедность работающих граждан»¹⁷. Реальные доходы населения сократились в 2014 году впервые с 1999 года. С октября 2014 года по август 2015 года доходы населения сократились на 9 процентов.

¹⁵ Irina Denisova. 2012. Income distribution and poverty in Russia. OECD Social, Employment and Migration Working Papers no. 132. Organisation for Economic Co-operation and Development. Цитируется по: Аналитическая записка Оксфам...

¹⁶ Уровень бедности в России в первом квартале подскочил до 16 процентов. Цитируется по: <http://www.interfax.ru/business/447073>.

¹⁷ Социологи РАН выяснили, почему многие россияне становятся бедными. Цитируется по: <https://news.mail.ru/society/13596758>.

Авторы доклада Института социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации перечисляют причины падение доходов: девальвация рубля, сокращение индексации зарплат бюджетников, ужесточение условий получения социальных выплат или их отмены и так далее. При этом зависимость доходов населения от государственного бюджета увеличивается: из-за сокращения доли зарплат удельный вес социальных выплат в структуре доходов россиян во II квартале 2015 года достиг 19,3 процента. Это на треть больше, чем до кризиса 2009 года, после которого зависимость доходов граждан от государства выросла: в 2000–2008 годах доля социальных выплат в доходах составляла 13,5 процента. Ее рост произошел прежде всего за счет последовательного сокращения доли доходов от предпринимательской деятельности: с 15,4 процента в 2000 году вдвое до 7,8 процента по итогам 2014 года¹⁸.

Согласно докладу РАН, социальное расслоение в России между 10 процентами наиболее богатого населения и 10 процентами наиболее бедного в 2013 году достигло 16:1 (критическое значение этого показателя составляет 8–10:1). За 20 лет этот показатель увеличился в 4 раза. У 73 процентов работников российских предприятий заработная плата ниже средней заработной платы по России¹⁹. В России, по итогам 2015 года, покупка жилья в ипотеку (речь о двухкомнатной квартире в 54 квадратных метра) была недоступна для более 86 процентов населения²⁰.

Заниженные заработные платы — распространенное явление в таких отраслях, как сельское хозяйство (24,4% занятых в секторе получают зарплату ниже прожиточного минимума), образование (23,7%), деятельность организаций отдыха, развлечений, культуры и спорта (20,6%), предоставление коммунальных и социальных услуг (20%). Таким образом, бедный по Росстату — это в основном семейный человек с детьми, вынужденный работать в силу разных причин на низкооплачиваемой работе.

Бедность становится не просто явлением одного года, когда ухудшается уровень жизни в целом по стране. Она приобретает характер длительный: работу быстро не сменить, качественное образование для получения более престижной работы требует 2–4 года, а на образование нужно еще заработать. Воспитание ребенка со всеми текущими расходами занимает

¹⁸ По итогам первого полугодия за чертой бедности оказался каждый седьмой россиянин. Цитируется по: Рамблер.Финансы (ru-Ru). Рамблер.Финансы // <https://finance.rambler.ru/news/2015-9-9/za-chertoi-bednosti-okazalsia-kazhdyi>.

¹⁹ Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. Цитируется по: </news/shownews.aspx?id=4f0a07fe-8853-4eda-9428-574f5fcf0654>.

²⁰ Велесевич С. Ипотека оказалась доступной для 13 процентов российских семей. Подробнее см. на РБК: <https://realty.rbc.ru/news/577d17489a7947e548ea4a09>.

Ипотека оказалась недоступной для 81 процента россиян. Цитируется по: </2012/04/27/mortgage>.

20–23 года. Таким образом, бедность становится явлением постоянно присутствующим, затягивающим в круг нищеты²¹.

В упомянутом исследовании Института социологии РАН отмечается, что если десять лет назад плохо обеспеченные люди еще тешили себя иллюзиями, что их проблемы временные, то в последние годы резко увеличилось число тех, кто сам признает себя обитателем «дна». Исследователи отмечают, что в длительной («хронической») бедности россиян есть своего рода «точка невозврата», после которой человек теряет надежду на перемены к лучшему — это в среднем три года, прожитых в таком состоянии²².

Небольшое отступление со ссылкой на отечественную прессу. Идея откладывать сверхдоходы от нефти и газа в отдельную «кубышку» реализована как в России, так и в Норвегии, но результаты сильно отличаются. Размер фонда национального благосостояния Норвегии 19 сентября 2017 года превысил 1 трлн долларов, поставив абсолютный мировой рекорд суверенных фондов. Суммарный размер Российского резервного фонда и Фонда национального благосостояния (ФНБ) на 1 сентября был в десять с лишним раз меньше — 92,4 млрд долларов (данные Министерства финансов России).

Создание фонда норвежцы начали раньше — в 1996 году, когда нефть марки Brent стоила 20,5 доллара за баррель (седьмая часть тонны), Россия чуть позже — в 2004 году с ценой 38,3 доллара за баррель. Но нефти в России в абсолютных количествах добывается больше: в 2016 году — 554 млн тонн против 90 млн тонн у Норвегии. Да, население Норвегии составляет 5,2 млн человек, России — 147 млн, следовательно, по добыче в пересчете на душу населения Норвегия сильно опережает Россию: 17,2 тонн на человека у них против 3,78 тонн у нас. Но вся нефть Норвегии добывается на шельфе в тяжелейших условиях, поэтому средняя себестоимость добычи нефти в Норвегии — около 30 долларов за баррель, в России — 18 долларов.

Как при более тяжелых условиях добычи, более высокой себестоимости норвежским властям удается приумножать природную ренту, а российским — нет? Оба фонда создавались в условиях профицита бюджетов и формально были резервом на случай изменения конъюнктуры рынка углеводородов и падения доходов бюджета. Но если в России таким описанием функционал фонда и ограничивался, то Норвегия с самого начала заявила, что это — накопления для будущих поколений, которым предстоит жить тогда, когда запасы иссякнут.

Роль нефтяных денег в экономиках двух стран принципиально разная. Норвегия — один из передовых экспортеров оружия по выручке на душу

²¹ Кравченко Л.И. Бедность в России: не 20, а 70 миллионов россиян // <http://rusrand.ru/analytics/bednost-v-rossii-ne-20-a-70-millionov-rossiyan>.

²² Социологи РАН выяснили...

населения и современных технологий. У России природная рента — основа бюджета. Заимствования из норвежского фонда на текущие нужды ограничены 3 процентами (раньше было 4%) и, вероятно, будут урезаться и дальше. Расходы возможны только из инвестиционной прибыли, которая сейчас дает половину доходов фонда (нефтяная рента — 45%)²³.

Кстати, Российская Федерация, занимая первое место среди стран мира по территории и 9-е по числу населения, находится на передовых позициях по многим видам природных богатств: 1-е место по лесным ресурсам; 2-е — по запасам пресной воды; 8-е — по доказанным запасам нефти; 2-е — газа; и так далее.

В то же время по оценкам различных авторитетных международных организаций и средств массовой информации по итогам 2015 года экономика Россия заняла:

- 15-е место по размеру ВВП;
- 47-е — по расходам на образование;
- 91-е — по расходам на здравоохранение;
- 45-е — по глобальной конкурентоспособности;
- 153-е — по индексу экономической свободы;
- 120-е — по продолжительности жизни при рождении;
- 168-е место — по контролю коррупции;
- 148-е — по индексу свободы от коррупции;
- 36-е из 173 стран — по индексу восприятия коррупции (чем меньше, тем хуже);

2-е из 23 стран — по индексу «блатного капитализма» журнала (рейтинг по числу миллиардеров в отраслях экономики, сильно зависящих от государства);

по качеству государственного управления по всем показателям Россия находится отрицательной зоне;

132-е из 167 — по индексу демократии;

наконец, 148-е место из 177 — по индексу свободы прессы²⁴.

Можно и не обращать внимания на подобные рейтинги, к тому же многие из них в достаточной степени субъективны или даже политизированы. Но если даже воспринимать их «кривыми зеркалами», то о том, что они показывают, стоит призадуматься. И попробовать сопоставить с тем экономическим неравенством, о котором предупреждают отечественные специалисты, и которое, воспринимаясь исключительно как вопиющая несправедливость, во всех случаях является одной из основных причин недоверия в обществе.

Думаю, нет смысла задавать риторические, а тем более, конкретные вопросы как по поводу бедности и экономического неравенства

²³ Рувинский В. Почему Россия не Норвегия. Ведомости. 19.09.2017.

²⁴ Россия — позади планеты всей. Профиль. 14.06.2016. Цитируется по: <http://www.profile.ru/economics/item/107590-rossiya-pozadi-planety-vsej>.

в России, так и ситуации с природной рентой. Ответы на эти вопросы специалистам давно известны, а рецептов, вполне реальных и действенных, — как исправить положение, — просто не счесть. Но прямая связь между названными проблемами и низким уровнем доверия в российском обществе очевидна. Необходимо понимание того, что с одной стороны, доверие в широком смысле слова (как социальный капитал) являет собой значительно большее богатство для страны, чем многое из материальных факторов, с другой — требует более основательных вложений — духовных, моральных, временных и так далее, чем в экономику и политику. «Социальный капитал, требующийся для создания такой моральной общности, в отличие от других форм человеческого капитала, невозможно получить как отдачу от того или иного рационального вложения. «Вложиться» в то, что обычно называется человеческим капиталом — в высшее образование, в получение профессии механика или программиста, — достаточно просто, человек лишь должен пойти учиться в соответствующее учебное заведение. Напротив, приобретение общественного капитала требует адаптации к моральным нормам определенного сообщества и усвоения в его рамках таких добродетелей, как преданность, честность и надежность. Более того, прежде чем доверие сможет стать обезличенной характеристикой группы в целом, она должна иметь некоторые нормы, общие для всех ее членов. Иными словами, социальный капитал не может стать результатом действий отдельного человека, он вырастает из приоритета общественных добродетелей над индивидуальными. Склонность к социализированности усваивается куда труднее, чем другие формы человеческого капитала, но, поскольку в ее основе лежит этический навык, она также труднее поддается изменению или уничтожению»²⁵.

Иначе говоря, доверие, как социальный капитал, долговечно и способно определять перспективу как всего общества, так и отдельных личностей. Это некий вид самоконтроля, исходящего из сущности индивидуума, который ориентирован как на самого человека, так и в целом на общество.

Еще одно замечание по поводу экономического неравенства в российском обществе. Может быть, есть смысл, нет, не для повышения доверия к выборам, не для консолидации общества, не для того чтобы отнять и разделить, а ради обычной прагматики и банальной целесообразности или просто для эксперимента, то есть любопытства ради, или с учетом того, что Россия обозначает себя как социальное государство (ст. 7 Конституции Российской Федерации) хотя бы попытаться положить на одну чашу весов интересы 1 (одного) процента населения, владеющего 74,5 процента благосостояния страны, о которых шла речь в начале раздела, а на другую — интересы остальных 99 процентов?

²⁵ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 52.

Доверься мне, и я научу тебя доверию

В предисловии к русскому изданию своей книги «Доверие: История» британский специалист Джеффри Хоскинг, в 1960-е годы стажировавшийся в Советском Союзе, пишет, что структуры доверия в СССР «были связаны с политическими, полицейскими и культурными критериями». Автор говорит о таких критериях, как знание русской и мировой культуры, особенно литературы, когда как в Британии того времени подобные структуры «основывались совсем на другом: на классовом положении человека, на его произношении (подчеркнуто региональный или нестандартный акцент связывался с низким социальным статусом). ... Политические мотивы тоже играли роль, но далеко не такую существенную, как в Советском Союзе» (С.7)²⁶. Думаю, различие в месте политики в основах структур в указанных странах понятно: Советский Союз в 1960-е годы продолжал формироваться как государство, и внимание к политическим моментам (а полицейские критерии — их продолжение) вполне естественно, а Британия была сложившейся страной со всеми атрибутивными институтами, в остальном, как видно из цитаты, разницы между структурами доверия в Союзе и Британии практически нет. И там, и там — культура, возможно, в разных проявлениях и деталях. «Советская власть создала свои заместители семейным связям. Пионерская организация, комсомол, партячейка формировали в СССР новую культуру доверия. Какое-то время все эти механизмы работали сравнительно успешно, хотя мощный удар по этой культуре был нанесен уже репрессиями 30-х годов, когда вдруг выяснилось, что даже близкий товарищ по партии вполне может донести на тебя в органы. Что же касается эпохи 1970–1980-х годов, когда всякие иллюзии, связанные с построением нового светлого мира, совершенно рассеялись, то она практически полностью похоронила остатки всякой коммунистической этики»²⁷.

Уровень доверия, о котором идет речь у Дж. Хоскинга в отношении Советского Союза, не совсем тот, что может оказать серьезное влияние на состояние общества. Это, скорее, некие правила, чем вопрос доверия. А британский ученый считает явление «доверие» существенным (иначе бы не взялся за достаточно серьезную работу на эту тему): «Особенности формирования доверия и недоверия в любом обществе предопределяют многое в его жизни. Осмелюсь сказать, что это не менее значительный фактор, чем власть» (С.7). Неслучайно, он заканчивает предисловие на тревожной ноте: «На Западе мы все больше ощущаем «кризис доверия». Растущее недоверие к политическим, экономическим и профессиональным

²⁶ Здесь и далее текст раздела построен (там, где нет специальных сносок) на основе книги: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. В скобках указаны страницы.

²⁷ Травин Д. «Ребята, давайте жить дружно» / Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 719–720.

элитам усиливается во всех европейских странах. Его драматизировало решение британского народа начать выход из Европейского Союза. Если мы не будем беречь те связи доверия, которые укрепляют внутренние структуры наших обществ, как и связи между нашими странами, то последствия могут быть страшные — о чем русские могут рассказать убедительнее, чем большинство европейских народов» (С.7).

Откровенно говоря, эту цитату я привел ради последнего предложения. Народы России (как и, кстати, народы всего постсоветского пространства), действительно, могут сказать о необходимости доверия между людьми больше, чем многие другие народы, но, к сожалению, сегодня им самим не везде и не совсем хватает доверия, чтобы определиться с важнейшими явлениями собственной жизни.

«Применительно ... к вопросу о доверии можно отметить, что в ходе российской модернизации были успешно (если можно так выразиться) разрушены многие традиционные семейные связи. Прекратили свое существование старые купеческие и даже кулацкие семьи, десятилетиями накапливавшие как материальный, так и социальный капитал. Индустриализация вывела из деревни на различные «стройки века» молодежь, оторвавшуюся тем самым от своих корней. И, наконец, остатки некогда больших семей затерялись в малогабаритных квартирах, разбросанных по различным концам гигантских мегаполисов»²⁸. Иначе говоря, ментальность советских людей раз за разом, то модернизациями и реформами, то революциями и войнами подвергалась едва ли не перманентным испытаниям. Естественно, общество не успевало среагировать на подобного рода вызовы и в буквальном смысле катилось по наклонной плоскости, теряя навыки и привычки межличностного, межобщинного и межкультурного общения, заменяя одни формы взаимоотношений на другие, — порой совершенно незнакомые.

«Западный мир переживает кризис доверия. Некоторые из несомненных истин, на которых до недавнего времени базировалась наша жизнь, внезапно перестали казаться такими уж несомненными» (С.8). «В сентябре 2013 года только 46 процентов граждан США, опрошенных Институтом Геллапа, доверяли суждениям государственных лиц, и всего 19 процентов — своим представителям в Конгрессе»²⁹. Еще более удручающее впечатление производят результаты опроса Института международных исследований рынка и общественного мнения (Market and Opinion Research International, MORI) в феврале 2013 года: 18 процентов британских граждан верят, что политики говорят правду, это даже меньше доли тех, кто верит агентам по недвижимости (24%), журналистам (21%) и банкирам (21%). Цифры плачевные для профессий, которые требуют общественного доверия»³⁰.

²⁸ Травин Д. Указ. работа. С. 719.

²⁹ www.gallup.com/poll/164678/political-trust-american-people-new-low.aspx (дата доступа: 11 ноября 2013). Цитируется по Хоскиннг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 9.

³⁰ www.ispos-mori.com/researchpublications/researcharchive/3133/Politicians-trusted-less-than-estate-agents

Здесь мы не только не отстаем, но и можем фору дать западному миру. «В сентябре установлен абсолютный рекорд недоверия граждан к освещению экономических проблем в СМИ. Сегодня 65 процентов россиян говорят, что медиа «неполно освещают ситуацию в российской экономике». На максимуме также находится общий показатель недоверия населения к отечественным СМИ — телевидению, радио и газетам. При этом в «карте страхов россиян» на первом месте с заметным отрывом находятся именно экономические проблемы — рост цен, потеря сбережений и недоступность привычных товаров. Россияне словно не замечают рапорты чиновников о победе над инфляцией. Или даже игнорируют их, показывают социологические опросы. Текущие темпы роста цен, по официальной информации, находятся в России на историческом минимуме (ВЦИОМ). Не менее примечательным оказался и опрос фонда «Общественное мнение» (ФОМ), который оценивал доверие россиян к СМИ вообще и к освещению ими экономических проблем в частности. В сентябре, по данным ФОМ, около 65 процентов россиян заявили, что «российские СМИ — телевидение, радио, газеты — неполно освещают ситуацию в российской экономике». Это рекордный показатель со времени кризиса 2008 года. При этом больше половины граждан (51%) вообще не доверяют российским СМИ. Это также рекордный показатель за время наблюдений. Таким образом, похоже что «холодильник начинает побеждать телевизор» и россияне отворачиваются как от экономической пропаганды, так и от экономической информации»³¹. Но СМИ, как правило, не придумывают новости, а всего лишь воспроизводят то, что говорят, в частности, политики и чиновники. То есть опосредованно недоверие российского общества направлено и к источникам новостей.

Хоскинг абсолютно прав, когда говорит: «Доверие — жизненно важный ингредиент в паутине взаимозависимости. Если мы не можем доверять работе наших государственных институтов, качество социальной жизни ухудшается. Общее социальное доверие, опустившись до определенной точки, затем падает стремительно и опасно. Люди переориентируют свое доверие на низшем уровне, отдавая его лидеру своей партии, фракции, религиозного или национального движения — а может быть, и вооруженным силам, связанным с такими движениями. И мы вступаем в гоббсовскую вселенную, где социальный мир, если и можно сохранить, то лишь с помощью властного авторитарного правительства» (С. 12–13). Иначе говоря, сужение сферы социального доверия не останавливается на нижней точке («царь хороший, бояре плохие»), а может катиться дальше вниз. «Доверие и недоверие — неотъемлемые черты любого человеческого общества, но их характер и контекст меняются в ходе социальных изменений» (С.13).

bankers-and-journalists.aspx (дата доступа: 10 сентября 2013). Цитируется по Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 9.

³¹ Сергеев М. Холодильник начинает побеждать телевизор. Независимая газета. 28.09.2017.

«Люди обычно питают доверие к тем или иным символическим системам, доктринам и связанным с ними институтам... Чем более всеохватывающий характер носит религия, тем горячее доверие к ней. ...Доверие весьма заразительно, преданность вере одних людей, их готовность жертвовать собой ради нее привлекает к ней и других» (С. 33). Но проблема в том, что «Недоверие столь же заразительно, как и доверие: едва начав наступление, оно распространяется так стремительно и с таким кумулятивным эффектом, что индивидуальные акторы почти не находят возможности ему сопротивляться. И доверие, и недоверие развивают собственную динамику, которая может захватить целые общества» (С. 33–34). Как отмечалось выше при рассмотрении ситуации в благополучных Скандинавских странах, «Конфигурации доверия не менее важны, чем конфигурации власти. Доверие и недоверие — часть глубинной «грамматики» любого общества. Наше отношение друг к другу, доверие или недоверие, определяет многое в нашем социальном поведении. Чтобы принимать решения и действовать в реальной жизни, мы нуждаемся в доверии к другим людям, к институтам, да и просто к будущему» (С.36).

Общество — более сложная и менее предсказуемая структура, чем власть и государство, следовательно, и «Механизмы доверия (присущие обществу — *И.Г.*) куда менее очевидны и труднее поддаются выявлению, чем механизмы власти» (С. 36). У Хоскинга есть два термина, которые не столь подробно описаны, как они того заслуживают, но одним своим наличием наводят на весьма серьезные размышления: «обязательное доверие» и «вынужденное доверие» (С. 39). Оба термина достойны отдельных исследований, мы же скажем только одно: обязательное доверие касается личного круга индивида (семья, ближайшее окружение, убеждения и так далее), вынужденное — обращено в социальную сферу (общественные и властные институты и структуры). И в первом, и во втором случаях человек находится перед довольно узким выбором, расширять который если и возможно, то только посредством некоего внутреннего «диссидентства» или реальных конфликтов и противостояний (то есть, все та же «гоббсовская вселенная»).

Кроме того, что каждый из нас является членом общества, но еще и принадлежит к тем или иным референтным группам — этническим, социальным, культурным, профессиональным и так далее, что в неменьшей степени определяет вид, форму, уровень, качество нашего доверия, чем наши личностные предпочтения. «Решение о том, кому доверять, мы принимаем индивидуально, но поскольку мы — существа социальные, то на эти решения глубокое влияние оказывают нормы и ожидания общества, в котором мы живем. Социальные детерминанты доверия имеют важное значение, и притом не всегда очевидны» (С. 38). В зависимости от условий и ситуаций (например, вполне возможен внутренний или открытый отказ от референтной группы) человек мо-

жет выбрать различные социальные детерминанты, как опоры своего доверия.

Дж. Хоскинг определяет доверие, как чувство, ощущаемое как надежность и безопасность, когда как недоверие порождает неуверенность, подозрения, дурные предчувствия, страх, несвобода, вынужденное действие против собственной воли; как позиции, выражающаяся в устоявшемся мнении об объекте, мире, людях, событиях, в умонастроении, взглядах, точке зрения, когда недоверие проявляется в неустойчивости данной позиции; как отношение к окружающим — человеку, коллективу, институтам, заключающееся в непрерывном взаимодействии. Эти три аспекта доверия подразумевают социальный контекст, связаны с поведением и действием (или потенциалом для действия), и посредством поведения и действия индивидуума влияют на функционирование общества (С. 42–43). Он приводит классификацию Макса Вебера социального действия, как иллюстрацию отдельных видов доверия: целеориентированное — мы доверяем тем, с кем сотрудничаем в достижении общей цели и в ком уверены; ценностно ориентированное — доверяем, потому что верим в добродетель объекта доверия исходя из общих с ним ценностей; аффектуальное — доверяем, потому что любим; традиционное — доверяем тем, к кому привыкли, или велит доверять обычай. На типы доверия указывает и веберовская классификация типов легитимности власти: традиционное — доверяем лидерам и институтам, к которым привыкли; бюрократическое — доверяем стабильным институтам, функционирующим с доказанной компетентностью и в соответствии с четко установленными правилами; харизматическое — доверяем лидерам за их личные качества, «благодать», которую им приписываем³². Надо сказать, что классификация Вебера учитывает и многие моменты, связанные с принадлежностью индивида к референтным группам.

Эмиль Дюркгейм обратил внимание на моральную сторону доверия как явления и в отличие от Огюста Конта и Герберта Спенсера не верил, что индивидуальная рациональность может привести к социальной гармонии. Любой социум, утверждал он, является «нравственным обществом, и состояние порядка... среди людей не может быть следствием каких-то абсолютно материальных причин, какого-то слепого механизма: «Это нравственная задача»³³— говорил он. Действительно, взаимное доверие в обществе (или просто между людьми) способно возникнуть (именно так!) в самые тяжелые времена и самых трудновыносимых условиях, и раствориться в благополучные с материальной точки зрения периоды. Доверие советских людей к самим себе, к обществу в целом и к власти, дремавшее в относительно сытые «застойные» времена, воспряло с наступлением полных драматизма и всевозможных материальных, моральных,

³² Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 46–47.

³³ Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 47.

бытовых проблем перестроечных лет. Невиданная эйфория, охватившая народы Советского Союза в конце 1980-х — в самом начале 1990-х годов, оставшихся в памяти большинства граждан в первую очередь пустыми прилавками и непонятной внутренней и внешней политикой государства, в ожидании «свободы» (которая чуть ли ни каждым индивидом воспринималась по-своему)³⁴, в буквальном смысле пропитанная доверием как внутри общества, так и власти настолько, что иногда выглядела как массовое породнение, на всем постсоветском пространстве так же невиданным образом растворилась, столкнувшись с обыкновенной некомпетентностью и ложью новых «независимых» властей.

Георга Зиммеля (1958–1918), как и Дюркгейма, занимала сложность современного общества. Придерживаясь собственной интерпретации идеи Адама Смита о «невидимой руке рынка», он полагал, что «Без общего доверия, которое люди питают друг к другу, само общество распалось бы, ибо очень немногие отношения полностью основаны на том, что достоверно известно о другом человеке, и очень немногие отношения сохранились бы надолго, если бы доверие не имело такую же силу, как рациональные доказательства или личные наблюдения, а то и больше»³⁵. В своем крупнейшем социологическом труде «Философия денег» (1900) Г. Зиммель утверждал, что деньги существуют для того, чтобы фиксировать эту предрасположенность к доверию, делать ее экономически эффективной и, таким образом, смазывать механизм обмена. Он прямо сравнивал доверие к деньгам с верой в Бога: экономический кредит содержит элемент этой сверхтеоретической веры, так же и как уверенность, что сообщество гарантирует валидность символов, на которые мы обмениваем плоды своего труда»³⁶. Деньги, так же как легитимная власть (и зачастую в партнерстве с ней), расширяют радиус доверия. Они позволяют нам доверять большому количеству разных людей, о которых мы знаем мало или не знаем ничего. По этой причине, указывал Зиммель, «они особенно полезны маргинализированным группам общества, которые в других отношениях доверие не вызывают: армянам в Турции, парсам в Индии, евреям практически во всей Европе»³⁷. Возможно, и так. Но нам, столкнувшимся с той «невидимой рукой рынка» исключительно со стороны ее «локтя», трудно судить об этом, хотя рациональное зерно здесь просматривается. Но, на мой взгляд, для того чтобы «рука рынка» (посредством денег или как-то иначе) вызывала доверие или даже работала на становление доверительных отношений между людьми, рынок должен обладать,

³⁴ Даже всевозможные межнациональные конфликты содержали в себе элемент эйфории, то есть нередко люди и конфликты воспринимали как шаг к решению проблем.

³⁵ Simmel G. *The Philosophy of Money*. London. Routledge, 1978. P. 178–179. Цитируется по: Хоскинг Дж. *Доверие: История*. М., 2016. С. 48.

³⁶ Там же. С. 48.

³⁷ Там же. С. 49.

пусть даже максимально свободным, но порядком, опирающимся как на мораль, так и на закон.

Обществу приходится очень трудно, можно сказать, что оно подвергается психологическим и нравственным травмам, когда доверие используется как элемент политических технологий, особенно, когда это происходит в широком смысле — в государственных масштабах. Чешский социолог Иванна Маркова объясняла высокий уровень социального недоверия при социализме советского типа тем, что в тоталитарных обществах социализация недоверия является базисом: регламентация всего публичного лишает человека «доверия к словам, коммуникации и другим людям»³⁸. Недальновидное государство, воспринимая доверие как инструмент управления, становится, условно говоря, тем мальчиком, который в забаву призывал на помощь криками «Волки! Волки!». При подобном подходе к доверию оно легко превращается в собственную имитацию, тогда внутренние конфликты, а то и глубинные тектонические разломы общества происходят незаметно (до поры до времени, конечно) как для самого общества, так и для государства. С данной точки зрения Барбара Миштал права, считая, что память нуждается в регулярном мониторинге и корректировке, иначе ею слишком легко манипулировать беспринципным политическим лидерам, а это в дальнейшем рождает мощное недоверие³⁹. Только это «мощное недоверие» необязательно может быть вопиющим и даже заметным.

Польский социолог Петр Штомпка выделяет четыре условия «культуры доверия»: 1. Нормативная связность: сочетание закона, морали и обычая, устанавливающих набор норм, которые позволяют людям доверительно общаться и работать друг с другом и в рамках которых доверие, как правило, неререфлексивно; 2. Стабильность. Первое условие станет действовать эффективнее, если будет существовать долго, а изменения — происходить постепенно и в одном направлении. При таких обстоятельствах доверие в повседневном взаимодействии не нуждается в расчетах и может оказываться по привычке. В периоды быстрых социальных перемен человек не знает, чего ждать от других людей, и доверие требует гораздо больше сознательного расчета; 3. Открытость. Важно, чтобы общественные и правительственные структуры были как можно прозрачнее, чтобы люди имели информацию о том, как они функционируют, как взаимодействуют их компоненты. Там, где масса информации засекречена или слишком сложна для понимания, доверие вряд ли возникнет, будут процветать слухи, сплетни и «теории заговоров». 4. Ответственность. Если дела идут плохо,

³⁸ Watier P. Markova I. Trust as a Psychosocial Feeling: Socialization and Totalitarianism // Trust and Democratic in Post-Communist Europe / ed. I. Marcova. Oxford: Oxford University Press. 2004. P. 25–46. Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 49.

³⁹ Misztal B. Trust in Modern Societies. P. 139–156; Misztal B. Theories of Social Remembering Maidenhead: Open University Press. 2003. P. 25–46. Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 50.

что бывает даже в обществах с высоким уровнем доверия, важно, чтобы люди были способны понять, кто несет за это ответственность, призвать его к ответу и по возможности получить возмещение ущерба. Это гарантия того, что властью не будут регулярно злоупотреблять и обязанности, как правило, будут исполняться⁴⁰.

Надо понимать, что доверие — важнейший социальный ресурс не только для отдельных личностей или всего социума, оно в значительно большей мере является социальным, моральным и духовным капиталом как в целом для государства, так и его различных структур. Это надо понимать еще и с учетом того, что стены домов, в которых обитает власть, становятся все прозрачнее, сначала благодаря телевидению, а теперь, и в значительно большей мере, интернету. Она все сильнее теряет таинственность, а то и сакральность (точнее, ее остатки). Вынужденно сбрасывая «белые одежды» и все больше оголяясь, она, мягко говоря, не всегда радует публику красотой «совершенного тела» и чистотой «нижнего белья». Управлять обществом с помощью практически неприкрытых «грязных» технологий становится сложнее, заслуживать, зарабатывать, сохранять доверие общества — труднее. Трансформация заработанного доверия в собственный ресурс требует все больше *интеллекта*. «Традиционные СМИ, включая телевидение, постепенно теряют влияние на общественное мнение. Все уходит в социальные сети, в блоги, видеоблоги. Главными каналами коммуникации и доставки информации, конечно, потихоньку становятся сетевые СМИ», — отмечает заведующий кафедрой Российской академии народного хозяйства и государственной службы Андрей Новиков-Ланской. Причин рекордного недоверия к СМИ эксперт видит несколько. Среди них и «проблема качества с экономической журналистикой, которой занимаются либо *журналисты без специального экономического образования, либо экономисты, которые не очень хорошо владеют навыками журналистики* (курсив мой. — И.Г.)⁴¹.

Ода выборам

Человечество имеет в своем распоряжении не так много средств для достижения совершенства: в первую очередь, это конечно, разум, далее свобода, правда, любовь, ответственность и все отсюда вытекающее. Нет смысла говорить о том, на каком расстоянии мы находимся от совершенства на сегодняшний день — это тема другого разговора. Скажем одно: путь к совершенству пролегает, в том числе, через улучшение самоорганизации человечества, то есть через совершенствование власти.

⁴⁰ Sztompka P. Trust: A Sociological Theory. Cambridge: Cambridge University Press. 1999. P. 122–125. Цитируется по: Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016. С. 50–51.

⁴¹ Сергеев М. Холодильник начинает побеждать телевизор. Независимая газета. 28.09.2017.

К сожалению, в данном вопросе человечество особых успехов не достигло. На сегодня для улучшения власти мир располагает очень небольшим набором инструментов. И главный из них — выборы: изобретение, которое позволяет Человеку по-настоящему влиять на Власть; практически единственная возможность полноценного диалога Гражданина с Властью; выборы, но только в качестве проявления коллективной мудрости; никак иначе, ни как технология, ни как ритуал, ни как монолог власти с поддакиванием народа; и ни как возможность одурачивания граждан.

Сколько бы мы ни говорили о демократии, на кого бы ни ссылались, кому бы ни подражали, никуда нам не деться от ее сути: это власть народа, то есть власть каждого гражданина, так как народ может состоять только из граждан, иначе это — толпа. Власть же, выбираемая народом — исполнитель воли народа, и не более того. Это власть существует ради народа, а не наоборот, что, конечно, в интересах народа, но не в меньшей мере и в интересах власти, так как она является (по крайней мере, должна являться) частью народа. Это государства создаются народами для обеспечения более удобной жизни, а не наоборот. По этим простым причинам власть должна быть кровно заинтересована в подлинной демократичности выборов.

Проблема выбора напрямую связана с проблемой свободы. Есть выбор — есть свобода. И наоборот: есть свобода — есть выбор. Одно без другого невозможно. Выбор может быть только свободным, иначе это все что угодно, только не выбор. Это — что касается просто выбора как такового. Что же касается выборов власти, то независимо от уровня, это — проблема многоаспектная. Понятие «выборы» само по себе предполагает наличие альтернативы. Так называемые безальтернативные выборы — абсурд, и ничего больше (что-то вроде «управляемой демократии» или «демократической диктатуры»). Но безальтернативными выборы могут быть и при наличии сотен кандидатов: а) если эти кандидаты навязаны; б) если они выражают одну и ту же точку зрения; в) если выборы проводятся ради выборов.

Выборы — тонкая материя: они теряют свои основные свойства от малейшей фальши. Как только в процесс выборов включается ложь, они перестают быть выборами. Они не терпят несерьезного отношения к себе, особенно со стороны избирателя, то есть главного участника выборов. В данном случае несерьезное отношение граждан может быть основано как на доверчивости (в вышеприведенном понимании), так и на недоверии.

Выборы — процесс цельный. Любой этап этого процесса напрямую связан с конечным результатом. Если в предвыборной борьбе используются «грязные» технологии, то и результаты выборов не могут быть свободны от «грязи». Избирателя, поддавшегося уговорам или подкупу при выборе, ждет власть, способная на подкуп и взятки.

Выборы — полное понимание личностью взаимосвязи между своей гражданской позицией и собственным будущим. Если суть выборов не ясна большинству избирателей и власть воспринимает это как благо, то есть, как возможность своевластничать, то выборы становятся инструментом обмана.

Выборы — огромная ответственность, что не исключает свободу личности. Свобода должна базироваться на ответственности, иначе это своеволие. С выборами нельзя бездумно экспериментировать, здесь необходим трезвый ум, ясное понимание всей важности твоего голоса. Ошибка в выборе делает вероятной еще большую ошибку, ведет к непредсказуемым последствиям.

Наконец, выборы имеют огромное воспитательное значение в целом для всего общества. Совершенствуясь в выборе, общество совершенствует власть, и чем ответственнее оно относится к выборам, тем лучшую власть получает.

Если представить политическую систему демократического государства как некое здание, то выборы — это как минимум элемент фундамента, часть основы, на которой стоит сама система. Допуская использование лжи в том или ином виде, более того, равнодушно взирая, как ложь становится основным средством предвыборных технологий, мы подрываем основы собственного государства.

Выборы — дело дорогостоящее, но неверный выбор обходится еще дороже. Мы допустили достаточно ошибок, чтобы уже начать на них учиться. Хочется верить, что наше общество достаточно зрелое, и обязательно придет к пониманию того, что между тем, кого мы выбираем, и тем, что имеем, существует более чем прямая связь⁴².

Необходимо обратить внимание (возможно, и вовсе на ней сосредоточить внимание) на многоаспектность выборов. Выборы как явление содержат в себе столь много самого разного рода факторов, порой весьма противоречивых, сложных, многослойных, касающихся одновременно едва ли не всего, что человека окружает, и даже всего, из чего человек в духовном, моральном, психологическом, иногда даже физическом смысле состоит, что предсказывать их итоги порой практически невозможно. Любые срезы общественного мнения или предварительные опросы могут дать лишь весьма приблизительное представление об электоральных настроениях. Как по глади моря невозможно определить состояние подводных течений, так и внешнему состоянию общества трудно узнать, как оно настроено в отношении ближайших выборов. Ведь человеческие предпочтения в отношении чего бы то ни было не всегда рациональны, Электоральный выбор в данном смысле ничем особенным не отличается. В той или иной степени предсказуемость электорального поведения общества способно обеспечить только взаимное доверие в нем, которое,

⁴² Гасанов И. Выбор власти как выбор будущего. Журнал о выборах. № 3. 2004.

как уже говорилось, в свою очередь, зависит от наличия, уровня, качества, совпадения множества факторов от исторических предпосылок и опыта до экономического равенства и социальной справедливости.

На чем основывается доверие к выборам?

Доверие — важнейший элемент выборов, оно не бывает абсолютным, но достаточно того, чтобы оно было взаимным как внутри социума, так и между обществом и властью. Оно — внешнее условие для выборов. Внутри выборов, где царят интересы, его практически нет. Качество доверия, с одной стороны, зависит от зрелости общества, с другой — определяет эту самую зрелость.

Если **доверие** индивида ограничивается мировоззрением и мироощущением его личности, то есть, если человек доверяет только самому себе, и большая часть социума состоит из таких людей, это говорит о разрозненности данного общества. «Если общество атомизировано до предела и в нем не существует никаких очагов зарождения культуры доверия, то ... в нем не может нормально развиваться экономика»⁴³. «Люди, друг другу не доверяющие, в конце концов смогут сотрудничать лишь в рамках системы формальных правил и регламентаций — системы, требующей постоянного переписывания, согласования, отстаивания в суде и обеспечения выполнения, иногда принудительного. Весь этот юридический аппарат, заменяющий доверие, приводит к росту того, что экономисты называют «операционными издержками». Другими словами, недоверие, распространенное в обществе, налагает на всю его экономическую деятельность что-то вроде дополнительной пошлины, которую обществам с высоким уровнем доверия платить не приходится»⁴⁴. Но экономика — это полбеда: в атомизированном обществе внутренний раскол проходит по конкретным людям, что говорит об отсутствии общества как такового — здесь каждый за себя⁴⁵.

⁴³ Травин Д. Указ. соч. С. 718.

⁴⁴ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 55.

⁴⁵ Здесь неслучайно упоминается экономика. Доверие — это еще и экономия средств. Журналист-международник Владимир Цветов описывая свою встречу с японским крестьянином, восторгался его доверием к поставщику сена: «Скажите, пожалуйста, где у вас склад для хранения кормов? — спросил я крестьянина, о хозяйстве которого снимал телевизионный репортаж. Хозяйство представляло собой два длинных одноэтажных сарая. В них содержались 50 тысяч кур-несушек. — Не вижу я и места, где вы держите снесенные курами яйца? — попытался я. — Зачем мне склад, если кормов — лишь суточный запас? — ответил крестьянин вопросом на вопрос. — Чем же вы собираетесь кормить кур завтра? — не унимался я. — Завтра корма привезет господин Хосода. Он специализируется на них, — сказал крестьянин. — А если не привезет? — предположил я. — То есть как не привезет? — переспросил крестьянин с интонацией, будто я усомнился в неизбежности восхода солнца. — Ну, вдруг умрет! — решил я смоделировать экстремальную ситуацию. — Жена господина Хосоды привезет. — Крестьянин говорил со снисходительной уверенностью гроссмейстера, разбирающего для любителя шахматную партию. — Жена будет хоронить мужа! — стоял на своем я. — Сын господина Хосоды привезет. — Для крестьянина это было очевидней таблицы умножения. — Сын уедет на похороны тоже! — Сосед господина Хосоды привезет. — У вас, что же, такой строгий подписан контракт с господином Хосодой? — спросил

Социум, состоящий из отдельных индивидов, не совпадающих между собой ни по интересам, ни по взаимному доверию, весьма доступен для любого рода (в том числе для электоральных) манипуляций. За неимением общей цели, индивиды голосуют, в лучшем случае, исходя из собственных интересов, в худшем — под воздействием тех или иных политических сил. Здесь роль доверия минимальна. Из-за его отсутствия между субъектами выборов избирательный процесс носит больше имитационный характер, чем реальный. Даже с соблюдением всех формальностей вплоть до организации жесткого наблюдения за голосованием (в том числе технического) как сами выборы, так и их результаты для социума если и имеют значение, то лишь формальное — это выборы, скажем так, «для галочки».

Если социальным горизонтом для индивида выступает **семья**⁴⁶, пусть даже в самом широком (но только в прямом) смысле слова, то доверие существует только среди родственно близких людей. И здесь трудно говорить о какой-либо сложившейся общественной структуре, способной на диалог. Все та же атомизированность, но несколько более широкого порядка, в определенном смысле слова закрывает людей в пределах семьи, так как именно доверие определяет уровень взаимоотношений. Семьи могут и договориться по какому угодно поводу, но любые договоры без взаимного доверия (даже между государствами) являют собой своеобразный «камень за пазухой».

Здесь технологии манипулирования волеизъявлением избирателей носят примерно такой же характер, как в предыдущем случае, но с изменением субъекта «торга». Технологические инструменты направляются на так называемых авторитетов, глав семей, родов, деревенских старост и так далее, имеющих влияние на индивидов. Ни о какой доверии к выборам здесь и речи быть не может, так как голосование носит «командный» или «казарменный» характер. Нередко подобное голосование объясняется (выдается, преподносится как) этническими, региональными, групповыми особенностями избирателей, но это не более чем лукавство в отношении выборов как политического института.

Доверие между **группами интересов**, мирное сосуществование которых базируется на краткосрочных или долгосрочных совпадениях целей и задач, и периоды взаимоотношений которых в отличие от внутрисемейных ограничены временем достижения общих целей, имеет вынужденно твердый характер. Здесь целесообразнее говорить не о внутреннем или межгрупповом доверии, а о доверии, опирающемся исключительно на временную

я.—Зачем нам контракт? — удивился крестьянин.— Господин Хосода,— разъяснил он,— пообещал мне привозить корма каждый день.—Ладно,— сдался я, но вспомнил, что в хозяйстве нет помещения для хранения и готовой продукции — яиц, и поинтересовался причиной этого.—Оптовая фирма забирает,— ответил крестьянин и, предвидя мои следующие вопросы, добавил: — Забирает каждый день и никогда не подводит. Забирает тоже без контракта». Цветов В. Пятнадцатый камень сада Рёандзи. М.: Политиздат, 1986.

⁴⁶ Фукуяма Ф. Указ. соч. С. 546.

общность интересов. Если социум в своих действиях и развитии ограничен интересами подобных обществ, то и доверие в нем (в том числе к выборам) носит групповой характер. Так как группы интересов рассматривают и воспринимает любые выборы чаще всего через призму собственных целей, то и выборы в подобных обществах носят «целевой» характер и строятся на основе явных или неявных, сиюминутных или перспективных договоренностей. Если упрощенно, то примерно так: «Мы вас поддержим в выборах (в обеспечении позитивного или негативного голосования), если вы нас поддержите в получении тех или иных благ; мы вас поддержим сейчас, вы нас — потом» и так далее. Здесь выборы больше напоминают договорные матчи в спорте, чем реальное политическое действие.

Чаще всего современные общества состоят из систематизированных групп — **классов и страт** (К. Маркса еще никто не отменял), границы которых не всегда жестко очерчены. Обычно внутрисистемным доверием в них бывают охвачены широкие слои населения. Поэтому и в современных обществах значение доверия к выборам существенно возрастает. В случаях, когда внутриклассовое доверие способно разделить общество по строгим линиям, выборы носят более бескомпромиссный характер. И это несмотря на то, что интересы таких крупных сообществ нередко совпадают лишь в частностях: практически всегда находятся штрейхбрейкеры, которые, не обязательно действом, а очень часто всего лишь бездействием способны вносить раздор в общие принципы внутренних взаимоотношений. Но мы не о них, штрейхбрейкеры — всего лишь инструмент технологий, и если недоверие к власти или какой-то структуре приводит в действие целые классы и страты, то технологии часто оказываются бессильными — здесь уже приходится считаться и договариваться. Классам и стратам, как бы они не отличались между собой (страта — это своего рода мутация части класса), свойственна некая корпоративная солидарность, часто срабатывающая по принципу «свой-чужой». Классовое доверие практически равно общественному доверию, но только практически. Классу, а тем более страте, которых всегда можно обвинять в заикливании в корпоративных интересах, трудно на равных разговаривать с властью. Поэтому (и нередко) подобные диалоги сначала переходят во взаимные обвинения и крики, затем — скандалы, дальше — возможно и в нечто непредсказуемое. Здесь без взаимных претензий не обойтись. Но если классы и страты доверяют государству и власти, следовательно, выборам, то они на определенный период или на определенном этапе могут повести за собой значительную часть общества, объединить социум в отношении солидарного голосования. Только необходимо учесть, что такая форма доверия выступает как некий аванс и без соответствующей «подпитки», с одной стороны, недолговечна, с другой — легко превращается в свою противоположность — то есть, в недоверие.

Доверие в широком смысле — **общественное доверие** — как внутри социума, так и доверие общества к внешним факторам — к выборам, го-

сударству, власти, само по себе не появляется. Оно вырастает из истории народа, его культуры, национального характера, воспитания, условий, уровня и качества жизни, различного рода взаимоотношений, опыта и многих других факторов, и не может быть плодом одной только религии, экономики или чего-то еще. «Доверие ... есть продукт длительного существования сообществ, объединяемых набором моральных норм или ценностей»⁴⁷. Оно не насаждается и не внедряется, а если и завоевывается или заслуживается, то только в узком конкретном и субъективном смысле. Для того чтобы доверие стало одним из основополагающих факторов для развития страны и государства, его горизонты должны охватывать все общество. Невозможно добиться доверия к власти там, где разнятся интересы общества и государства. Доверие к техническим средствам голосования — не аналог доверия к выборам.

Зрелое общество, это уверенный в себе социум. Если исходить из этимологии слов «уверенность» и «доверие», зрелость социума, как уже выше было сказано, напрямую связана с доверием — как к себе, так и к другим. Доверие общества к выборам, по сути своей, зависит не от технического оснащения последних, не от количества видеорежиссеров и наблюдателей, и даже не от уровня организации избирательной кампании, хотя все перечисленное — важнейшие факторы укрепления доверия избирателей к избирательному процессу, а от качества сложившихся взаимоотношений, взаимопонимания, общности интересов и целей, уровня причастности членов общества к государственным делам. Путь к доверию к власти проходит через доверие к выборам. И доверие это тогда становится всеобщим и осознанным, когда избиратели, из которых в том числе состоит социум, могут подобно тем викингам, о которых выше шла речь, воскликнуть: «Мы все — короли».

Список литературы

1. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004.
2. Хоскинг Дж. Доверие: История. М., 2016.
3. Кайбара Экиэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкен. Мешок премудростей горожанину в помощь / Пер. с яп. А.Н. Мещерякова. Сп Б., 2017.
4. Бут М. Почти идеальные люди: Вся правда о жизни в «скандинавском раю». М., 2017.
5. Гасанов И. Выбор власти как выбор будущего. Журнал о выборах. № 3. 2004.

⁴⁷ Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. М., 2004. С. 545.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ КОНКУРЕНЦИИ НА ВЫБОРАХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2012–2017 ГОДАХ

***Аннотация.** В статье рассматриваются политические эффекты применяемого на выборах руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации «муниципального фильтра». Автор сопоставляет намерения инициаторов и практические следствия введения новой нормы в избирательное законодательство, анализирует правовые основания ограничений в процедуре выдвижения кандидатов и возникшие проблемы правоприменительной практики. На основании официальных данных рассчитываются формальный и эффективный уровни конкуренции на выборах глав регионов. «Муниципальный фильтр» видится как переходная мера в управлении избирательными процессами, требующая внесения существенных изменений.*

***Ключевые слова:** институциональные эффекты, политическая аргументация, «муниципальный фильтр», электоральная конкуренция.*

INSTITUTIONAL LIMITATIONS OF COMPETITION ON THE ELECTION OF HEADS OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2012-2017

***Abstract.** The article examines the political effects of the «municipal filter» used on elections in the Russian Federation. The author compares the intentions of the initiators and the practical consequences of the introduction of the new norm into the electoral legislation, analyzes the legal grounds for limitations in the procedure for nominating candidates and the emerging problems of law*

enforcement practice. On the basis of official data, formal and effective levels of competition in the election of heads of regions are calculated. «Municipal filter» is seen as a transitional measure in the management of electoral processes, requiring significant changes.

Keywords: *institutional effects, political argumentation, «municipal filter», electoral competition.*

Введение «муниципального фильтра»

Переход к прямым выборам руководителей субъектов Российской Федерации в первой половине 2012 года вызвал бурную политическую полемику, поскольку вносил существенные изменения в настройку политической системы. Декларируемое видение политического процесса в регионах предполагало возможность свободного выдвижения на выборы всех кандидатов, способных представить программу развития региона и заручиться доверием населения. Общественность в ходе публичных и кулуарных обсуждений готовили к внесению изменений в избирательное законодательство. В центре внимания оказался вопрос включения в процесс регистрации кандидатов требования заручиться поддержкой выборных представителей муниципалитетов, обозначаемого как «муниципальный фильтр».

Инициативу введения «муниципального фильтра» озвучили мэры ряда городов. Они обозначили необходимость учета мнения депутатов представительных органов местного самоуправления при избрании главы региона. В публичной риторике введение фильтра обосновывалось необходимостью усиления муниципального уровня власти, так как региональная власть будет вынуждена считаться с новыми правилами и, как следствие, возрастет значение и престиж работы выборных лиц местного самоуправления. Следующий публичный аргумент был продиктован превентивными мерами — при возобновлении процедуры прямых выборов необходимо противостоять открывающимся возможностям манипуляции общественным мнением. Ставленникам криминала и олигархов, а также популистам, экстремистам, кандидатам с неконструктивной позицией и «техническим» кандидатам должен быть поставлен заслон¹. Еще одним аргументом в поддержку идеи «муниципального фильтра» стали соображения о необходимости для кандидатов освоить проблемное поле региона в ходе сбора подписей, проводя встречи с муниципальными депутатами и избирателями.

Становление системы выборов глав регионов должно было способствовать формированию дополнительных каналов выдвижения «новых лидеров» с регионального и местного уровней. В ходе публичных дискуссий вокруг законопроекта эксперты отмечали, что необходимость сбора

¹ Нельзя манипулировать общественным мнением // Независимая газета. 10.04.2012. http://www.ng.ru/regions/2012-04-10/1_samara.html.

муниципальных подписей подтолкнет партии к более активной работе на муниципальном уровне и будет способствовать развитию партийной системы страны. По мнению экспертов Фонда развития гражданского общества, «муниципальный фильтр» изначально выполняет две важные функции: первая — надежное отсеечение от выборов авантюристов и всевозможных политических «рейдеров» и проходимцев; вторая — стимулирование партий на ведение деятельности в муниципалитетах, выдвижение кандидатов на местных выборах².

Объективно возвращение к системе прямых выборов руководителей субъектов Российской Федерации было продиктовано возрастающей потребностью повышения легитимности региональной власти и возложение на них существенной доли ответственности за социально-экономическое положение регионов. Конкурентные выборы должны были способствовать общественной поддержке победителя выборов. При этом в большей части федеральный центр, и в меньшей степени региональные элиты заинтересованы в установлении механизмов управления избирательным процессом в субъектах Российской Федерации. Одним из таких механизмов стало введение федеральным законом президентского и «муниципального фильтров». Данные механизмы обеспечивают федеральному центру управляемость регионами, блокируют приход к региональной власти деструктивных и некомпетентных руководителей.

Дополнительным обоснованием в пользу введения «муниципального фильтра» выступил опыт его применения в некоторых странах (Австрия, Македония, Словения, Турция, Франция), как способ выражения квалифицированной поддержки кандидатов профессиональными и представительскими институтами и альтернативная процедура сбора подписей избирателей. Например, «муниципальный» фильтр во Франции применяется в процессе президентских выборах с 1965 года. Первоначально каждый из претендентов должен был получить поддержку 100 выборных должностных лиц, а с 1976 года требуемое число подписей возросло до 500. При этом общее количество выборных лиц составляло около 50 тысяч человек, включая депутатов парламента, генеральных и муниципальных советов, префектов и мэров. По установленной норме, подписи должны быть поставлены представителями не менее 30 из 101 департамента. Кроме того, было введено ограничение не более 50 подписей в одном департаменте. Важно, что выборные лица могут отдать свой голос нескольким кандидатам одновременно. На выборах Президента Франции 2017 года процедура сбора подписей проходила с 1 по 18 марта. Муниципальный фильтр без особых сложностей преодолели 11 кандидатов. Списки подписавшихся кандидаты открыто публикуют.

С принятием Федерального закона в мае 2012 года порядок замещения должности руководителя субъекта Российской Федерации путем его

² Доклад Фонда развития гражданского общества «Выборы глав регионов в 2017 году: сценарии кампаний и прогнозы» // <http://civilfund.ru/mat/view/105>.

избрания населением на прямых выборах заменил собой прежний порядок, при котором наделение полномочиями руководителя субъекта осуществлялось по представлению Президента законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации³. Согласно внесенным изменениям в закон, высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами, проживающими на территории региона и обладающими в соответствии с федеральным законом активным избирательным правом, на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании.

Поправки предусматривают регистрацию кандидата при условии сбора 5–10 процентов подписей депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований, которые должны представлять не менее чем в $\frac{3}{4}$ муниципальных районов и городских округов. В отведенных федеральным законом пределах законодательные собрания регионов устанавливают по своему усмотрению необходимую долю подписей, т.е. размер «муниципального фильтра»⁴. Депутаты муниципальных образований при сборе подписей учитываются только один раз, т.е. могут отдать предпочтение только одному претенденту. Преимущественным правом выдвигать кандидатов на должность руководителя исполнительной власти субъекта Российской Федерации обладают политические партии, как из числа своих членов, так и представителей других партий и непартийных кандидатов. Закон также предусматривает возможность самовыдвижения, которая может быть введена по решению представительного собрания субъекта Федерации. Изменения в закон устанавливают право Президента проводить консультации с политическими партиями, выдвигающими кандидатов на должность руководителя региона, а также с кандидатами, выдвинутыми в порядке самовыдвижения⁵.

Новые положения избирательного законодательства вызвали выраженное недовольство оппозиционных парламентских партий. Группа из 109 депутатов Государственной Думы от КПРФ и партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в ноябре 2012 года инициировала проверку конституционности принятых поправок в федеральные законы «Об общих принципах орга-

³ Федеральный закон от 2 мая 2012 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

⁴ На губернаторских выборах, состоявшихся 10 сентября 2017 года в 16 регионах, «муниципальный фильтр» существенно различался в определенных законом рамках: 5% – в Белгородской, Кировской и Ярославской областях; 6% – в Пермском крае и Саратовской области; 7% – в Республике Бурятия, Республике Карелия, Республике Мордовия, Рязанской области и Удмуртской Республике; 7,9% – в Свердловской области; 8% – в Калининградской области; 9% – в Республике Марий Эл; 10% – в г. Севастополь, Новгородской и Томской областях.

⁵ Федеральный закон от 06.10.1999 N184-ФЗ (ред. от 29.07.2017) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.08.2017). Статья 18.

низации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», направив заявление в Конституционный Суд Российской Федерации⁶.

Заявители утверждали, что поправки в закон о выборах глав регионов вводят избирательные цензы, что ограничивает конституционное право граждан избирать и быть избранными. Оппозиционные депутаты указывали на ситуацию, что среди политических партий только «ЕДИНАЯ РОССИЯ» может обеспечить выдвижение кандидатов. По мнению депутатов, вовлечение лиц местного самоуправления в избирательный процесс нарушает принцип разделения властей, так как, ставя свои подписи, они участвуют в формировании системы государственной власти субъекта Российской Федерации. Заявители также указывали, что в законах не прописан порядок проведения консультации политических партий Президентом Российской Федерации по поводу выдвижения их кандидатов на региональных выборах.

Конституционный Суд не нашел противоречий Основному закону страны в ведении «муниципального фильтра» и прерогативах Президента Российской Федерации в избирательном процессе региональных выборов⁷. Согласно Постановлению Суда, по своему статусу высшее должностное лицо субъекта Федерации в силу принципа единства системы государственной власти находится в отношениях субординации непосредственно с Президентом Российской Федерации, который как глава государства, избираемый на всеобщих прямых выборах, обеспечивает согласованное функционирование всех органов государственной власти. Проведение же Президентом консультаций с политическими партиями и кандидатами не нарушает принцип правового государства и разделения властей. По заключению Конституционного Суда, данная процедура в силу прямого указания закона имеет консультативный характер, не является обязательным элементом механизма выдвижения и регистрации кандидата, а решение вопроса об участии в избирательном процессе того или иного кандидата не ставится в зависимость от ее результатов.

Конституционный Суд подтвердил необязательность наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации посредством прямых выборов населением региона. В легальном толковании

⁶ «Муниципальный фильтр» на выборах губернаторов признали конституционным. 24 декабря 2012 // <https://lenta.ru/news/2012/12/24/filter>.

⁷ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2012 г. № 32-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений федеральных законов «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

Конституции Российской Федерации выборы, проводимые на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, не являются единственно допустимым механизмом формирования всех органов публичной власти на каждом из уровней ее организации. Право принимать участие в прямых выборах руководителя субъекта Российской Федерации и быть избранным на эту должность не является обходимым элементом конституционного права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти. Его исключение из числа правомочий гражданина по участию в процедуре наделения полномочиями руководителя субъекта Российской Федерации не может рассматриваться как ограничение конституционного права.

Конституционный Суд также подтвердил возможность законодательно-го установления различных способов замещения должности руководителя субъекта Российской Федерации в зависимости от социально-исторического контекста, а также возможность различных форм участия в этой процедуре Президента, законодательного органа власти субъекта Российской Федерации и граждан. Последовательная позиция Конституционного Суда такова, что при установлении порядка выдвижения и регистрации кандидатов на должности, замещаемые путем выборов, федеральный законодатель, вправе предусмотреть специальные предварительные условия, несоблюдение которых позволяет исключить из избирательного процесса лиц, не имеющих достаточной поддержки избирателей. К таким условиям относится необходимость сбора не менее определенного количества подписей в поддержку кандидата на выборную должность, которое не может рассматриваться как ограничивающее избирательные права граждан и нарушающее равенство общественных объединений перед законом⁸. По приводимой логике поддержка претендентов на муниципальном уровне народными представителями означает признание реальной способности кандидата в случае победы на выборах обеспечить комплексное социально-экономическое развитие региона и составляющих его муниципальных образований.

Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает, что введение в правовое регулирование требования получения поддержки со стороны депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований субъекта Российской Федерации не является избыточным в действующем механизме выдвижения кандидатов на должность его руководителя.

В постановлении Конституционного Суда отмечается, что требование сбора подписей депутатов и глав местного самоуправления не может рассматриваться как возложение на местное самоуправление государственных

⁸ Постановления Конституционного суда Российской Федерации от 17 ноября 1998 года N26-П и от 11 июня 2002 года N10-П, определения от 25 марта 1999 года N32-О, от 6 июля 2010 года N1087-О-О, от 24 февраля 2011 года N202-О-О и др.

полномочий и нарушение требований Конституции Российской Федерации. Определенное число лиц, подписи которых необходимы для выдвижения кандидата, устанавливает каждый субъект Российской Федерации «с учетом конкретных условий развития партийно-политических отношений». При установлении необходимого для подтверждения поддержки кандидата на соответствующую должность числа выборных лиц местного самоуправления должна быть исключена возможность создания искусственных препятствий выдвижению других кандидатов, сбора и представления в этих целях подписей выборных должностных лиц местного самоуправления в количестве, превышающем более чем на 5 процентов установленного законом субъекта Российской Федерации уровня.

Постановление Конституционного Суда содержит явное внутренне противоречие между обоснованием нового механизма регулирования выборов и конституционными положениями, что позволяет квалифицировать его как политически мотивированный документ. В самом постановлении обозначены исходные ключевые принципы: законодательно установленные требования не должны использоваться ни в целях создания необоснованных преимуществ кандидатам, представляющим определенную политическую силу, ни для произвольного исключения из избирательного процесса кандидатов, находящихся в оппозиции. Иные требования нарушают принципы демократии, политического многообразия и многопартийности (часть 1 статьи 1, часть 1 статьи 13 Конституции Российской Федерации), из которых следует недопустимость монополизации власти и необходимость существования оппозиции, а также принцип равноправия (части 1 и 2 статьи 19 Конституции). В реальности обоснование Конституционного Суда новаций регулирующих механизмов выборов региональных руководителей в значительной степени разошлись с правоприменительной практикой, выявившей несовершенство прописанных «правил игры». «Муниципальный фильтр» слишком явно обеспечивает режим наибольшего благоприятствования в избирательном процессе. Определился целый комплекс правовых коллизий и политических проблем, прямо связанных с изъянами этой электоральной нормы.

Эффекты «муниципального фильтра»

Следствием введения новых «правил игры» на избирательном поле регионов стал целый ряд эффектов, главными из которых стали стабильно низкая степень конкурентности выборов, сдерживание активности оппозиционных партий, ослабление потенциала региональной политики. «Муниципальный фильтр» обусловил появление технологических приемов: неограниченный сбор подписей выборных лиц муниципалитетов действующим главой региона в свою поддержку, оставляющим за бортом других претендентов; целенаправленный сбор подписей «партией власти» за технических кандидатов;

дублирование подписей как основание для отказа серьезному сопернику в регистрации. Данные «проблемные узлы» в избирательной практике стали очевидными уже со времени проведения первого цикла региональных выборов с применением «муниципального фильтра»⁹.

Конкурентность выборов

Институциональные ограничения на этапе регистрации обусловили стабильно низкую конкуренцию на губернаторских выборах в течение шести лет с момента ведения «муниципального фильтра». По результатам выборов глав субъектов Российской Федерации в 2012–2016 годах формальный показатель конкуренции, вычисляемый как среднее число претендентов на мандат, составил 4,4¹⁰. По экспертным оценкам, за пять прошлых лет из 71 кампании по выборам глав регионов конкурентными были лишь 10¹¹.

На протяжении шести циклов выборов региональных руководителей количество зарегистрированных кандидатов в среднем было от 3,4 до 5,0. Для сравнения до отмены выборов региональных руководителей в 2004–2005 годах показатель конкуренции был на уровне 7,0¹².

При этом показатель эффективного числа кандидатов, вычисляемый по аналогии с индексом эффективных партий Лааксо-Таагеперы¹³, снизился еще более значительно. Эффективное число кандидатов определяют основания значимости доли электоральной поддержки. В 2004 году из 23 избирательных кампаний глав регионов только в восьми показатель конкуренции был меньше двух, а в большинстве кампаний достигал 4–5. В 2014–2016 годах эффективное число кандидатов было меньше двух в 43 кампаниях из 58, а максимум составляло 2,76¹⁴. Если в 2004–2005 годах неконкурентные кампании были исключениями в ряду региональных выборов, то в 2014–2016 годах исключениями стали конкурентные избирательные кампании.

⁹ Аналитический доклад Фонда «Институт социально-экономических и политических исследований» «Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 году: влияние на развитие политической системы и направления совершенствования» Москва, ноябрь 2012 г.

¹⁰ Отсечение от должности. Как работает муниципальный фильтр на губернаторских выборах. Коммерсант 13.05.2017 // https://www.kommersant.ru/doc/3288678?from=doc_vrez.

¹¹ Муниципальный фильтр слишком мало пропускает. Коммерсант. 29.08.2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3396584>.

¹² Аналитический доклад по мониторингу выборов Комитета гражданских инициатив «Итоги выдвижения и регистрации кандидатов на выборах глав субъектов Российской Федерации и глав их административных центров 10.09.2017» // <https://komitetgi.ru/analytics/3408>.

¹³ Laakso M., Taagepera R. «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // *Comparative Political Studies*. 1979. № 12 (1). P. 3–27.

¹⁴ Аналитический доклад по мониторингу выборов Комитета гражданских инициатив «Итоги выдвижения и регистрации кандидатов на выборах глав субъектов Российской Федерации и глав их административных центров 10.09.2017» // <https://komitetgi.ru/analytics/3408>.

Для объективного рассмотрения проблемы конкурентности выборов глав регионов следует обозначить официальную позицию экспертных структур и ЦИК России. По заключению экспертов Фонда развития гражданского общества, подавляющее большинство выборов 2012–2016 годов проходили по «референдумным» сценариям. Победители были заранее предсказуемы, борьба если и велась, то лишь за вторые места, которые могли оказаться довольно ценной позицией в других выборах и политического роста в перспективе. В 2017 году большинство избирательных кампаний также оказались «референдумными».

Эксперты Фонда развития гражданского общества (ФРГО) не считают конкурентность квалифицирующим признаком выборов, видя в этой дискуссии попытку манипуляции для дискредитации отечественной политической системы. Они отмечают, что «референдумные» кампании часто проводились в нашей стране и в 2000-х, и в 1990-х годах, кроме того подобные выборы широко распространены в зарубежной политической практике. Конкурентность в их понимании – опция, а не квалифицирующий признак выборов, как и «референдумность»¹⁵.

Следует отметить, что в ряде регионов, где губернаторы обладали устойчивым высоким рейтингом доверия, выборы заведомо имели низкую

¹⁵ Политическое исследование «Выборы глав регионов в 2017 году: сценарии кампаний и прогнозы» // <http://civilfund.ru/mat/view/105>.

конкурентность, протекая по модели референдума, и должны были лишь легитимировать их правление.

* * *

В преддверии региональных выборов 10 сентября 2017 года ЦИК России представил статистику, характеризующую текущую ситуацию. По официальным данным, в избирательных кампаниях по выборам губернаторов в регионах принимали участие 24 политические партии, которые выдвинули 105 кандидатов. Представитель ЦИК России прогнозировал, что конкуренция будет на относительно высоком уровне, после процедуры регистрации конкурс на одно вакантное место губернатора составит не менее 4,5 человека на место. ЦИК России проанализировал количество подписей в тех республиках, краях и областях, где идут выборы и сделал общий вывод: «Не менее 60 процентов подписей муниципальных депутатов остались невостребованными, то есть, к депутатам попросту не обратились и не использовали возможность подкрепить свое выдвижение их подписью. Поэтому, когда утверждается, что «муниципальный фильтр» нельзя пройти, это утверждение можно считать некорректным». При этом ЦИК России в отношении «муниципального фильтра» обозначил общую позицию, что порядок его применения, прописанный в Федеральном законе, должен быть скорректирован¹⁶.

В действительности сравнительные показатели выявляют, что имеющийся механизм «муниципального фильтра» в совокупности с отсутствием в большей части регионов права на самовыдвижение на практике делает невозможным проведение в абсолютном большинстве ситуаций реально конкурентных выборов. Исключения возможны только в случаях, когда по тем или иным причинам администрация региона вынуждена неформально согласиться на допуск на выборы серьезного оппонента губернатора («игра в демократию», акт доброй воли; решение федерального центра; недооценка возможностей оппонента).

В реальности партийные кандидаты и самовыдвиженцы не могут преодолеть «муниципальный фильтр» без поддержки доминирующей «партии власти». В 2013 году фильтр активно применяли в качестве основного средства отсеечения неудобных сильных кандидатов. После чего федеральная власть провозгласила курс на «конкурентность, открытость и легитимность», а партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ» заявила о готовности помогать со сбором подписей другим кандидатам. С помощью «партии власти» подписи муниципальных представителей смогли собрать даже радикальные оппозиционные лидеры (А. Навальный был зарегистрирован кандидатом на выборах мэра г. Москва, а Г. Гудков стал кандидатом на

¹⁶ Заявление ЦИК России о ситуации с муниципальным фильтром. 02.08.2017 // <http://www.cikrf.ru/news/cec/2017/08/02/04.html>.

выборах губернатора Московской области). В 2014 году проходило 30 губернаторских кампаний, и только в двух из них сильные кандидаты не прошли муниципальный фильтр. В Санкт-Петербурге без административного содействия не смогла собрать нужное количество подписей депутат Государственной Думы от СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ О. Дмитриева. В Курской области «отсеяли» на стадии регистрации экс-губернатора, бывшего вице-президента А. Рудского, признав недействительными собранные подписи. В 2017 году наиболее скандальный случай произошел в Республике Бурятия, где не прошел регистрацию по причине дублирования подписей главный оппонент временно исполняющего обязанности главы Бурятии А. Цыденова член Совета Федерации, бывший депутат Государственной думы Российской Федерации, кандидат от КПРФ В. Мархаев. В Пермском крае, Рязанской области, Кировской области не преодолели «муниципальный фильтр» без поддержки «партии власти» оппозиционные кандидаты. В отдельных регионах, чтобы не допустить неудобных соперников, «партия власти» провела «тотальный» сбор подписей у депутатов городских округов и муниципальных районов.

На практике преодолеть «муниципальный фильтр» без подписей депутатов, избранных от «ЕДИНОЙ РОССИИ» не могут выдвиженцы других партий и самовыдвиженцы. Местные депутаты, включенные в «вертикаль власти», контролируются главами администраций городов и районов, крайне редко решаются на самостоятельные политические действия. Только в отдельных субъектах представители КПРФ с некоторыми усилиями могут пройти процедуру регистрации. Партийный состав муниципалитетов руководителей, где проходили выборы, наглядно показывает расклад сил. В следующей таблице приведены данные о партийном составе корпуса муниципальных депутатов верхнего уровня (муниципальных районов и городских округов) шести регионов¹⁷.

По данным экспертов Комитета гражданских инициатив, ни в одном из шести исследованных регионов ни ЛДПР, ни СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ не смогли преодолеть фильтр силами собственных депутатов. Лишь в Севастополе у «эсеров» оказалось достаточно депутатов, но и там они охватывают лишь треть внутригородских районов. КПРФ имела достаточное число собственных депутатов лишь в Удмуртской Республике, где все представительные органы верхнего уровня сформированы по смешанной системе. При этом в Бурятии, Ярославской области и Севастополе у партии достаточно депутатов, но они не охватывают $\frac{3}{4}$ муниципальных образований верхнего уровня. В Калининградской и Свердловской областях у КПРФ не хватает и депутатов, и районов присутствия. Непарламентские партии имеют ничтожное представительство. Самый лучший из шести

¹⁷ Аналитический доклад по мониторингу выборов Комитета гражданских инициатив «Итоги выдвижения и регистрации кандидатов на выборах глав субъектов Российской Федерации и глав их административных центров 10.09.2017» // <https://komitetgi.ru/analytics/3408>.

Таблица. Партийный состав депутатов представительных органов муниципальных районов, городских округов и внутригородских районов, избранных путем прямых выборов

Регион	Необходимо	Число депутатов					
		ЕР	КПРФ	ЛДПР	СР	Другие	Самовыд.
Республика Бурятия*	30 (18)	187 (22)	37 (16)	3 (3)	27 (11)	1 (1)	103 (22)
Удмуртская Республика	58 (23)	605 (30)	99 (30)	45 (29)	23 (18)	6 (4)	26 (15)
Калининградская область*	30 (17)	236 (18)	17 (9)	14 (8)	14 (9)	13 (7)	30 (10)
Свердловская область	108 (55)	790 (73)	68 (38)	34 (28)	80 (37)	28 (11)	260 (67)
Ярославская область*	20 (15)	178 (15)	21 (9)	6 (3)	13 (5)	3 (1)	43 (14)
г. Севастополь	12 (8)	72 (10)	12 (7)	4 (4)	12 (4)	2 (2)	12 (6)

Примечание:

В скобках указано число районов и округов.

регионов результат у «ПАТРИОТОВ РОССИИ» в Калининградской области: 5 депутатов, то есть 1/6 от необходимого числа подписей депутатов верхнего уровня.

Для восполнения недостатка в подписях у кандидатов от политических партий (а других в данных регионах быть не может) есть только два существенных ресурса — депутаты от «ЕДИНОЙ РОССИИ» и самовыдвиженцы. Но если в Бурятии и Свердловской области количество депутатов, избранных как самовыдвиженцы, достаточно большое, то в Калининградской и Ярославской областях, а также в г. Севастополь их не так много в относительных величинах, а в Удмуртской Республике совсем мало. При этом в Ярославской области пятая часть депутатов, избранные как самовыдвиженцы, входит во фракции «Единой России» (это касается депутатов как верхнего, так и нижнего уровня).

Кандидаты-«спойлеры»

Региональные руководители и элиты рассчитывали с возвращением прямых губернаторских выборов и в обмен на принятие на себя социально-политических рисков получить возможность блокировать выдвижение нежелательных кандидатов, включающих местных политических оппонентов, кандидатов финансово-промышленных групп и федерального центра.

* Без муниципальных районов, представительные органы которых формируются путем делегирования.

Однако «муниципальный фильтр» стал способствовать нивелированию региональной политики и «вырождению» региональных политиков.

Региональные власти используют «муниципальный фильтр» для сдерживания процесса появления новых системных политических лидеров. Он позволяет отсеять сильных конкурентов действующих глав регионов. Распространенной стала предвыборная ситуация, когда «сильные» кандидаты с высоким уровнем известности и доверия отстраняются от участия в избирательной кампании, а «слабые» при административной поддержке проходят «муниципальный фильтр», получая крайне незначительный процент голосов. Кандидаты «партии власти» уверенно побеждают по существу в «тепличных условиях», используя преимущество положения действующего руководителя региона и опираясь на поддержку национального лидера. Режим наибольшего благоприятствования в среднесрочной перспективе создает условия для закрепления в регионах кандидатов федерального центра, которые на поверку окажутся «слабыми» руководителями.

Механизм «муниципального фильтра» ведет не только к фактической блокировке регистрации оппозиционных кандидатов без косвенной поддержки самой региональной власти, но и к тому, что многие кандидаты с серьезными электоральными шансами заранее отказываются от участия в выборах, даже не осуществив формальные процедуры выдвижения. Предвыборная ситуация усугубляется различными методами неформального воздействия на потенциальных кандидатов и партии, готовые их выдвинуть. Методы влияния могут иметь как позитивный характер (попытка фактического создания предвыборных коалиций, назначение потенциальных кандидатов-конкурентов на высокие должности), так и негативный характер (силовое давление на кандидата или партию, связанный с ним бизнес, его родственников)¹⁸.

Первые годы со времени возобновления прямых губернаторских выборов избирательные кампании носили скандальный характер из-за схода с дистанции известных кандидатов, не прошедших «муниципальный фильтр». В дальнейшем с серьезными потенциальными противниками стали вести переговоры и торги, заключать договоренности с партиями, чтобы снять или отказать в выдвижении сильным претендентам. Региональные влиятельные группы и возможные сильные кандидаты стали избегать участия в губернаторских выборах по причине «муниципального фильтра».

Гарантия управляемости избирательных кампаний с помощью «муниципального фильтра» не только не способствовала устранению технических кандидатов, но даже закрепила практику участия в выборах кандидатов-«спойлеров», то есть, кандидатов-заведомо неудачников. В существующей

¹⁸ Аналитический доклад по мониторингу выборов Комитета гражданских инициатив «Итоги выдвижения и регистрации кандидатов на выборах глав субъектов российской федерации и глав их административных центров 10.09.2017» // <https://komitetgi.ru/analytics/3408>.

щем виде «фильтр» часто используют действующие и назначенные главы регионов для выставления «технических» соперников. Он не только не защищает выборы от так называемых фейковых кандидатов, но и часто способствуют формальной регистрации откровенно слабых конкурентов. В тоже время «муниципальный фильтр» затруднил оппозиции возможность выдвижения «спойлеров» в своих интересах или кандидатов, призванных вести «грязную» кампанию против губернатора, но оставил возможность их выдвижения в упряжке с лидером избирательной кампании.

«Технические» кандидаты служат для страховки от отмены выборов из-за снятия всех кандидатов. Обычно главы регионов выставляют на выборах по 1–2 «страховочных» оппонента, для предотвращения срыва выборов путем самоотвода остальных участников. Выдвижение большого числа заведомо непроходных кандидатов, ведущих кампанию в интересах действующего или назначенного исполняющим обязанности главы субъекта призвано легитимировать выборы. Кроме того, «кандидатов-спойлеров» используют для ограничения возможностей оппозиции формировать на выборах пулы антигубернаторских кандидатов (основной оппозиционный кандидат плюс другие кандидаты, необходимые для размывания электората и снижения результата действующего главы региона). Во многих регионах, где у губернаторов были неустойчивые позиции, «спойлерский» характер участия ряда кандидатов был связан с объективной неготовностью оппозиции выставить сильных конкурентов или договориться о едином кандидате для преодоления «муниципального фильтра». При этом заведомо неизбираемые кандидаты стремятся добиться имущественных предпочтений или вхождения во властную команду на региональном или муниципальном уровне.

Деграция оппозиционных партий

По замыслу «муниципальный фильтр» должен был вынудить политические партии развернуть активную деятельность в муниципалитетах, заставить их выстраивать партийные сети на местном уровне. Однако в ситуации доминирования «партии власти» прохождение «муниципального фильтра» кандидатами оппозиционных партий изначально стал не столько технологической, сколько политической проблемой.

Эксперты отмечают фактическое самоограничение ключевых оппозиционных политических партий в выдвижении реальных претендентов на должности глав регионов. Не имея собственных ресурсов для преодоления «муниципального фильтра», партии становятся еще более зависимыми от региональной властной машины и вынуждены выдвигать согласованных кандидатов, для регистрации которых можно получить подписи лояльных власти муниципальных депутатов. Для оппозиционных партий, «муниципальный фильтр» невыгоден тем, что он в ближайшие годы (до увеличения

ими уровня своего представительства в муниципалитетах) будет в ряде случаев подталкивать их к сотрудничеству с администрациями регионов и «ЕДИНОЙ РОССИЕЙ», чтобы иметь возможность выдвинуть своих кандидатов на выборах.

Региональные элиты не заинтересованы в обеспечении полноценной «партизации» представительных органов местного самоуправления, так как это способствует размыванию административного контроля над муниципальным уровнем власти. При существующей политике федерального центра в отношении партизации местного самоуправления региональные элиты объективно будут стремиться пресекать попытки оппозиционных партий установить долгосрочное взаимодействие с муниципальными депутатами.

В существующем виде «муниципальный фильтр» не в полной мере отвечает интересам политических партий. Представленные в Государственной Думе и в законодательных собраниях субъектов Российской Федерации системные партии рассчитывают на облегчение процедур выдвижения своих кандидатов или отмену для себя «муниципального фильтра». В свою очередь, возможность самовыдвижения не отвечает интересам ни региональных элит, ни политических партий, и на выборах в целом ряде регионов не предусмотрена региональным законодательством.

В то же время использование «муниципального фильтра» для канализирования оппозиционных и протестных настроений избирателей технических оппонентов может привести к продвижению никчемных кандидатов оппозиционных партий. Заведомо слабые выдвиженцы таких партий, даже не достигнув значимого уровня поддержки избирателей, закрепляются в статусе лидера, что было бы невозможным в условиях высокой политической конкуренции.

Распределение подписей

Сбор губернаторами избыточного (максимального) числа подписей муниципальных депутатов с целью полностью управлять выдвижением оппонентов, имея в своем активе недостающие у них подписи, является еще одной существенной проблемой «муниципального фильтра». Нормы федерального законодательства не содержат прямого запрета на сбор максимального числа подписей одним кандидатом (вплоть до 100% от имеющихся). Существуют лишь ограничения по количеству подписей, которые необходимо сдать в избирательную комиссию. Технология блокирования выдвижения оппозиционных кандидатов с помощью массового сбора подписей апробирована в целом ряде регионов, что спровоцировала скандалы с выходом на федеральный уровень. Такие ситуации содержат признаки злоупотребления правом на сбор муниципальных подписей для получения преимущества в избирательном процессе.

Уловка в том, что подписи сверх требуемой нормы собираются в интересах действующих глав или временно исполняющих обязанности, а также «технических» кандидатов, что создает непреодолимое препятствие для оппозиционных кандидатов. Выдвиженцы от власти массово собирают подписи депутатов, затем их заверяют у нотариусов или глав поселений, но не предъявляют в момент подачи документов на регистрацию. Поскольку действительной признается подпись депутата, заверенная ранее других подписей, отданных им другим кандидатам, сбор «вторичных подписей» теряет смысл. Массовый сбор подписей выборных лиц муниципалитетов создает непреодолимые препятствия и для выполнения территориальной квоты — обязанности представить для регистрации подписи депутатов из не менее чем трех четвертей муниципальных образований на уровне городских округов и муниципальных районов.

При этом пункт 15 части 3 статьи 18 Закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» устанавливает, что списки муниципалов, поддержавших кандидатов в губернаторы, «публикуются в региональных государственных периодических печатных изданиях» или «размещаются на сайтах избирательных комиссий». Сложившаяся практика не соответствует данной норме, так как только при «публичном соотнесении сведений, содержащихся в нотариальных реестрах, журналах, квитанциях и в самих подписных листах, можно понять и оценить настоящий масштаб сбора подписей», а также «проверить голословность или достоверность заявлений кандидатов о невозможности осуществить сбор подписей»¹⁹.

Проблемные ситуации имели место в регионах, где по данным предварительных опросов губернаторы не обладали весомым рейтингом. Принципиальным моментом при использовании данной технологии является возможность ее «тонкой настройки» в зависимости от хода сбора подписей штабами оппонентов. Одним из каналов информирования региональных администраций о ходе сбора подписей оппозицией выступали местные нотариусы (через областные нотариальные палаты).

На многих выборах руководителей регионов была отмечена сопутствующая проблема определение права первенства кандидатов на муниципальную подпись. Проблемная ситуация дублирования подписей («двойных подписей») оказалась значимым фактором избирательной кампании с высокой конкуренцией. Технология «задвоения подписей» используется в первую очередь против сильных кандидатов. Она стала следствием отсутствия регламентирующего порядка в признании очередности подписи одного и того же депутата и попыток губернаторов собрать максимальное число подписей. В последнем случае возможно установление необходимой даты

¹⁹ «Голос» призвал сделать муниципальный фильтр публичнее // Коммерсант. 04.08.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3377261>.

сбора подписи «задним числом», чтобы она предшествовала дате подписи того же депутата за соперника.

В ходе избирательных кампаний глав регионов в анализируемый период обозначилась проблема «сгорания» муниципальных подписей и «потерянного голоса» местного депутата в тех случаях, когда поддержанные ими кандидаты по ряду причин не получают регистрацию. На выборах других уровней, где кандидаты-самовыдвиженцы собирают подписи избирателей, данная проблема не является значимой, так как избиратели могут поддерживать неограниченное количество кандидатов. На губернаторских выборах действует правило «один депутат — одна подпись», число муниципальных депутатов ограничено, и цена «ошибки» при выборе кандидата оказывается существенной и может ущемлять пассивные избирательные права популярных в регионе кандидатов. К тому же большое число «потерянных подписей» может снижать уровень легитимности выборов.

На практике оказалось, что кандидаты не сблизились с муниципалитетами. Личные поездки по районам непосредственно в целях сбора подписей совершали лишь немногие претенденты в большей части для постановочных кадров СМИ. Взаимодействием с муниципальными депутатами преимущественно занимались администрации губернаторов через глав муниципальных образований.

Регистрация кандидатов через прохождение «муниципального фильтра» дополнительно способствует отказу значительной части избирателей от участия в выборах, провоцирует абсентеистские настроения, что негативно влияет на формирование культуры гражданского участия. В абсолютном большинстве случаев явка на выборах губернаторов, не совмещенных с федеральными, показывает меньший уровень участия избирателей, чем на аналогичных выборах в начале 2000-х годов.

Коррекция «муниципального фильтра»

В апреле 2017 года лидеры трех парламентских партий системной оппозиции (КПРФ, ЛДПР, СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ) направили Президенту Российской Федерации Владимиру Путину обращение об отмене муниципального фильтра для политических партий, представленных в Государственной Думе.

В июле 2017 года Председатель ЦИК России Э. Памфилова на встрече с общественностью обозначила необходимость скорректировать «муниципальный фильтр» на губернаторских выборах в России и сделать его более демократичным. При этом были названы основные пункты изменений: понижение верхнего уровня сбора подписей в 10 процентов, установленного во многих регионах; пересмотр установленного правила одной подписи. Декларируемая позиция заключается в том, чтобы «муниципальный фильтр» «не служил препятствием для

крупных конкурентов»²⁰. Позднее ЦИК России выдвинула предложения по смягчению муниципального фильтра на губернаторских выборах, в числе которых снижение требуемой поддержки от муниципалов до 3–5 процентов (сейчас 5–10%), освобождение парламентских партий и представленных в законодательных собраниях субъектов Российской Федерации партий от сбора подписей для своих кандидатов. Целесообразность полной отмены фильтра ЦИК России отвергает, «потому что надо убирать из кампании всех выродков, порожденных нечестными политтехнологами»²¹.

Эксперты Фонда развития гражданского общества предлагают «реновировать» муниципальный фильтр. Прежде всего, в избирательном процессе следует исключить возможность повторения ситуации, когда кандидат от парламентской партии, представленной в большинстве муниципалитетов региона, оказывается вне электорального списка кандидатов. Эксперты предлагают ввести существенные изменения, установив новые требования к условиям прохождения муниципального фильтра.

Во-первых, следует снизить верхнюю планку муниципального фильтра применительно как к общему количеству муниципальных депутатов, которые могут подписаться в поддержку выдвижения кандидата. Во-вторых, нужно запретить собирать и сдавать в избирательные комиссии подписи больше необходимого количества. При этом собранные, но непредставленные для регистрации подписи, должны «обнуляться». Данная норма снимет проблему «задвоения» подписей и заставит кандидатов тщательно подходить к работе со своими сторонниками в муниципалитетах и оформлению соответствующих документов. В-третьих, если политическая партия представлена в 25 процентов и более муниципалитетов региона (даже одним депутатом), то ее выдвиженец должен освобождаться от сбора подписей и регистрироваться автоматически в качестве кандидата. При этом суммарное партийное представительство в муниципалитетах рассчитывается только на основе итогов последних выборов, чтобы избежать влияния последующих переходов и воздействия административных механизмов²². В таком случае идея фильтра, по мнению экспертов, заключается в том, что партии должны иметь политическое представительство граждан на муниципальном уровне.

ЦИК России и избирательные комиссии субъектов Российской Федерации вместе с Федеральной нотариальной палатой должны принять меры к опубликованию полных списков выборных лиц муниципалитетов, отдавших подписи за кандидатов. Для борьбы с «двойными подписями»

²⁰ Элла Памфилова призвала скорректировать муниципальный фильтр // Коммерсант. 26.07.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/3367508>.

²¹ Кремлю доложат о выборах. Коммерсант. 25.10.2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3448467>.

²² Доклад Фонда развития гражданского общества «Выборы глав регионов в 2017 году: сценарии кампаний и прогнозы» // <http://civilfund.ru/mat/view/105>.

ми» Институт социально-экономических и политических исследований (ИСЭПИ) предлагал обнародовать список депутатов, поддержавших кандидата, в течение одного-трех дней после сдачи подписных листов, а также советовал субъектам Российской Федерации при принятии законов о создании двухуровневых городских округов и расширении муниципального депутатского корпуса снижать муниципальный фильтр до нижней границы в 5–6 процентов в зависимости от количества муниципальных депутатов. При этом в своем докладе 2014 года ИСЭПИ делал вывод, что при переходе к выборности губернаторов фильтр обеспечил «институциональную защиту от проникновения во власть кандидатов с радикальными, криминальными или сепаратистскими взглядами»²³.

Возможным способом преодоления проблемы подписей может быть введение «правила двух последовательных подписей», что требует поправок в федеральное законодательство. Муниципальный депутат, оставляя подпись в поддержку первого, «предпочитаемого» кандидата, может указать кандидата «второго выбора», на случай если «предпочитаемый» кандидат решит не участвовать в выборах или не сможет зарегистрироваться. Данный механизм позволяет смягчить негативные последствия правила «один депутат – одна подпись» и бороться с попытками штабов отдельных кандидатов зарезервировать себе подавляющее большинство муниципальных подписей. При этом снижаются коррупциогенные риски, каковые существовали бы в случае наличия у депутатов права отдавать свой голос неограниченному числу кандидатов. Однако этот механизм существенно усложнит порядок учета муниципальных подписей для избирательных комиссий субъектов Российской Федерации.

Возможность отзыва своей подписи муниципальным депутатом вплоть до стадии их проверки избирательной комиссией открывает штабам конкурентов пространство возможностей для применения юридических технологий по лишению регистрации (или предотвращению регистрации) «неудобного» кандидата. Штабы кандидатов могут оказывать давление на муниципальных депутатов или коррумтировать их, чтобы принудить их отозвать свою подпись за «неудобного» кандидата. В свою очередь, недобросовестные депутаты могут угрожать своему кандидату отзывом подписи в корыстных целях. Для повышения защищенности депутатов и кандидатов от применения подобных технологий следует ввести норму о запрете депутату местного самоуправления отзываться своей подписью за ранее выбранного кандидата. Эту норму целесообразно вводить вместе с «правилом двух последовательных подписей». Если данное правило не вводится, то отзыв подписи и выбор нового кандидата возможен лишь в том случае, если кандидат не был зарегистрирован или самостоятельно отказался от сдачи документов в избирательную комиссию.

²³ Муниципальный фильтр слишком мало пропускает. Коммерсант. 29.08.2017 // <https://www.kommersant.ru/doc/3396584>.

В итоге «муниципальный фильтр» стал удобным механизмом, который позволяет федеральному центру и региональным элитам управлять избирательными кампаниями. Он стал часто использоваться как технологический инструмент калибровки определения основных и технических кандидатов, отсекация нежелательных претендентов. Следует признать положительной стороной «муниципального фильтра» отстранение от участия в губернаторских выборах представителей криминала и политических популистов. Однако, как показывает опыт проведения губернаторских выборов, данный механизм может нормально функционировать только при «неформальных» схемах, позволяющих его обходить, что негативно сказывается на принятых избирательных нормах и правовой культуре. Несмотря на некоторые позитивные моменты, правовая практика установления «муниципального фильтра» влечет необоснованное ограничение избирательных прав граждан, создавая условия для злоупотребления кандидатом от «партии власти» правом на сбор муниципальных подписей и оказывает негативное влияние на организацию власти на уровне местного самоуправления.

Список литературы

1. Laakso M., Taagepera R. «Effective» Number of Parties: A Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. № 12 (1). P. 3–27.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ НА РЕГИОНАЛЬНОМ И МАКРОРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЯХ: 2016–2018 ГОДЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются корреляции результатов выборов депутатов Государственной Думы в 2016 году (процент избирателей, поддержавших каждую из трех основных партий) на уровне регионов, с соответствующими результатами на макрорегиональном уровне. Установлены достоверные связи между региональной и макрорегиональной поддержкой для результатов «ЕДИНОЙ РОССИИ» и ЛДПР, и отсутствие такой связи для результатов КПРФ. С учетом этих связей установлены 4 типа регионов – устойчиво-повышенной поддержки и устойчиво-пониженной поддержки той или иной партии, потенциального понижения и потенциального повышения поддержки. Аналогичные типы были ранее установлены при учете связей поддержки партий в регионе с социально-экономическими признаками региона. Оба подхода рассматриваются как дополняющие друг друга при прогнозировании электорального поведения населения региона.*

***Ключевые слова:** выборы в 2016 и 2018, «ЕДИНАЯ РОССИЯ», КПРФ, ЛДПР, корреляция, регион, макрорегион, потенциальное повышение или понижение поддержки партии.*

ПОПОВ Петр Леонидович – кандидат философских наук, ведущий инженер лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

САРАЕВ Владимир Григорьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономической географии и территориального планирования Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

ЧЕРЕНЕВ Алексей Анатольевич – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

***Сведения о поддержке.** Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ и РГО в рамках проекта 17-05-41057 РГО_а «Транспортно-коммуникационный фактор развития Сибири: возможности, ограничения, перспективы»*

ELECTORAL PREFERENCES AT THE REGIONAL AND MACROREGIONAL LEVELS: 2016–2018

***Abstract.** The article discusses the correlation of results of elections to the State Duma 2016 (% of voters who supported each of the 3 main parties) at the regional level, with the corresponding results at macro-regional level. There is a significant connection between regional and macro-regional support for the results of the EP and of the liberal democratic party, and no regard for results, the Communist party. Given these ties are 4 types of regions – steadily-increased support for a particular party, consistently low support, potential decrease and potential increase in support. Similar types have been previously installed at the connections party in the region with socio-economic characteristics of the region. Both approaches are seen as complementary in predicting electoral behavior of the population of the region.*

***Keywords:** Elections in 2016 and 2018, «the unified Russia», KPRF, LDPR, correlation, region, macro-region, the potential increase or decrease in support for the party.*

Введение

Социальные характеристики субъекта Российской Федерации оказывают влияние на электоральное поведение его населения. Это – факт несомненный и заслуживающий всестороннего изучения. Нами была предпринята попытка выяснить, с каким комплексом социальных признаков субъекта Российской Федерации связана поддержка каждой из трех основных политических партий – «ЕДИНОЙ РОССИИ», КПРФ и ЛДПР – на выборах депутатов Государственной Думы в 2016 году¹. На основе полученных результатов была предложена типология регионов Российской Федерации, учитывающая как уровень поддержки основных политических партий, так и выраженность комплекса социально-экономических признаков, ей благоприятствующих. Это рассмотрение целесообразно дополнить рассмотрением связей электоральных предпочтений населения региона с электоральными предпочтениями населения макро-региона, к которому относится соответствующий регион. Поскольку оба рассмотрения основаны на едином подходе и мыслятся нами именно как сочетающиеся между собой, начнем с краткого изложения опубли-

¹ Попов П.Л., Сараев В.Г., Черенев А.А., Галес Д.А. Результаты выборов в ГД РФ 2016 г. и перспективы региональной поддержки кандидатов от основных политических партий на президентских выборах // Власть. 2017. Том. 25. № 8. С. 74.

кованного материала о связи электоральных и социально-экономических характеристик регионов.

1. Типологизация субъектов Российской Федерации, основанная на учете соотношения «уровень поддержки определенной партии / полнота комплекса социальных признаков, благоприятствующих ее поддержке». Социальным признаком субъекта Российской Федерации мы называем повышенное или, напротив, пониженное (по отношению к среднему значению по субъектам Российской Федерации) количественное значение определенного социального явления; например повышенное значение продолжительности предстоящей жизни в Воронежской области является одним из ее социальных признаков, а пониженное значение этого показателя — одним из социальных признаков Новгородской области. С помощью корреляционного анализа нами были выявлены связи результатов выборов депутатов Государственной Думы с социальными явлениями на уровне совокупности субъектов Российской Федерации.

Установлено 16 признаков, благоприятствующих голосованию за «ЕДИНУЮ РОССИЮ», 14 признаков — голосованию за ЛДПР и 8 признаков — за КПРФ. В том или ином регионе Российской Федерации присутствует до 16 признаков, благоприятствующих голосованию за «ЕДИНУЮ РОССИЮ», до 14 — за ЛДПР, до 8 — за КПРФ. Коэффициент корреляции доли голосов, поданных за определенную партию в регионе, с количеством признаков региона, благоприятствующих голосованию за нее, равен для «ЕДИНОЙ РОССИИ» 0,80, для ЛДПР — 0,75, для КПРФ — 0,4. Уровень статистической достоверности при данной величине выборки достигается при величине коэффициента корреляции не ниже по абсолютной величине 0,22. На основе этих результатов был предложен подход к оценке устойчивости поддержки партии в регионе и соответственно, подход к оценке перспектив поддержки кандидатов от этих партий на президентских выборах 2018 года.

Если в регионе фактически оказана поддержка определенной партии на выборах депутатов Государственной Думы в 2016 году (эта партия получила здесь больше голосов, чем в среднем по стране) и вместе с тем присутствует больше половины от комплекса признаков, благоприятствующих голосованию за эту партию, то такой субъект Российской Федерации можно назвать регионом устойчивой поддержки данной партии. Обозначаем такой тип регионов как тип 1.

Если в регионе конкретная партия получила меньше голосов, чем в среднем по стране, и в регионе присутствует меньше половины от комплекса признаков, благоприятствующих голосованию за нее, то субъект Федерации можно назвать регионом устойчиво-пониженной поддержки данной партии (тип 2).

Если в регионе одна из партий получила больше голосов, чем в среднем по стране, но имеет меньше половины от комплекса благоприятствующих

признаков, то субъект Федерации можно отнести к регионам потенциального понижения поддержки данной партии (тип 3).

Если в регионе партия получила меньше голосов, чем в среднем по стране, и присутствует больше половины комплекса благоприятствующих данной партии признаков, то такой регион относится к регионам потенциального повышения поддержки данной партии (тип 4).

Есть основания считать, что регионы потенциального повышения поддержки определенной партии являются для нее перспективным полем предвыборной деятельности, а регионы потенциального понижения поддержки — слабым звеном, тоже требующим специальных усилий. В случае повышения или, напротив, понижения авторитета партии в масштабах страны изменения, предположительно, коснутся в большей степени регионов потенциального повышения (в первом случае) или потенциального понижения ее поддержки (во втором). Эти выводы относятся и к прогнозируемым результатам президентских выборов 2018 года.

Но электоральные предпочтения населения региона имеют связи не только с наличием в данном регионе определенной группы социальных явлений (когда какое-то электоральное предпочтение в аспекте распространения по субъектам Российской Федерации тяготеет к определенному комплексу таких явлений). Предпочтения связаны также с электоральными предпочтениями территориально близких регионов (когда определенное электоральное предпочтение в аспекте распространения по субъектам Российской Федерации тяготеет к группам территориально смежных и нередко близких в ряде других отношений субъектов Российской Федерации). Это обстоятельство известно — вспомним понятие «красный пояс», отражающее ареал повышенной поддержки КПРФ в 1990-е годы, охватывавший Центральное Черноземье и некоторую часть Поволжья и Урала.

* * *

В качестве средства группировки регионов, взаимно близких в территориальном, во многих случаях физико-географическом и культурном отношениях, можно использовать известную сетку экономических районов России (их около 10). В контексте нашего исследования, однако, их целесообразно называть макрорегионами, поскольку у нас речь идет не об экономических явлениях.

2. Типологизация субъектов Российской Федерации, основанная на учете соотношения «уровень поддержки определенной партии / уровень поддержки данной партии в остальной части макрорегиона, в который входит данный субъект».

Субъект Российской Федерации, в котором фактически оказана повышенная (по отношению к среднему уровню по стране) поддержка

определенной партии, и находящийся в макрорегионе, в остальной части которого поддержка данной партии (в среднем по соответствующим субъектам Российской Федерации) также повышена, будем называть регионом устойчиво-повышенной поддержки данной партии (тип 1).

Субъект Российской Федерации, в котором фактически оказана пониженная поддержка определенной партии и находящийся в макрорегионе, в котором и в остальной части в среднем по соответствующим субъектам поддержка данной партии также понижена, будем называть регионом устойчиво-пониженной поддержки данной партии (тип 2).

Субъект Российской Федерации, в котором фактически партии оказана повышенная поддержка, и находящийся в макрорегионе, в остальной части которого поддержка данной партии понижена, будем называть регионом потенциального понижения поддержки данной партии (тип 3).

Субъект Российской Федерации, в котором фактически оказана пониженная поддержка определенной партии, и находящийся в регионе, в остальной части которого поддержка данной партии повышена, будем называть регионом потенциального повышения поддержки данной партии (тип 4).

Чтобы не смешивать типы, выявленные при учете социальных признаков (об этих типах речь шла выше), с типами, выявленными при учете электоральных предпочтений на уровне макрорегионов, первые целесообразно называть С-типами (от слова «социальный»), а вторые М-типами (от слова «макрорегион»).

Проверить предположение, согласно которому, по результатам выборов депутатов Государственной Думы в 2016 году, связь электоральных предпочтений на региональном и макрорегиональном уровнях существует, можно, определив на совокупности субъектов Российской Федерации коэффициент корреляции между количеством голосов, поданных за определенную партию в каждом регионе с количеством голосов, поданных за эту партию в остальной части макрорегиона, к которому относится регион.

Выясняется, что для «ЕДИНОЙ РОССИИ» коэффициент корреляции равен 0,62; для ЛДПР — 0,70; для КПРФ — 0,05, то есть поддержка этой партии на данных выборах не обнаруживает достоверной связи макрорегиональных и региональных показателей. Но именно наличие такого рода связи, как и наличие достоверной связи электоральных предпочтений с социально-экономическими признаками региона, позволяет выявлять типы регионов устойчиво-повышенной, устойчиво-пониженной поддержки партии, потенциального повышения или понижения ее поддержки. Следовательно, для КПРФ выявление М-типов по материалам данных выборов нецелесообразно (выявление С-типов имеет смысл, потому что связь поддержки КПРФ с социально-экономическими признаками реги-

она хотя и слабее аналогичных связей «ЕДИНОЙ РОССИИ» и ЛДПР, но все же достоверна).

Приводим список субъектов Российской Федерации, сгруппированных по макрорегионам. Первая цифра после названия региона и партии – процент голосов, поданных за эту партию в регионе, вторая цифра – процент голосов, поданных за эту партию в макрорегионе, включающем данный регион (без данного субъекта Российской Федерации), третья цифра – С-тип региона, четвертая цифра – М-тип региона.

Центральное Черноземье: Белгородская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 54,7/55,1, С1, М1; ЛДПР: 13,7/13,1, С2, М2), Брянская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 63,9/54,0, С1, М1; ЛДПР: 10,8/13,4, С2, М2), Курская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 51,7/56,2, С1, М1; ЛДПР: 15,7/12,9, С3, М3), Тамбовская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 63,5/54,6, С1, М1; ЛДПР: 7,8/13,8, С2, М2), Тульская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 53,0/56,1, С3, М1; ЛДПР: 14,3/13,0, С4, М2), Орловская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 47,9/56,8, С4, М4; ЛДПР: 15,3/12,9, С3, М3), Рязанская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 54,5/55,8, С1, М1; ЛДПР: 15,0/13,0, С3, М3), Калужская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 45,7/55,7, С2, М4; ЛДПР: 17,4/12,7, С1, М3), Липецкая (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 56,2/55,6, С1, М1; ЛДПР: 12,3/13,2, С2, М2), Воронежская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 59,1/54,6, С1, М1; ЛДПР: 9,3/13,6, С2, М2) области.

Центральное Нечерноземье: Владимирская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 45,2/42,5, С2, М2; ЛДПР: 18,0/17,5, С1, М1), Московская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 46,0/42,4, С2, М2; ЛДПР: 14,9/18,0, С3, М3), Костромская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 36,6/44,0, С2, М2; ЛДПР: 18,9/17,4, С1, М1), Тверская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 45,0/42,5, С2, М2; ЛДПР: 16,4/17,8, С1, М1), Смоленская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 48,1/42,0, С2, М2; ЛДПР: 19,4/17,3, С1, М1), Ивановская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 42,4/43,0, С2, М2; ЛДПР: 17,7/17,6, С1, М1), Ярославская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 37,0/43,9, С2, М2; ЛДПР: 17,7/17,6, С1, М1) области.

Северо-Запад: Калининградская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 43,4/43,1, С2, М2; ЛДПР: 16,6/15,3, С1, М1), Ленинградская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 50,0/41,2, С4, М2; ЛДПР: 13,3/16,2, С2, М4), Псковская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 45,1/42,7, С2, М2; ЛДПР: 14,2/15,9, С4, М4), Новгородская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 40,1/44,0, С2, М2; ЛДПР: 16,2/15,4, С1, М1) области, Республика Карелия (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 37,3/44,7, С2, М2; ЛДПР: 17,6/15,1, С1, М1).

Северо-Восток Европейской части: Архангельская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 44,5/39,0, С2, М2; ЛДПР: 19,7/21,3, С1, М1), Вологодская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 37,2/41,4, С2, М2; ЛДПР: 21,4/20,8, С1, М1), Мурманская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 42,0/39,8, С2, М2; ЛДПР: 20,0/21,2, С1, М1) области, Республика Коми (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 37,8/41,2, С2, М2; ЛДПР: 22,6/20,4, С1, М1).

Северный Кавказ: Республика Дагестан (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 88,9/75,0, С1, М1; ЛДПР: 0,5/3,0, С2, М2), Республика Адыгея (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 59,4/79,2, С1, М1; ЛДПР: 12,7/1,3, С2, М2), Республика Северная Осетия-Алания (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 67,1/78,1, С1, М1; ЛДПР: 1,8/2,8, С2, М2), Чеченская Республика (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 96,3/73,9, С1, М1; ЛДПР: 0,0/3,1, С2, М2), Республика Ингушетия (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 72,4/77,4, С1, М1; ЛДПР: 1,7/2,9, С2, М2), Кабардино-Балкарская Республика (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 77,7/76,6, С1, М1; ЛДПР: 0,1/3,1, С2, М2), Карачаево-Черкесская Республика (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 81,7/76,1, С1, М1; ЛДПР: 0,6/3,0, С2, М2), Республика Калмыкия (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 70,6/77,6, С1, М1; ЛДПР: 4,3/2,5, С2, М2).

Юго-Запад: Ростовская область (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 56,8/55,6, С1, М1; ЛДПР: 14,1/14,7, С2, М4), Краснодарский (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 59,3/53,1, С1, М1; ЛДПР: 13,8/14,8, С2, М4) и Ставропольский (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 54,3/55,6, С1, М1; ЛДПР: 15,5/14,0, С3, М3) края).

Поволжье: Нижегородская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 58,1/57,2, С1, М1; ЛДПР: 12,4/12,2, С4, М2), Кировская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 38,0/59,3, С2, М4; ЛДПР: 24,9/11,0, С1, М3), Пензенская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 64,3/56,6, С1, М1; ЛДПР: 10,0/12,4, С2, М2), Ульяновская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 48,5/58,1, С4, М4; ЛДПР: 16,0/11,9, С3, М3), Самарская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 50,8/57,9, С2, М4; ЛДПР: 14,3/12,0, С4, М2), Саратовская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 67,1/56,4, С1, М1; ЛДПР: 9,9/12,4, С2, М2), Волгоградская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 50,6/57,9, С4, М4; ЛДПР: 16,2/11,8, С1, М3), Астраханская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 42,2/58,6, С4, М4; ЛДПР: 13,1/12,1, С2, М2) области, Республики Татарстан (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 85,3/54,7, С1, М1; ЛДПР: 2,2/13,1, С2, М2), Мордовия (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 84,4/54,8, С1, М1; ЛДПР: 5,2/12,8, С2, М2), Мари Эл (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 46,7/58,2, С4, М4; ЛДПР: 10,4/12,4, С2, М2), Чувашская Республика (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 50,9/57,9, С4, М2; ЛДПР: 11,7/12,2, С2, М2).

Урал: (Свердловская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 40,5/45,9, С2, М2; ЛДПР: 16,5/16,3, С1, М1), Оренбургская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 40,9/45,0, С4, М2; ЛДПР: 22,7/15,2, С1, М1), Пермская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 42,7/45,4, С2, М2; ЛДПР: 15,8/16,4, С1, М1), Челябинская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 38,2/46,3, С2, М2; ЛДПР: 16,7/16,2, С1, М1), Курганская области (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 41,5/45,7, С2, М2; ЛДПР: 18,8/15,9, С1, М1), Республика Башкортостан (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 56,4/42,7, С1, М3; ЛДПР: 11,3/17,1, С2, М4), Удмуртская Республика (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 50,5/43,9, С4, М2; ЛДПР: 12,3/17,0, С4, М4).

Западная Сибирь: Тюменская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 58,4/48,9, С1, М3; ЛДПР: 14,1/16,5, С2, М4), Омская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 36,3/51,7, С2, М2; ЛДПР: 15,6/16,3, С1, М1), Томская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 40,7/51,1, С2, М2; ЛДПР: 20,5/15,7, С1, М1), Новосибирская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 38,3/51,4, С2, М4; ЛДПР: 19,5/15,8, С1, М1), Кемеровская области

(ЕДИНАЯ РОССИЯ: 77,3/46,6, С1, М3; ЛДПР: 7,7/17,3, С2, М4), Алтайский край (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 35,2/51,8, С2, М4; ЛДПР: 19,8/15,8, С1, М1), Республика Алтай (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 48,8/50,1, С4, М2; ЛДПР: 12,7/16,7, С4, М4), Ямало-Ненецкий (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 67,1/47,8, С1, М3; ЛДПР: 14,0/16,5, С2, М4) и Ханты-Мансийский (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 47,6/50,3, С4, М2; ЛДПР: 22,3/15,5, С1, М1) автономные округа.

Восточная Сибирь: Красноярский край (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 40,4/48,3, С2, М2; ЛДПР: 20,3/15,0, С1, М1), Иркутская область (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 39,8/48,5, С2, М2; ЛДПР: 17,0/15,6, С1, М1), Республика Хакасия (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 38,1/48,7, С2, М2; ЛДПР: 19,5/15,2, С1, М1), Республика Тыва (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 82,6/41,2, С1, М3; ЛДПР: 3,1/17,9, С2, М4), Республика Бурятия (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 43,3/47,9, С4, М2; ЛДПР: 13,5/16,2, С4, М4), Республика Саха (Якутия) (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 46,4/47,4, С2, М2; ЛДПР: 10,7/16,6, С4, М4), Забайкальский край (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 39,9/48,4, С4, М2; ЛДПР: 26,4/14,0, С1, М1).

Дальний Восток: Магаданская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 44,7/44,3, С2, М2; ЛДПР: 19,2/22,0, С1, М1), Сахалинская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 45,4/44,2, С2, М2; ЛДПР: 20,0/21,9, С1, М1), Амурская (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 37,9/45,3, С2, М2; ЛДПР: 29,0/20,6, С1, М1) области, Камчатский (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 38,2/46,3, С2, М2; ЛДПР: 21,3/21,7, С1, М1), Приморский (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 39,0/45,1, С2, М2; ЛДПР: 19,7/22,0, С1, М1) и Хабаровский (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 37,3/45,4, С2, М2; ЛДПР: 25,0/21,2, С1, М1) края, Еврейская автономная область (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 45,0/44,3, С2, М2; ЛДПР: 21,9/21,6, С1, М1), Чукотский автономный округ (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 58,8/42,3, С1, М3; ЛДПР: 17,3/22,3, С1, М1).

К макрорегионам приравняются также **Москва:** ЕДИНАЯ РОССИЯ: 37,8/37,8, С4, М4; ЛДПР: 13,1/13,1, С2, М2) и **Санкт-Петербург, СПб** (ЕДИНАЯ РОССИЯ: 40,3/40,3, С2, М2; ЛДПР: 12,0/12,0, С4, М4).

3. О сочетаниях типов электоральной предрасположенности регионов.

Регион, принадлежащий в аспекте голосования за определенную политическую партию к С-типам 1 или 3, имеет, по определению, повышенный уровень поддержки данной партии. Следовательно, он может относиться только к М-типам, имеющим те же номера, 1 или 3, поскольку и они подразумевают повышенную поддержку данной партии. Если регион относится к С-типам 2 или 4, то он может относиться только к М-типам 2 или 4 (во всех случаях поддержка данной партии понижена).

Если у региона номера С-типа и М-типа совпадают, то очевидно, что его электоральная характеристика, общая с этими номерами, усиливается. Например, Воронежская область по голосованию за «ЕДИНУЮ РОССИЮ» относится к С-типу 1 и М-типу 1, следовательно, ее характеристика как региона устойчиво-повышенной поддержки данной партии

усиливается, по сравнению с оценкой, полученной на основании учета только одного из этих типов.

Если номера С-типа и М-типа региона не совпадают, можно, по-видимому, считать, что данный регион относится к одному из переходных типов. Характеристику, даваемую С-типом, особенно в случае с «ЕДИНОЙ РОССИЕЙ», следует считать более сильной, чем характеристику, даваемую М-типом. Коэффициент корреляции уровня поддержки ЛДПР и «ЕДИНОЙ РОССИИ» в регионе с количеством социально-экономических явлений, благоприятствующих поддержке данной партии, выше коэффициента корреляции уровня поддержки данной партии в регионе с количеством голосов, поданных за эту партию в остальной части макрорегиона, к которому относится регион.

Высокая частотность совпадений номеров С-типов и М-типов в одних и тех же регионах отмечается в случае, когда и в С-типе и в М-типе один и тот же номер высокочастотен. Так, например, для «ЕДИНОЙ РОССИИ» таков в обоих типах номер 1. И неудивительно, что нередко один и тот же регион относится к С-типу и М-типу 1. Может оказывать влияние и сходство социально-экономических условий в субъектах Российской Федерации, относящихся к одному и тому же макрорегиону, влияющее на характер голосования в них. Иными словами, в пределах макрорегиона может иметь место сходство регионов по уровню поддержки определенной партии и по количеству признаков благоприятствующих этому электоральному предпочтению; эти обстоятельства способствуют совпадению в субъекте Российской Федерации номера С-типа и М-типа.

В практической подготовке к выборам наиболее важны регионы 3 и 4 типов, а также те регионы, которые принадлежат к типам 1 и 2, но приближаются по соотношению «уровень поддержки/полнота комплекса признаков, характерных для регионов с повышенной поддержкой» к типам 3 и 4.

Если уровень поддержки той или иной партии в стране в целом до президентских выборов 2018 года увеличится, то в большей степени увеличение проявится в регионах ее потенциальной поддержки (тип 4). Если, наоборот, уровень поддержки партии ослабеет, то в большей степени это коснется регионов потенциального ослабления ее поддержки (тип 3). Речь шла только об С-типах. Сейчас можно отнести те же предположения к регионам, относящимся к М-типам 3 и 4. Особенно неустойчивыми, и с этой точки зрения, важными, являются регионы, в которых С-тип и М-тип совпадают по номеру 3 или 4. В случае если С-тип и М-тип региона не совпадают, его следует считать регионом переходного типа, то есть приближающимся к типам 3 или 4, потому тоже имеющим повышенное значение. При этом, в аспекте голосования за «ЕДИНУЮ РОССИЮ» принадлежность региона к С-типу более значима, чем его принадлежность к М-типу.

Таким образом, выявление связей электоральных предпочтений региона с электоральными предпочтениями на уровне макрорегиона и выявление связей электоральных предпочтений региона с социально-экономическими признаками данного региона — взаимно дополняющие предпосылки прогноза электорального поведения населения региона.

За пределами нашего рассмотрения остались социально-экономические признаки макрорегиона, которые также могут привлекаться для электорального прогнозирования.

Выводы

1. По результатам выборов депутатов Государственной Думы в 2016 году уровень поддержки «ЕДИНОЙ РОССИИ» и ЛДПР на региональном уровне достоверно коррелирует с уровнем их поддержки на макрорегиональном уровне.

2. Уровень поддержки КПРФ на региональном уровне не имеет достоверной корреляции с уровнем поддержки этой партии на макрорегиональном уровне.

3. Соотнесение уровня поддержки партии на региональном уровне с уровнем ее поддержки на макрорегиональном уровне позволяет установить 4 типа регионов: устойчиво-повышенной поддержки, устойчиво-пониженной поддержки, потенциального повышения и потенциального понижения поддержки. Эти типы аналогичны типам, ранее установленным при учете социально-экономических признаков регионов и уровня поддержки, оказываемой в них политическим партиям.

4. Повышенная частотность совпадений типологических характеристик региона, полученных по социально-экономическим признакам и макрорегиональным результатам федеральных выборов 2016 года, предположительно объясняется сходством социально-экономических условий в субъектах Российской Федерации, относящихся к одному и тому же макрорегиону, влияющим на характер голосования в них.

5. Полученные результаты усиливают возможность прогнозирования уровня поддержки кандидатов от основных политических партий («ЕДИНАЯ РОССИЯ», ЛДПР) на президентских выборах 2018 года в субъектах Российской Федерации.

Список литературы

1. Попов П. Л., Сараев В. Г., Черенев А. А., Галес Д. А. Результаты выборов в ГД РФ 2016 г. и перспективы региональной поддержки кандидатов от основных политических партий на президентских выборах // Власть. 2017. Том. 25. № 8. С. 74–82.

Е.В. БРОДОВСКАЯ, А.Ю. ДОМБРОВСКАЯ, Д.Н. КАРЗУБОВ

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАЦИЙ ПАРЛАМЕНТСКИХ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

(НА ПРИМЕРЕ ЕДИНОГО ДНЯ ГОЛОСОВАНИЯ 2017 ГОДА)

Аннотация. В статье представлены данные измерения структурных, содержательных и технологических характеристик социально-медийных потоков о политических партиях России. Реализована эмпирическая модель исследования, предполагающая осуществление автоматизированного контента социальных медиа с применением онлайн-сервиса для мониторинга социальных медиа IQBuzz, а также качественной методики анализа содержания социально-медийных сообщений о политических партиях — дискурс-анализа. Выявлены проблемы онлайн-сопровождения деятельности политических партий: формирование стабильного интенсивного информационного потока, регулирование тональности сообщений социальных медиа о политических партиях, усиление социокультурного контекста и адресности сообщений, стимулирование деятельности неформальных лидеров общественного мнения, целенаправленно формирующих позитивные информационные потоки о политических партиях в группах социальных медиа и некоторые другие. Политическим партиям, ограничивающимся использованием интернет-технологий для самопрезентации, предлагается дизайн мониторинга социальных и политических настроений пользователей по цифровым маркерам.

Ключевые слова: политические партии, информационные потоки, социальные медиа, киберметрия, цифровые маркеры.

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, г. Москва

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна — доктор социологических наук, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, г. Москва

КАРЗУБОВ Дмитрий Николаевич — аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета, г. Москва

Сведения о поддержке. Исследование реализовано при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00440 «Межнациональное и межрелигиозное согласие в студенческой среде Крыма и Севастополя: мониторинг и анализ уровня развития» на 2017–2019 годы

ANALYSIS OF EFFECTIVENESS OF COMMUNICATION OF THE PARLIAMENTARY POLITICAL PARTIES OF RUSSIA

(CASE – RUSSIAN ELECTION – 2017)

***Abstract.** The paper represents the results of measurements of structural, substantial and technical characteristics on social and media streams about political parties of Russia. The empirical model of a research assuming implementation of the automated content of social media with application of an online service for monitoring of social media (IQBuzz) and also a qualitative technique of the analysis of contents of social and media messages about political parties – a discourse analysis is realized. Problems of on-line maintenance of activity of political parties are revealed: formation of a stable intensive information stream, regulation of tonality of messages of social media about political parties, strengthening of a sociocultural context and targeting of messages, stimulation of activity of the informal leaders of public opinion who are purposefully forming positive information streams about political parties in groups of social media and other. The design of monitoring of social and political moods of users on digital markers is offered to the political parties which are limited to use of Internet technologies for the self-presentation.*

***Keywords:** political parties, information streams, social media, cybermetrics, digital markers.*

Интернет-коммуникации политических партий в условиях цифровой эпохи становятся одним из базовых показателей качества избирательных кампаний. Европейские страны и США дают нам яркие примеры электоральных побед, достигнутых, в том числе, благодаря эффективному управлению информационными потоками в новых медиа. От электорального цикла к электоральному циклу в России растет количество участников предвыборной борьбы, делающих ставку, прежде всего, на интернет-коммуникацию. Вместе с тем специфика партийной системы, ее «картельный» характер, режим отчасти ограниченной конкуренции политических партий, обеспечивающийся выталкиванием внесистемной оппозиции за рамки предвыборной борьбы, оказывают первостепенное влияние на качество и результативность применения интернет-технологий российскими политическими акторами.

Введение единого дня голосования, особенно в действующей хронологии, казалось бы, должно было изменить традиционный подход парламентских партий к построению интернет-коммуникаций с избирателями, суть которого заключается в наличии формальной структуры официальных интернет-пред-

ставительств и онлайн-сообществ в социальных медиа, аффилированных с региональными отделениями политических партий.

Для проверки данной гипотезы мы предприняли комплексный автоматизированный мониторинг интернет-коммуникации российских парламентских партий накануне единого дня голосования.

Теоретический фундамент исследования составляют следующие концепции и научные положения отечественных и зарубежных ученых: о глобальной информационной сети (С. Колеман, Д. Карран, Д. Тапскотт¹), ценностно-ориентированный подход «новых общественных движений» (К. Оффе²), сетевого взаимодействия (М. Кастельс³, А. Чевик, Х. Квак, С. Ли), «сетевого клуба» (Дж. Коэн, Э. Шмидт⁴), «умной толпы» (Х. Дженкинс, Г. Рейнгольд⁵), политических мимов (Р. Докинз, С. Шомова, С. Грин⁶) и др.

Методология исследования основана на таких подходах, как новый институционализм, сетевой и когнитивный подходы, интеллектуальный анализ данных (DataMining, TextMining, PredictorMining, SocialComputing).

Новый институционализм позволяет рассматривать в качестве факторов, влияющих на политическую систему, политические институты, акторов, их ресурсы и стратегии (Х. Линц, А. Степан, Г. Доннелли др.), а также анализировать рациональность выбора стратегии политического поведения (Э. Остром, К. Шепсл, Д. Норт⁷).

Сетевой подход делает возможным исследовать взаимосвязь между мобилизацией политического действия и сетевой активностью интернет-пользователей (Г. Градосельская⁸, С. Грин⁹, Л. Сморгунов¹⁰, Ф. Ховард, А. Шерстобитов¹¹, А. Роменков¹², Д. Мартьянов¹³, И. Мирошниченко¹⁴ и др.), сетевые интеракции как коллективное действие (Л. Карлссон, И. Кравченко¹⁵).

¹ Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Пер. с англ. Игоря Дубинского. Под ред. Сергея Писарева // Киев. INT Пресс; Москва: Релф бук., 1999. 432 с.

² Offe C. New Social Movements.— Social Research, 1985. P. 52.

³ Castells M. Communication power.— Oxford: Oxford univ. press. 2009. 433 p.

⁴ Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2013. 588 с.

⁵ Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / [пер. с англ. А. Гарькавого]. Москва: Изд. «Торговый дом ГРАНД»: Фаирпресс, 2006.

⁶ Green S. Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization // <http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/твиттер-и-российский-протест-мемы-сет> (date of access 25.12.2012).

⁷ Норт Д.К. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики, 1997. № 3 С. 6–17.

⁸ Градосельская Г.В. Сетевые измерения в социологии: Уч. пос. / Под ред. Г.С. Батыгина.— М.: Издательский Дом «Новый учебник», 2004. 248 с.

⁹ Green S. Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization // <http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/твиттер-и-российский-протест-мемы-сет> (date of access 25.12.2012).

¹⁰ Сморгунов Л.В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования.— 2014. № 4. С. 21–37.

¹¹ Курочкин А.В., Шерстобитов А.С. Политика и государственное управление в условиях сетевого общества.— СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. 152 с.

¹² Роменков А.В. Интернет-блог как инструмент политической борьбы // Власть. 2008. № 7. С. 79–82.

¹³ Мартьянов Д.С. Политические акторы в сети Интернет // Штудии: Альманах научно-образовательной практики.— Вып. 4. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2004. С. 44–48.

¹⁴ Мирошниченко И.В. Социальные сети в российской публичной политике: автореф. дисс. ... д-ра полит. наук.— М., 2013.

¹⁵ Кравченко И.В. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе.—

Когнитивный подход акцентирован на анализе процессов формирования субъективного политического мира, восприятия и интерпретации сообщений, транслируемых в пространстве социальных медиа, выбора стратегии политического поведения (Р. Дж. Далтон, П. Данливи, Г. Пушкарева, Е. Шестопа¹⁶ и др.). Значимыми для решения задач интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов являются такие аспекты когнитивного подхода, как технологии информационного влияния, манипулятивное воздействие, убеждающая коммуникация и др. (Э. Аронсон, Р. Эйкерт, Э. Р. Пратканис, С. Кара-Мурза, Г. Почепцов¹⁷, М. Грачев¹⁸, М. Вершинин¹⁹, А. Балашов²⁰, И. Быков²¹, М. Щенников²² и др.).

Методологическую основу исследования также составляют принципы нового направления исследования политического поведения и политических процессов, отраженных в сети Интернет, — PredictorMining²³, возникшем на пересечении интеллектуального анализа данных и социального компьютеринга. В рамках данных направлений применяются методы автоматического извлечения закономерностей из больших объемов данных для анализа информационных потоков о политических партиях, их динамических и содержательных характеристик.

Целью исследования является выявления содержательных, структурных и технологических особенностей информационных потоков парламентских политических партий в новых медиа накануне единого дня голосования.

В качестве исследовательских кейсов отобраны 4 политические партии России, имеющие длительную историю успешных избирательных кампаний и служащих основными политическими силами в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации: КПРФ, ЛДПР, «ЕДИНАЯ РОССИЯ» и СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ.

Методы исследования:

- качественный анализ содержания сообщений социальных медиа о политических партиях для разработки поисковых запросов с целью последующего автоматизированного аккумулирования релевантных информационных потоков (выборочная совокупность — 900 сообщений);

СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

¹⁶ Шестопа¹⁶ Е. Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации. М., 2008.

¹⁷ Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. — М.: Рефл-бук, 2001.

¹⁸ Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс... д-ра полит. наук. — М.: Моск. педагог. ун-т, 2005.

¹⁹ Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. — СПб: изд-во Михайлова В. А., 2001.

²⁰ Балашов А. Н. Интернет-технологии как фактор повышения эффективности деятельности политических партий в России: автореф. дисс... канд. полит. наук. — Орел, 2015.

²¹ Быков И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы // Вестник Пермского ун-та. — Сер. «История и политология». — 2010. — № 1. — С. 48–58.

²² Щенников М. А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: автореф. дисс... канд. полит. наук. — Ярославль: ЯГУ, 2010. 23 с.

²³ Азаров А. А. и др. PredictorMining: Применения методов интеллектуального анализа данных в задачах социального компьютеринга // Труды СПИИ РАН. 2013. Вып. 26. С. 136–161.

- киберметрический анализ: автоматизированный анализ информационных потоков социальных медиа о политических партиях с помощью онлайн-сервиса для мониторинга социальных медиа IQBuzz (выгрузка составила 200 000 сообщений, глубина выгрузки — 08.12.2016 г. по 08.04.2017 г., 30 социальных медиа и микроблогов);

- дискурс-анализ сообщений пользователей социальных медиа для определения ключевых тем, касающихся исследуемых политических партий и привлекающих интернет-сообщество;

- построение социальных графов, позволяющих определить плотность социальных связей между онлайн-группами и их участниками и выделить лидеров общественного мнения;

Проблемное поле исследования состоит из следующих направлений анализа репрезентации социально-медийных потоков о политических партиях:

- измерение интенсивности информационного потока о политических партиях в социальных медиа;

- изучение тональности сообщений социальных медиа о политических партиях;

- выявление объема сообщений, адресованных прагматикам как интенсивно растущему кластеру российской интернет-аудитории;

- анализ семантического ядра социально-медийных потоков о политических партиях;

- установление связи сообщений о политических партиях в социальных медиа с социокультурным контекстом;

- анализ степени адресности социально-медийных сообщений политических партий;

- выделение лидеров общественного мнения, целенаправленно формирующих информационные потоки о политических партиях в группах социальных медиа;

- изучение геолокационной циркуляции сообщений о политических партиях.

Измерение интенсивности информационных потоков о политических партиях в социальных медиа

Динамика информационных потоков об изучаемых политических партиях за рассматриваемый период представлена на рисунках 1–4. Согласно данным рисунка 1, график интенсивности сообщений о КПРФ довольно нестабилен, наблюдаются 2 основных пика усиления информационного потока. Сопоставление киберметрических данных с результатами качественного анализа содержания медийных новостных лент показывает, что два повода привлекли внимание более 1500 пользователей — ситуация с Д. Вороненковым и законопроект, внесенный В. Рашкиным. При этом

фиксируется доминирование сообщений, аудитория которых колеблется в пределах 100–300 человек (см. рис. 1).

В сравнении с КПРФ информационный поток о ЛДПР выглядит более динамичным и стабильным: большинство новостей охватывают аудиторию от 250 до 650 человек (см. рис. 2).

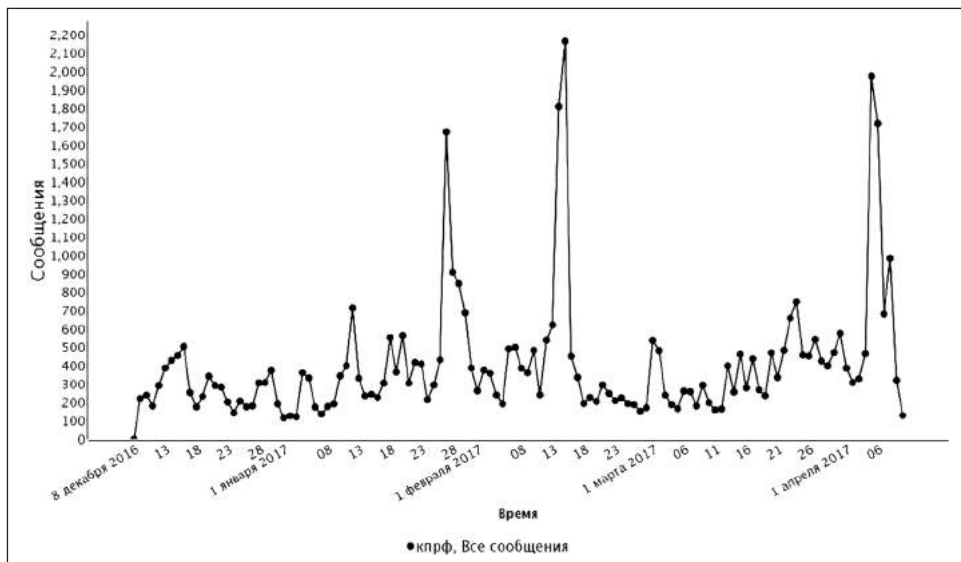

Рис. 1. Хронология численности сообщений в социальных медиа, в которых есть упоминание КПРФ

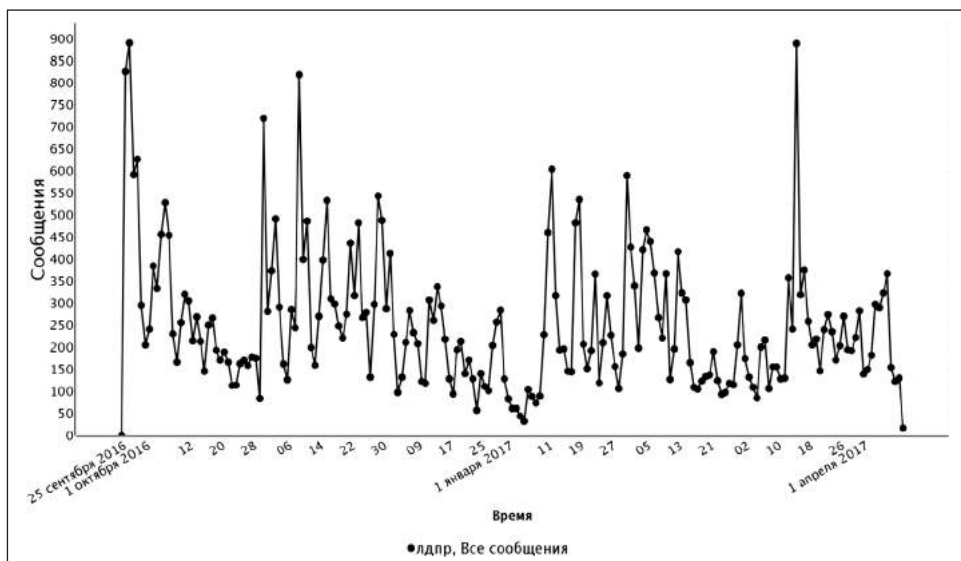

Рис. 2. Хронология численности сообщений в социальных медиа, в которых есть упоминание ЛДПР

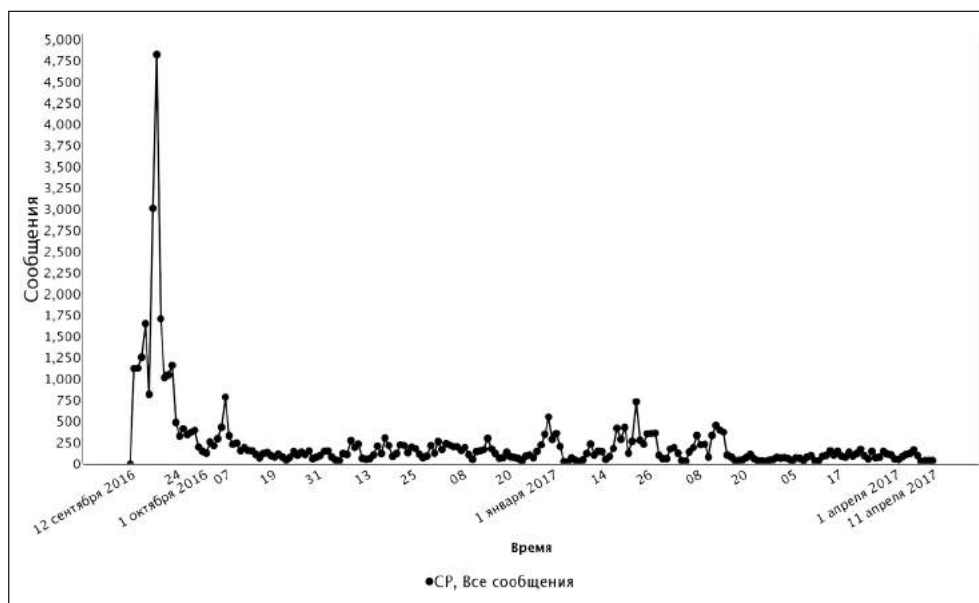

Рис. 3. Хронология численности сообщений в социальных медиа, в которых есть упоминание партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ

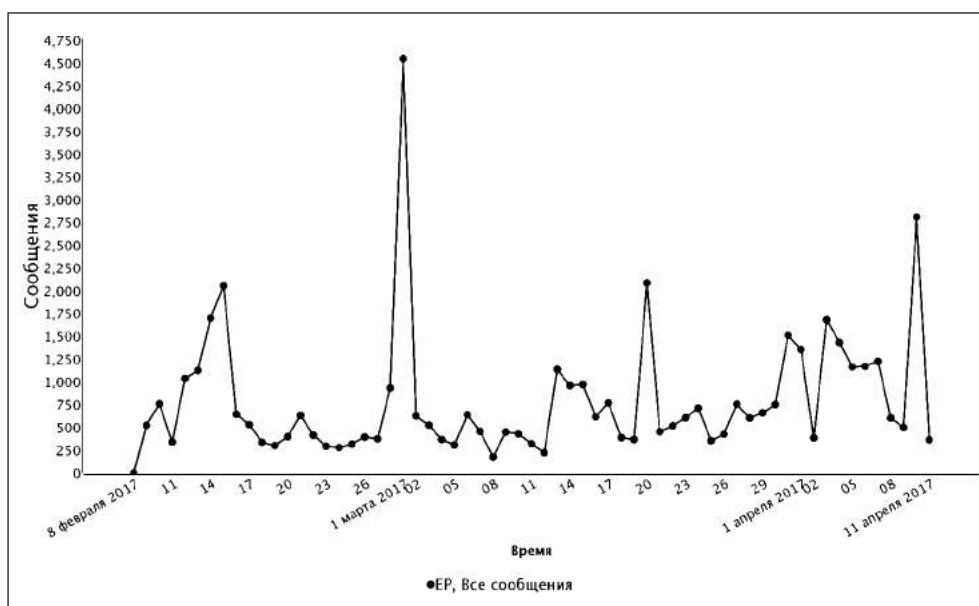

Рис. 4. Хронология численности сообщений в социальных медиа, в которых есть упоминание партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ»

Аналогичный показатель у партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ близок к статистически незначимой отметке — см. рис. 3.

У «ЕДИНОЙ РОССИИ» интенсивность потока несколько выше: 250 сообщений в день, при этом довольно регулярно происходит кратковременное повышение публикационной активности (см. рис. 4).

Таким образом, для российских политических партий — объектов данного исследования, характерна в целом недостаточная интенсивность и стабильность информационного потока, отражающего их деятельность в социальных медиа.

Изучение тональности сообщений социальных медиа о политических партиях

Соотношение тональности сообщений об анализируемых партиях показано на рисунке 5. Данное распределение свидетельствует о преобладании негативных сообщений о политических партиях в сравнении с позитивными. Исключение составляет партия «ЕДИНАЯ РОССИЯ», у которой показатель позитивной модальности выше значения отрицательной. Кроме того, обращает на себя внимание тот факт, что соотношение этих показателей у КПРФ имеет наибольшую и намного более выраженную амплитуду, чем у ЛДПР и СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ.

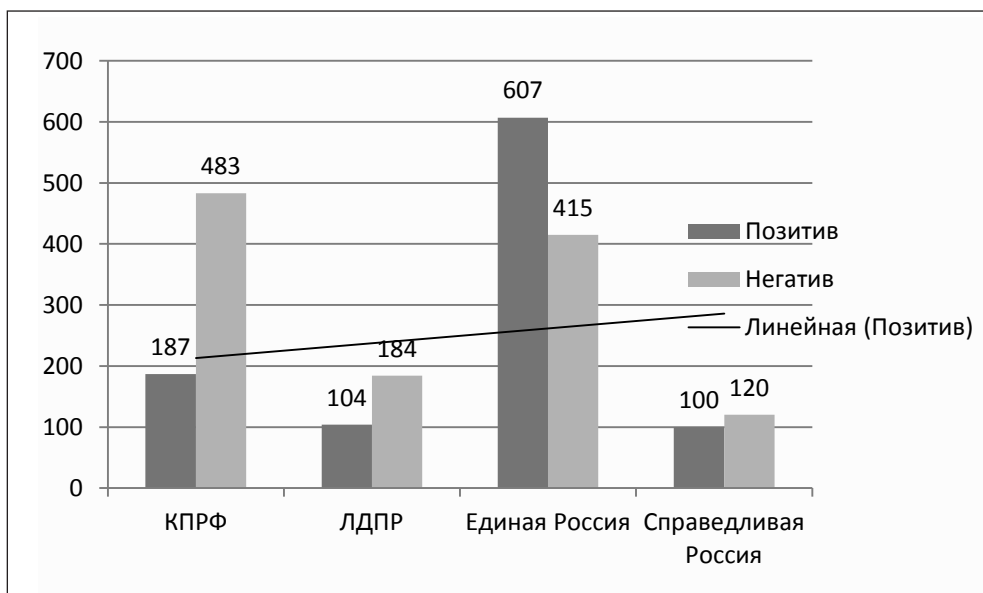

Рис. 5. Тональность сообщений об анализируемых партиях в социальных медиа

В целом данные рисунка 5 свидетельствуют о недостаточной сформированности альтернативных и управляемых информационных потоков, обеспечивающих позиционирование политических партий в социальных медиа и о дефиците альтернативных информационных потоков, обеспечивающих позиционирование политических партий в социальных медиа и противопоставленных потокам негативного характера.

Выявление объема сообщений, адресованных прагматикам, как интенсивно растущему кластеру российской интернет-аудитории

Согласно данным Мирового интернет-проекта, объем кластера прагматиков в российской интернет-аудитории составляет 17,4 процента. Это — пользователи, ориентированные на практический результат от получаемой информации. Кроме того ядром пользовательской аудитории политических партий являются мужчины 26–35 лет, также во многом нацеленные на функциональность и прагматизм. Они особенно чувствительны к отсутствию сообщений о законодательных инициативах, конкретных решениях и действиях партий. Наиболее показателен для иллюстрации этого сегмента проблемного поля исследования пример с КПРФ.

В отсутствии сообщений с рациональной аргументацией, адресованных прагматикам, такие законопроекты, как, например, законопроект В. Рашкина, безальтернативно сконструирован в сознании пользователей как документ, прежде всего, нарушающий права человека: «Правительственная комиссия по законопроектной деятельности не поддержала законопроект депутата от КПРФ Валерия Рашкина о запрете на обучение за рубежом детей государственных и муниципальных служащих..., а также топ-менеджеров госкорпораций..., инициатива является «скандально-популистской», «нормы законопроекта направлены на ограничение конституционных прав несовершеннолетних детей — граждан Российской Федерации на образование».

В то же время партия ЛДПР акцентирует внимание на разъяснении того, в чем социальная ценность инициатив партии. Фракция ЛДПР поддерживает законопроект о возможности отказа экспортеров от применения нулевой ставки НДС, так как он приведет к пополнению бюджета: «В случае если экспортеры отказываются от нулевой ставки, то мы применяем ставку 18 процентов, и это дополнительные доходы бюджета». В ЛДПР считают, что от НДС надо вообще отказаться и перейти на налог с продаж — «абсолютно понятный и четко администрируемый».

Эти единичные примеры не характерны для всего информационного потока, создаваемого партиями и о партиях. Напротив, результаты исследования позволяют сделать заключение о минимальном объеме сегмента

сообщений, публикуемых изучаемыми политическими партиями, адресованных прагматикам в интернет-аудитории.

Анализ семантического ядра социально-медийных потоков о политических партиях

Данный показатель исследуется с помощью такой опции сервиса для мониторинга социальных медиа, как «таблица облака тегов». В ней автоматически генерируются данные о частоте упоминания различных словоупотреблений в разных информационных потоках. В таблице 1 показана такая специфика информационных потоков о КПРФ и ЛДПР, как отсутствие персонцентризма в информационном потоке о первой партии и персонифицированность социально-медийных потоков – о второй. Так, согласно данным облака тегов среди наиболее часто встречаемых слов нет ни одной фамилии, связанной с партией КПРФ (см. табл. 1). Анализ облака тегов информационного потока об ЛДПР дает следующую картину: имя В.В. Жириновского упоминается в числе ключевых и наиболее часто используемых слов, и встречается 14024 раз, то есть примерно в каждом четвертом выгруженном сообщении (табл. 1).

Таблица 1. Облако тегов (ключевые слова) сообщений о КПРФ и ЛДПР

Ключевое слово	ЛДПР	КПРФ
Россия	28356	24955
Депутат	22551	24703
Человек	18847	17507
Госдума	18021	14940
Жириновский	14024	-

Данные исследования позволяют утверждать, что для работы политических партий по созданию социально-медийных потоков характерна проблема неперсонцентристского характера образа этих партий в социальных медиа.

Установление связи сообщений политических партий в социальных медиа с социокультурным контекстом

Данное направление анализа связано с использованием качественной стратегии исследования, включающей применение дискурс-анализа сообщений политических партий в социальных медиа. В проанализированных сообщениях о КПРФ существует фрагментарное и эпизодичное использование внешних информационных поводов (привязка к праздничным

датам и событиям). Существует дефицит сообщений о событиях, которые затрагивают социальную и культурную жизнь общества. Примером использования этой техники позиционирования может служить социально-медийный материал о деятельности ЛДПР «Под флагами ЛДПР на Всемирный день здоровья».

Другим примером может быть пул сообщений о «ЕДИНОЙ РОССИИ», в которых данная партия ассоциируется с организаторами или партнерами социально значимых событий: «1 апреля, в праздник веселья и смеха провели благотворительную акцию помощи детям-сиротам, а именно... Государственному бюджетному учреждению Новосибирской области «Центру помощи детям, оставшимся без попечения родителей «Рассвет», партнер проекта — «ЕДИНАЯ РОССИЯ»; Или «ЕДИНАЯ РОССИЯ: «Депутат Госдумы поможет нижнетавдинскому спорткомплексу с оснащением».

Вместе с тем недостаточная связь сообщений политических партий в социальных медиа с социокультурным контекстом характерна для большинства объектов данного исследования.

Анализ степени адресности социально-медийных сообщений политических партий

Качественная стратегия изучения социально-медийных сообщений, создаваемых политическими партиями, позволяет выявить дефицит адресованности этих документов к конкретным социальным общностям. Некоторая степень таргетирования информационных потоков характерна для социально-медийных потоков партий «ЕДИНАЯ РОССИЯ» и ЛДПР, которые создают сообщения, адресованные конкретным социальным общностям и группам:

Для социальных общностей, ориентированных на разрешение экологических проблем: «ЕДИНАЯ РОССИЯ: «В Тульской области открылась вторая экологическая приемная Партии».

Для пожилых людей: «ЕДИНАЯ РОССИЯ»: «Партийцы Чукотки помогают пожилым гражданам защититься от мошенников»; для людей, которых беспокоят проблемы социальной сферы: «Члены фракции «ЕДИНАЯ РОССИЯ ... за круглым столом обсудили вопросы развития конкурентной среды по предоставлению услуг в социальной сфере»; для людей, пострадавших от мошеннических схем: «Необходимы действующие механизмы решения проблем пострадавших дольщиков».

Вместе с тем, объем таких сообщений не имеет существенной статистической значимости. Результаты исследования показывают недостаточную адресность социально-медийных сообщений, публикуемых политическими партиями.

Выделение лидеров общественного мнения, целенаправленно формирующих информационные потоки о политических партиях в группах социальных медиа

Данные о публикационной активности и аудитории лидеров общественного мнения в группах социальных медиа (см. табл. 2–4) показывают, что большая часть лидеров, конструирующих общественное мнение о политических партиях, имеют довольно небольшую аудиторию.

Таблица 2. Лидеры общественного мнения в социальных медиа, публикующих сообщения о КПРФ

Имя и ник	Блогохостинг	Аудитория	Документов
Коммунистическая партия РФ (КПРФ) (club26362316)	Vkontakte	46690	175
Сторонники КПРФ (club39671144)	Vkontakte	4019	136
За возрождение СССР (club44070859)	Vkontakte	5172	129
Московская городская организация КПРФ (club82927237)	Vkontakte	847	123
СОВЕТСКАЯ НОВОРОССИЯ (club59006903)	Vkontakte	9232	102
Красный комиссар (club60932039)	Vkontakte	9704	101
Газета ПРАВДА (club33639166)	Vkontakte	1690	69
Политическая элита (club123916919)	Vkontakte	3440	63
ЛКСМ-Киселевск (club56291040)	Vkontakte	1231	60
Выборы Президента России 2018 (club133772312)	Vkontakte	1614	57
✊ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ МИР ✊ (club465616)	Vkontakte	29430	57
Ленинский Комсомол (ЛКСМ РФ) (club51433398)	Vkontakte	4134	57
НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛИСТ (club120367381)	Vkontakte	4144	56
#IPTV! Открытые Плейлисты. (club78276992)	Vkontakte	1737	55

Таблица 3. Лидеры общественного мнения в социальных медиа, публикующих сообщения о ЛДПР

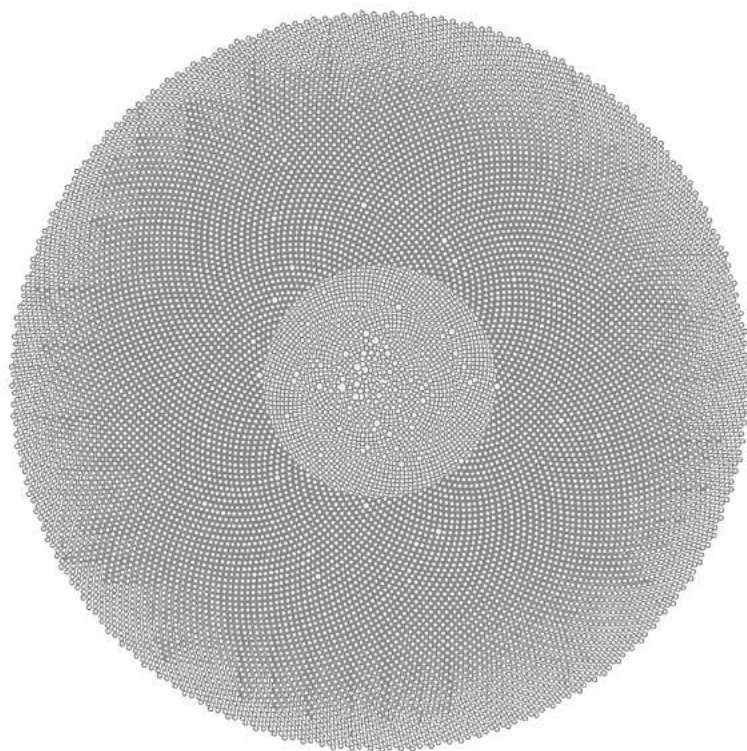
Имя и ник	Блогохостинг	Аудитория	Документов
ЛДПР (ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ РОССИИ) (club433349)	Vkontakte	77352	262
IPTV.ZONE – IPTV МЗУ Плейлисты (club98397695)	Vkontakte	3035	153
Вологодское региональное отделение ЛДПР (club3635179)	Vkontakte	4643	127
VasilyKryukov (id31356924)	Vkontakte	525	54

Таблица 4. Лидеры общественного мнения в социальных медиа, публикующих сообщения о СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ

Имя и ник	Блогохостинг	Аудитория	Документов
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ (club113757409)	Vkontakte	4663	112
DE – ФАСТО – НОВОСТИ БАРНАУЛА (club89965271)	Vkontakte	2799	59
СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ, Челябинск (club97165160)	Vkontakte	977	47

В соответствии с данными таблиц 2–4 абсолютными лидерами по объему аудитории являются онлайн-сообщества, организованные центральными отделениями политических партий. Наблюдается явный дефицит влиятельности онлайн-групп, созданных региональными отделениями политических партий, а также фактическое отсутствие неформальных лидеров общественного мнения – сторонников политических партий, которые могли бы формировать позитивные информационные потоки о политических партиях в группах социальных медиа.

Об отсутствии явных лидеров общественного мнения, целенаправленно формирующих информационные потоки о политических партиях в группах социальных медиа, свидетельствуют и результаты анализа социальных графов онлайн-групп, обсуждающих работу политических партий. В качестве наиболее показательного примера приведем граф, отражающий структуру взаимодействий внутри онлайн-сообщества социальной медиа «В Контакте» «Железнодорожный РК КПРФ Новосибирск».

**Рис. 6. Структура группы социальной медиа «В Контакте»
«Железнодорожный РК КПРФ Новосибирск»**

Показанная на рисунке 6 структура связей в онлайн-сообществе, созданном районной ячейкой регионального отделения КПРФ, представляет собой группу с отсутствием влиятельных лидеров общественного мнения, в которой установлены горизонтальные взаимосвязи. Количество микрогрупп, объединенных общими темами и обозначенных на рисунке светлыми кружками ближе к центру, относительно мало. Это указывает на фактическое игнорирование модераторами группы возможности целенаправленно формировать мнение и установки участников онлайн-сообщества в отношении работы и социальной значимости политической партии.

Изучение геолокационной циркуляции сообщений о политических партиях

Данные таблиц 5–8 показывают, что активная циркуляция сообщений о политических партиях характерна лишь для авторов из двух российских столиц (в таблицах 5–8 приведено распределение по регионам, число авторов в которых превышает 500 человек). Согласно данным рассма-

триваемых распределений, авторы, интенсивно публикующие сообщения о «ЕДИНОЙ РОССИИ», ЛДПР и СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ, имеют несколько более высокий геолокационный охват в сравнении с аналогичным значением этого показателя у КПРФ.

Таблица 5. Геолокация наиболее активных авторов сообщений о КПРФ

Страна/Регион	Авторов	Документов
–Москва	1231	2820
–Санкт-Петербург	680	1434

Таблица 6. Геолокация наиболее активных авторов сообщений о СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ

Страна/Регион	Авторов	Документов
–Москва	2053	3602
–Санкт-Петербург	1442	2324
–Московская область	411	767
–Свердловская область	389	580
–Челябинская область	354	577

Таблица 7. Геолокация наиболее активных авторов сообщений о «ЕДИНОЙ РОССИИ»

Страна/Регион	Авторов	Документов
–Москва	1251	2001
–Санкт-Петербург	747	1298
–Московская область	334	695
–Ростовская область	142	525

Таблица 8. Геолокация наиболее активных авторов сообщений о ЛДПР

Страна/Регион	Авторов	Документов
–Москва	1705	4347
–Санкт-Петербург	867	1541
–Московская область	294	449
–Кемеровская область	146	648
–Пермский край	141	755

Данные таблиц 5–8, в которых показано доминирование аудитории пользователей Москвы и Санкт-Петербурга, свидетельствует о центростремительности информационных потоков о деятельности политических партий и в целом довольно слабой циркуляции социально-медийных данных потоков в регионах России.

Основной целью онлайн-сопровождения деятельности политических партий является, разумеется, их самопрезентация, увеличение степени доверия населения и повышение числа сторонников. Вместе с тем, значимой информационно-аналитической интернет-технологией, которую политическим партиям необходимо использовать в своей работе постоянно, а не только в период избирательных кампаний, является автоматизированный мониторинг социальных медиа о политических и социальных настроениях россиян.

В качестве возможной эмпирической модели такого мониторинга следует привести дизайн исследования, разработанный авторским коллективом для регулярного измерения политических и социальных установок пользователей Крыма и Севастополя.

Предлагаются следующие инструменты для сбора и анализа информации в данной эмпирической модели:

1. Онлайн-сервисы для мониторинга социальных медиа (программы для выгрузки сообщений из социальных медиа), которые позволяют осуществить выгрузку документов, публикуемых в социальных медиа, содержащих указанные в поисковом запросе ключевые слова при учете ряда иных параметров: геолокация пользователей, язык сообщений, предпочтительные блогхостинги и т.д. На основе баз данных онлайн-сервисов возможно определение содержания и динамики общественных настроений различных категорий крымчан, наиболее актуальные для них проблемы.

2. Браузерный классификатор / приложение автоматизированной обработки выгруженных данных (авторское программное обеспечение) позволит автоматизированно сегментировать аккумулярованные сообщения из социальных медиа по значимым признакам (по типам актуальных для крымчан и севастопольцев проблем и т.д.).

3. «Социальный граф» (авторское программное обеспечение) применяется для определения интегрированности участников и выявления плотности социальных связей между онлайн-сообществами. С помощью этой программы возможно установление наиболее влиятельных онлайн-сообществ, обсуждающих проблемы развития Севастополя, выявление лидеров мнения, формирующих установки крымчан и севастопольцев о проблемах развития регионов, определение тех механизмов, с помощью которых осуществляется воздействие на участников данных групп.

Показатели, которые могут замеряться в процессе мониторинга:

- вес стихийных и целенаправленных информационных потоков о проблемах Крыма и г. Севастополя и путях их развития;

- динамика стихийных и целенаправленных информационных потоков о проблемах Крыма и г. Севастополя и путях их развития;
- социально-демографические характеристики пользователей — авторов стихийных и целенаправленных информационных потоков о проблемах Крыма и г. Севастополя и путях их развития;
- репертуар/основные темы информационных потоков о проблемах Крыма и г. Севастополя и путях их развития;
- лидеры общественного мнения, формирующие в социальных медиа установки о проблемах Крыма и г. Севастополя и путях их развития;
- численность онлайн-сообществ, обсуждающих проблемы Крыма и г. Севастополя и пути их развития;
- наличие связей между онлайн-сообществами, обсуждающими проблемы Крыма и г. Севастополя и пути их развития; плотность связей между ними, пересечение аудиторий этих групп;
- приемы воздействия лидеров мнения на формирование установок о проблемах Крыма и г. Севастополя и путях их развития.

Регулярность замеров мониторинга: 1 раз в 2 недели. Такая частота позволит оперативно выявлять изменения в общественных настроениях крымчан и севастопольцев, фиксировать появление новых болевых точек в массовом сознании жителей Крыма и г. Севастополя, устанавливать динамику и изменение содержания информационных потоков о значимых сторонах социальной жизни этих регионов.

Примером одного из значимых результатов такого мониторинга служит сегментирование информационных потоков социальных медиа об отношении к воссоединению Крыма и России. Словарь маркеров для выгрузки релевантных информационных потоков был создан авторским коллективом в рамках исследования образа России в информационных потоках крымского сегмента социальных медиа в 2014–2016 годах. Основами маркеров информационных потоков, имеющих отрицательную модальность по отношению к России, служили запросы «Крым|не|Россия|Украина|оккупация|департация». В качестве одних из ключевых поисковых критериев для аккумуляции информационных потоков, отражающих позитивные аттитюды в отношении Российской Федерации, использовались словоупотребления «Крым||Россия|Возвращение|Родная|Гавань». Словари, базирующиеся на указанных запросах, обеспечили автоматизированное структурирование социально-медийного пространства Крыма и извлечение двух разнонаправленных потоков, что позволило выявить долевую представленность социально-медийных сообщений, отражающих позитивное и негативное отношение к России в крымском сегменте социальных медиа данного периода (см. рис. 7).

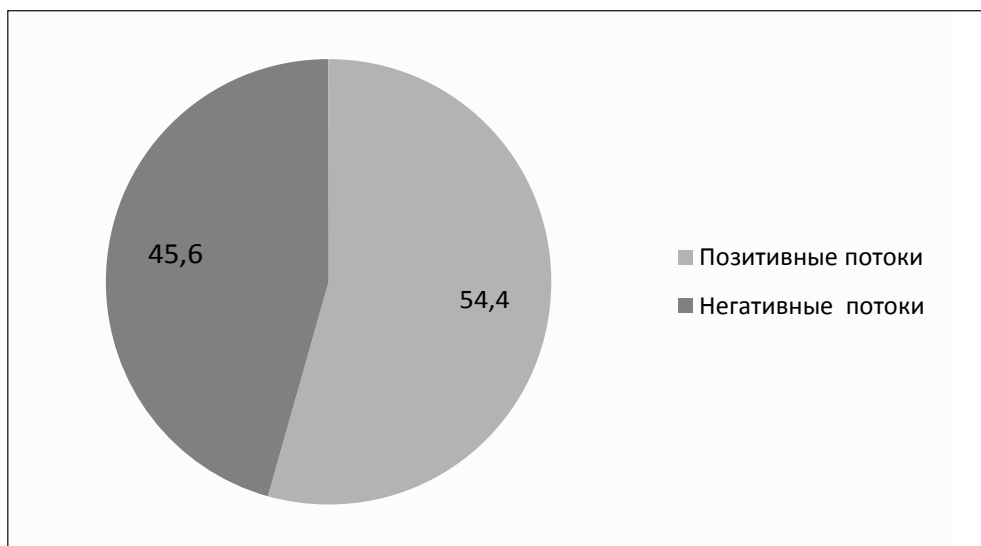

Рис. 7.— Долевое соотношение позитивно и негативно ориентированных в отношении воссоединения России и Крыма информационных потоков в социальных медиа 2014–2016 годов

Данные, показанные на рисунке 7, свидетельствуют о том, что онлайн-среда является пространством более активного выражения критически ориентированных настроений. Существование негативно окрашенных информационных потоков служит показателем необходимости формирования альтернативных потоков в социальных медиа, направленных на преодоление дезинтеграционного и дестабилизирующего воздействия массива сообщений, которые нацелены на конструирование отрицательного отношения к воссоединению Крыма и Российской Федерации.

Подобные результаты исследования структурных, содержательных и технологических характеристик информационных потоков о политических и социальных настроениях пользователей различных регионов России обеспечат политические партии с пониманием специфики потребностей и ожиданий избирателей, позволят таргетировать работу с электоратом и т.д.

Заключение

Анализ информационного потока о политических партиях в социальных медиа позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, несмотря на то, что политические партии обладают коммуникативной инфраструктурой в цифровом пространстве (сайты, аккаунты, блоги и микроблоги и т.д.), аудитория, вовлеченная в обсуждение, распространение, популяризацию идей, образов, проектов партий, может

быть охарактеризована, как узкая, не позволяющая решать задачи масштабирования электоральной поддержки и привлечения новых целевых групп.

Во-вторых, такая ситуация требует корректировки в управлении информационным потоком о политических партиях в социальных медиа, касающейся как содержания, так и технологий адресации и распространения контента о партиях в цифровой среде. Важно сконструировать систему мониторинга, поиска, диверсификации новостей и каналов их распространения.

В-третьих, необходимо отметить, что формальный характер коммуникации в социальных медиа сопряжен со слабой интеграцией сообществ, что укорачивает жизненный цикл новостей/сообщений о партиях, препятствует созданию плотных социальных связей, необходимых для эффективного использования возможностей цифровой среды.

В-четвертых, значимым шагом к оптимизации коммуникации в социальных медиа является построение сети партнерских неполитических сообществ, способных вовлекать новых участников, служить каналом для продвижения информационной повестки партии в сегментах с молодой аудиторией.

В-пятых, политическим партиям важно осуществлять мониторинг социальных медиа с целью постоянного измерения социальных и политических настроений россиян, их потребностей и ожиданий, мнения о деятельности политических партий, их гражданской позиции по цифровым маркерам.

Список литературы

1. Абрамов М. В., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. II // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 3. С. 56–74.

2. Азаров А. А., Бродовская Е. В., Дмитриева О. В., Домбровская А. Ю., Фильченков А. А. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети Интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.). Ч. I // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. № 2. С. 63–78.

3. Азаров А. А. и др. PredictorMining: применения методов интеллектуального анализа данных в задачах социального компьютеринга // Труды СПИИ РАН. 2013. Вып. 26. С. 136–161.

4. Балашов А. Н. Интернет-технологии как фактор повышения эффективности деятельности политических партий в России: автореф. дисс... канд. полит. наук. Орел, 2015.

5. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995.

6. Бродовская Е. В., Азаров А. А., Домбровская А. Ю., Дмитриева О. В. Социальный компьютинг: история, методология, исследовательские проекты //Труды ИНИОН РАН. 2014 [Электронный ресурс]. http://www.inion.ru/index.php?page_id=436&id=644&ret=435 (дата обращения 17.05.2014).

7. Быков И. А. Интернет-технологии в избирательной кампании Барака Обамы //Вестник Пермского ун-та.— Сер. «История и политология». 2010. № 1. С. 48–58.

8. Вершинин М. С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб: Изд-во Михайлова В. А., 2001.

9. Градосельская Г. В. Сетевые измерения в социологии: Уч. пос. / Под ред. Г. С. Батыгина. М.: Издательский Дом «Новый учебник», 2004. 248 с.

10. Грачев М. Н. Политическая коммуникация: теоретико-методологический анализ: автореф. дисс... д-ра полит. наук.— М.: Моск. педагог. ун-т, 2005.

11. Здравомыслова Е. Парадигмы западной социологии общественных движений. СПб.: Наука, 1993. 171 с.

12. Иноземцев В. Л. Постиндустриальное хозяйство и постиндустриальное общество // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 140–152.

13. Козер Л. Мастера социологической мысли: идеи в ист. и соц. контексте / Льюис А. Козер; [пер. с англ. Т. И. Шумилина].— М.: Норма, 2006 (ГУП Смол. обл. тип. им. В. И. Смирнова). 513 с.

14. Костюшев В. Социальный протест в поле политики: Потенциал, репертуар, дискурс: (Опыт теоретической интерпретации и эмпирической верификации) // Полис. 2011. № 4. С. 144–157.

15. Кравченко И. В. Власть и коммуникация: проблемы взаимодействия в информационном обществе. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2003.

16. Курочкин А. В., Шерстобитов А. С. Политика и государственное управление в условиях сетевого общества. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2012. 152 с.

17. Лебон Г. Психология масс и народов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. Реферативный журнал. 1995. № 2. С. 166–189.

18. Маркс А., Риу Б., Рэйгин Ч. Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет // Политическая концептология. 2017. № 1. С. 57–86.

19. Мартыянов Д. С. Политические акторы в сети Интернет // Штудии: Альманах научно-образовательной практики. Вып. 4. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. С. 44–48.

20. Мирошниченко И. В. Социальные сети в российской публичной политике: автореф. дисс... д-ра полит. наук. М., 2013.

21. Норт Д. К. Институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики, 1997. № 3. С. 6–17.
22. Олпорт Г. У. Толерантность личности // Национальный психологический журнал. 2011. № 2. С. 155–159.
23. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Эстетика. Философия культуры. М., 1991.
24. Павлютенкова М. Ю. Электронное правительство в России: состояние и перспективы // Полис. Политические исследования. 2013. № 1.
25. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук, 2001.
26. Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая социальная революция / [пер. с англ. А. Гарькавого]. Москва: Изд.-торговый дом ГРАНД: Фаир пресс, 2006.
27. Роменков А. В. Интернет-блог как инструмент политической борьбы // Власть. 2008. № 7. С. 79–82.
28. Сафронов В. В. Потенциал протеста и демократическая перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 4. С. 116–130.
29. Сморгунюв Л. В. Сетевые политические партии // Полис. Политические исследования. 2014. № 4. С. 21–37.
30. Тапскотт Д. Электронно-цифровое общество: Плюсы и минусы эпохи сетевого интеллекта / Пер. с англ. Игоря Дубинского. Под ред. Сергея Писарева // Киев. INT Пресс; Москва: Релф бук., 1999. 432 с.
31. Щенников М. А. Интернет-технологии в политической коммуникации современной России: автореф. дисс... канд. полит. наук.— Ярославль: ЯГУ, 2010.— 23 с.
32. Шестопал Е. Б. Политическая социализация российских граждан в период трансформации / Под ред. Е. Б. Шестопал. М., 2008.
33. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер, 2013. 588 с.
34. Щюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129–137.
35. Barber B. The uncertainty of digital politics: Democracy's uneasy relationship with information Technology. Harvard International Review. 2001. № 23. P. 42–47
36. Bimber V. The Internet and Political Transformation: Populism, Community, and Accelerated Pluralism.— Polity — 1998. Vol. 31. № 1. P. 133–160
37. Cairncross F. The Death of Distance: How the Communications Revolution Will Change Our Lives.— Boston: MA: Harvard Business School Press. 1997. 452 p.
38. Castells M. Communication power.— Oxford: Oxford univ. press. 2009. 433 p.
39. Etzioni A. The Spirit of Community: rights, responsibilities, and the communitarian agenda.— New York: Crown Publishers. 1993. 388 p.

40. Green S. Twitter and Russian protest: memes, networks and mobilization // <http://www.newmediacenter.ru/ru/2012/05/22/твиттер-и-российский-протест-мемы-сет> (date of access 25.12.2012).

41. Offe C. New Social Movements.— Social Research, 1985. P. 52.

42. Smelser N. The Theory of Collective Behavior.— N.Y: Free Press, 1963.

43. Sproull, L., Kiesler, S. Connections: New Ways of Working in the Networked Organization; Seventh printing, MIT Press, 2001;

44. Ted R. Gurr Handbook of political conflict: theory and research. «The» Free Press, 1980. 566 p.

45. Thompson J.B. Political Scandal: power and visibility in the media age. Polity Press, 2000.

46. Ward S., Gibson R., Lusoli W. Online participation and mobilization in Britain: Hype, hope and reality — Parliamentary Affairs.— 2003. № 56.— P. 24–42.

ОСНОВНЫЕ ВАРИАНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА НА ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРАХ 2018 ГОДА

***Аннотация.** На старте президентской кампании перед российской политической системой стоят две актуальные задачи. Первая — легитимация их итогов с целью избежать деструктивного сценария развития событий. Вторая — способствовать политическому транзиту, который соответствует растущему запросу избирателей на обновление. Пока этот запрос проецируется на социально-экономическую сферу, но в скором времени он плавно перетечет в сферу политическую. В статье рассмотрены базовые сценарии президентской кампании, прежде всего, с точки зрения ее ландшафта — представители каких именно политических сил будут принимать участие в выборах. По итогам анализа сделан вывод, согласно которому в чистом варианте не будет реализован ни один сценарий, а скорее всего, будет наблюдаться компиляция из проанализированных.*

***Ключевые слова:** выборы, политическая система, общественный запрос, легитимность, электорат, гендерный фактор.*

THE MAIN OPTIONS OF THE POLITICAL LANDSCAPE IN THE 2018 PRESIDENTIAL ELECTIONS

***Abstract.** At the start of the presidential campaign before the Russian political system faces two urgent tasks. First — legitimization of their results in order to avoid any destructive scenario. The second is to contribute to political transit, which meets the growing request of voters to update. While this request is projected onto the socio-economic sphere, but in a short time this query will be gradually moved into the field of political. In article the basic scenario of the presidential campaign, primarily from the point of view of its landscape — the representatives of which political forces*

САЛИН Павел Борисович — кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

will take part in the elections. The results of the analysis concluded, according to which in the pure option will not be implemented no script, and most likely will be a compilation of all the analyzed.

Keywords: *elections, political system, public inquiry, legitimacy, the electorate, gender factor.*

Несмотря на устоявшееся мнение о том, что исход президентских выборов предрешен и в них не будет никакой интриги, анализ текущей ситуации позволяет в нем усомниться. Если относительно итогов самого голосования по принципиальным моментам (кто победит?) сомнений практически нет — победителем станет основной кандидат от власти, — то остальные параметры президентской кампании пока еще находятся под вопросом и, возможно, будут весьма динамичными.

Есть несколько принципиальных развилок, которые могут существенно повлиять на сценарий президентских выборов. При этом именно сам сценарий вне зависимости от предрешенности результата может оказать сильное влияние на динамику политической ситуации уже после президентских выборов. Если в прошлых электоральных циклах это обстоятельство не имело практического значения — для власти важно было лишь получить необходимый результат по явке и показателям голосования за основного кандидата, а также легитимировать эти итоги в глазах населения (это происходит в течение недели-двух после дня голосования), то сейчас складывается иная ситуация. Согласно доминирующему среди российской интеллектуальной элиты ощущению, отечественная политическая система находится в переходном состоянии, и президентские выборы станут не итогом одного этапа и началом нового, а событием, которое окажет важное влияние на транзит российской политической системы с точки зрения повестки дня. При этом сама повестка будет зависеть от ландшафта политической кампании¹. Такая постановка вопроса существенно повышает степень важности выбора того или иного сценария президентской кампании, прежде всего, касающегося ее ландшафта, который, в свою очередь, будет оказывать заметное влияние на такие важные показатели, как явка и т.п.

Существует два базовых сценария ландшафта президентской кампании, которые условно можно назвать инерционным и динамичным. В свою очередь, каждый из них можно подразделить на умеренный и радикальный подварианты.

В инерционном сценарии речь идет о сложившейся в последние 18 лет в российской политической практике модели «основной кандидат от власти против представителей системной оппозиции». Здесь, прежде

¹ Под ландшафтом политической кампании в настоящей статье понимается набор кандидатов, при этом в этот список входят и те, кому не удастся зарегистрироваться в качестве кандидата, но кто на старте президентской кампании окажет существенное влияние на содержание ее повестки.

всего, речь идет о кандидатах от политических партий КПРФ и ЛДПР, возможно, с «присоединившимся» к ним кандидатом от СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ. Такой сценарий неоднократно обкатан в ходе прошедших президентских выборов и доказал свою управляемость и предсказуемость.

Умеренный подвариант данного сценария подразумевает «классический» набор нынешних лидеров названных партий в качестве спарринг-партнеров основного кандидата от власти. Однако, текущие рейтинги лидеров системных партий находятся на столь невысоком уровне, что основная задача власти на текущих выборах — организация интриги с целью повышения явки до минимально приемлемого уровня, а также создания у электората ощущения хотя бы минимальной конкурентности на выборах, сильно затруднена².

Согласно данным ВЦИОМ, по состоянию на осень 2017 года в рейтинге доверия политикам верхнюю строчку стабильно занимает Владимир Путин (в конце сентября его показатель составлял 50,6%, впрочем, степень доверия президенту весь 2017 год колеблется вокруг этой цифры). Второе и третье место занимают Сергей Шойгу (15,8% по данным 25 сентября — 1 октября) и Дмитрий Медведев (14,3%). Лидером по недоверию оставался Владимир Жириновский. Причем в сентябре по нему отмечалась слабая негативная динамика: с 26,9 до 29,0 процента. Более четверти респондентов отмечают, что не доверили бы ему решение важных государственных вопросов.

Проблема усугубляется назревшей и даже перезревшей необходимостью омоложения кадров системных партий, смены поколений партийного руководства. Итоги парламентских выборов 2017 года продемонстрировали, что потенциал системных партий, как и доверие к ним со стороны избирателей, по сравнению с 2011 годом снизился (исключением стала ЛДПР). Между тем, власть стратегически заинтересована, чтобы системные партии продолжили свое существование и получили приемлемый процент голосов на выборах 2021 года, так как механизм сотрудничества с ними обкатан, они предсказуемы и лояльны власти.

В связи с этим существует второй подвариант инерционного сценария, при котором упор в легитимации президентской кампании также делается на спарринг-партнеров от парламентской оппозиции, но конкретными кандидатами являются не нынешние лидеры партий, а кандидаты в их «преемники». Это, помимо создания эффекта новизны на выборах, позволит партийному руководству и активистам протестировать таких кандидатов в условиях весьма умеренной конкуренции на кампании федерального уровня.

² Рейтинги партий, доверия политикам, одобрения работы государственных институтов (данные опроса ВЦИОМ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116442>. Дата обращения: 01.11.2017.

Однако, в связи с растущим запросом населения на обновление (пока он касается только социально-экономической сферы — запрос на улучшение качества жизни, — но в скором времени перейдет и в политическую) весьма возможен вариант условно динамичного сценария, который не подразумевает потерю со стороны власти контроля над электоральным процессом.

Умеренный подвариант динамичного сценария подразумевает появление новых лиц, которые могут по итогам своего участия в кампании набрать больше статистической погрешности (получить больше 2–3 процентов голосов) и тем самым заметно оживить ее, существенно повысив уровень легитимности. Данные лица неформально будут координировать свои действия с основным кандидатом от власти, но при этом будут соответствовать наблюдающейся трансформации общественного запроса.

Например, такой эффект может принести участие женщины в президентской кампании, хотя, как показывают данные соцопросов, пока большинство россиян не склонно поддерживать такую кандидатуру³. Так, согласно данным ВЦИОМ, в последние десятилетия роль женщин в политике усилилась: если в 1998 году почти половина респондентов (45%) считала, что необходимо увеличить число женщин-политиков в нашей стране, то сегодня об этом говорят 32 процента (37% среди женщин против 25% среди мужчин), а доля тех, кто полагает, что их вполне достаточно, выросла с 27 до 38 процентов. По-прежнему около 10 процентов опрошенных говорят, что женщин в политической сфере не должно быть вовсе (10% в 1998 году и 8% в 2017 году). Идею введения квот для гарантированного представительства женщин в органах власти сегодня поддерживает 51 процент россиян (для сравнения, в 2005 году — 44%), среди женщин — 61 процент, среди мужчин — 40 процентов. Против высказываются 38 процентов граждан.

Правда, может возникнуть ситуация, когда различные элитные группы, пытаясь встроиться в этот сценарий, сделают ставку на женщину-кандидата, что приведет к их переизбытку и нивелирует саму идею. Однако надежным страховочным механизмом от подобного «перебора» является институт сбора подписей, который позволит не допустить «избыточных» кандидатов до участия в кампании.

В данном сценарии различие между умеренным и радикальным подвариантами заключается не только в личностях отдельных кандидатов, но и в той повестке дня, с которой они пойдут на выборы. По понятным причинам их программа окажет небольшое влияние на полученный ими результат, но радикальность программы и наличие в ней тех или иных

³ Женщина-президент в России: быть или не быть? (данные опроса ВЦИОМ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116481>. Дата обращения: 01.11.2017.

тем может существенно повлиять на повестку дня уже после самой даты голосования.

В связи с этим вероятен вариант с выдвижением кандидата на либеральном фланге, который не будет ассоциироваться со «старой» обоймой политиков этого идеологического лагеря, доставшихся в наследство от 1990-х и 2000-х годов. Интерес власти к данному сценарию заключается не только в легитимации итогов президентской кампании за счет создания ощущения их конкурентности. Итоги парламентских выборов 2016 года продемонстрировали, что российская партийная система серьезно «усохла» за счет потери голосов жителей крупных городов. Среди принявших участие в голосовании была велика доля жителей малых населенных пунктов, сельской местности и национальных республик. При этом власть заинтересована, чтобы в российском парламенте была представлена партия, аккумулирующая надежды электората мегаполисов, это позволит вывести его из-под влияния несистемных политиков. Задача прохождения в Государственную Думу партии, способной замкнуть на себе электорат крупных городов, является одной из ключевых для парламентских выборов 2021 года. В ходе президентской кампании вполне могут быть протестированы потенциальные лидеры такой партии.

До середины осени 2017 года существовала вероятность, что на выборы будет допущен и кандидат на патриотическом фланге, причем действующий с весьма жесткой повесткой. Это позволило бы основному кандидату от власти выглядеть на фоне либеральных и патриотических кандидатов более умеренным и компромиссным, что в целом добавило бы ему голосов. Однако та же ситуация вокруг фильма «Матильда» продемонстрировала, что введение радикальной консервативной повестки в полуофициальный дискурс чревато выходом ситуации из-под контроля. Таким образом, если кандидат от патриотического лагеря и будет зарегистрирован в качестве участника президентских выборов, то в качестве такового, скорее всего, выступит весьма умеренная фигура, участие которой в кампании пройдет практически незамеченным.

Подводя итог, следует отметить, что реализация одного из вышеуказанных сценариев в чистом виде маловероятна. Российская политическая система стоит как перед необходимостью легитимации итогов президентских выборов, так и транзита — самого серьезного за последние 15 лет. По этой причине, наверняка, будет реализован смешанный сценарий, который условно можно назвать компромиссным. Его основным элементом станет тестирование потенциальных лидеров системных партий, разве что за исключением ЛДПР. При этом будут допущены и выдвиженцы от непарламентских партий и самовыдвиженцы, которые не будут играть роль статистов, а будут реализовывать собственную повестку — тестирование механизмов привлечения голосов

жителей крупных городов и иных категорий населения, не охваченных существующими в настоящее время парламентскими партиями.

Список литературы

1. Рейтинги партий, доверия политикам, одобрения работы государственных институтов (данные опроса ВЦИОМ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116442>. Дата обращения: 01.11.2017.

2. Женщина-президент в России: быть или не быть? (данные опроса ВЦИОМ). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116481>. Дата обращения: 01.11.2017.

ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ, ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РОССИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ МИР (МЕТОДОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, УРОКИ)

***Аннотация.** В статье анализируются методологические, теоретические и практические аспекты Великой Октябрьской социалистической революции. Главное событие XX века, революция не просто оставила след в истории, она творила исторический процесс фактом существования и развития Советского Союза – социалистического государства с советской политической системой власти трудящихся. Оценивается вклад СССР в развитие человечества, рассматриваются уроки распада Советского государства, анализируются современные интерпретации свободы и суверенитета. Исходная точка исследования и его суммарный итог – всемирно-историческое значение революции, и перспективы человеческого развития.*

***Ключевые слова:** социальная революция, политическая революция, антиреволюция, социальная трансформация, модернизация, социализм.*

GREAT OCTOBER, DEMOCRATIC RUSSIA AND MODERN WORLD (METHODOLOGY, HISTORY, LESSONS)

***Abstract.** This article analyzes the methodological, theoretical and practical aspects of the great October socialist revolution. The main event of the 20 century, the revolution is not just left a trace in history, she has been creating historical process of existence and development of the Soviet Union-socialist State with Soviet political system of power workers. Estimated contribution to the SOVIET UNION in the development of mankind, explores the lessons of the collapse of the Soviet State, examines modern interpretations of freedom and sovereignty. The starting point of the study and its sum total of world-historical significance of the revolution and the prospects for human development.*

***Keywords:** social revolution, political revolution, antirevolution, social transformation, modernization, socialism.*

Судьба в свое время дала жителям великой страны шанс быть участниками реализации вековой мечты человечества в поступательном развитии нового строя. Но реальность превратила их в свидетелей ее распада. Тот «крест», который каждый из нас несет в своей душе, заставляет нас делать все возможное, чтобы исправить или хотя бы смягчить последствия событий того времени. И данная статья один из небольших шагов в этом направлении.

* * *

Статью, посвященную факту революции, равной которой ни по сущности, ни по форме и результату, в истории человечества никогда не было, и исследование того, что наследие Октября собой представляло, и как отрицание того, что шло к завершению своего первого исторического этапа и стало падением в бездну доистории только начинающегося революцией действительного пути действительного человечества, правильно было бы начать с цитаты К. Маркса. В философском трактате «Немецкая идеология» он писал: «Истинное содержание всех составивших эпоху систем образуют потребности времени, в которое они возникли. В основе каждой из них лежит все предшествующее развитие нации, историческая форма классовых отношений с их политическими, моральными, философскими и иными следствиями... Буржуазное общество есть наиболее развитая и наиболее многосторонняя историческая организация производства. Поэтому категории, выражающие его отношения, понимание его организации, дают вместе с тем возможность проникновения в организацию и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых оно строится, частью продолжая влачить за собой еще неопределенные остатки, частью развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека и т.д. Анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны. Наоборот, намеки более высокого у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т.д.»¹.

Данное высказывание сегодня, когда кануло в прошлое новое, более высокое по сравнению с деградирующим капитализмом, особенно российского образца, по принципам, внутренней архитектонике и главное, по целям, социалистическое общество, также содержит, кроме собственного значения, ключ к анатомии буржуазного общества, который позволяет его видеть по-настоящему.

¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 3. С. 19.

Анализировать полное качество системы невозможно внутри ее системных связей, поэтому все, даже самые выдающиеся, описания капитализма, сделанные изнутри, уступают взгляду извне, с более высокой ступеньки социальной организации.

Что касается всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции, то о нем великолепно сказал ее вождь В.И. Ленин. В работе «Детская болезнь левизны в коммунизме» он писал: «Теперь мы имеем уже перед собой очень порядочный международный опыт, который говорит с полнейшей определенностью, что некоторые основные черты нашей революции имеют не местное, не национально-особенное, не русское только, а международное значение. И я говорю здесь о международном значении не в широком смысле слова: не некоторые, а все основные и многие второстепенные черты нашей революции имеют международное значение в смысле воздействия ее на все страны. Нет, в самом узком смысле слова, т.е. понимая под международным значением международную значимость или историческую неизбежность повторения в международном масштабе того, что было у нас, приходится признать такое ... русский образец показывает всем странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего. ...Отсюда международное «значение» (в узком смысле слова) советской власти, а также основ большевистской теории и тактики»².

Сегодня, к сожалению, эти слова практически в полном объеме можно применить к событиям, связанным с уходом социалистических отношений из социальной практики и государственного строительства нашего времени, хотя, естественно, в ином ключе. Это второе приближение горизонта статьи.

Жить прошлым, погружаясь в его пучины, и невозможно, и трагично. День вчерашний — платформа сегодняшней реальности и искра, способная зажечь факел грядущего. Следовательно, предметное поле третьего приближения исследования — анализ тех тенденций, которые способны оживить прошлое, конвертировав его в тенденции будущих необходимых для России и СНГ событий.

* * *

Исторический факт — существование производной от Великой Октябрьской социалистической революции — Союза Советских Социалистических Республик (СССР) — был не случайностью, а необходимой закономерностью исторического процесса, что, как общий объективный ход истории, так и развитие теоретических предпосылок и формирование категорий новой социальной реальности есть продукт развития произво-

² Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 41. С. 3.

дательных сил общества, создавший фундамент новых производственных отношений, набросок, в целом верный и точный, принципиально нового человеческого общества.

В XX веке в мире произошли два важнейших исторических и геополитических события — революция 1917 года в России с последующим образованием СССР и в 1991 году его распад на 15 суверенных государств. Весь остальной событийный ряд вторичен просто в силу технологического и технического, а не социального масштабирования.

Начало череде кризисов новейшего времени положил социальный феномен Парижской Коммуны, который переформатировал мир в масштабах системы, движение которой будирует дурная сторона противоречий частной собственности на средства производства. Приватная форма присвоения прибавочного продукта стала тормозом развивающейся системы социальных отношений.

Но, предваряя основную тему, хочется отметить следующее. При проведении современных аналитических исследований, необходимо иметь в виду следующее обстоятельство: мир и един, и различен в своих качественных субстанциальных и функциональных количественных проявлениях. При этом вполне вероятным представляется не обязательное совпадение центров единства и дифференциации, как не вполне корректно полное игнорирование вероятности их линейного или циклического совпадения в пространстве развития современного мира или во временных границах его собственного развития или движения его отдельных сегментов.

Речь идет о том, что в природе познавательного поиска современности не существует критериев интеграционного процесса, которые бы полностью адекватно отражали его параметры. Можно вести анализ на культурном, цивилизационном или формационном уровнях методологии, и все равно за пределами их исследовательских шкал будут находиться целые пласты несопоставимого или выходящего за пределы познавательных возможностей данных систем фактического и аналитического материала.

Такие исследователи, как А. Тойнби, К. Ясперс и Э. Тоффлер на Западе³, П. А. Сорокин, А. С. Панарин и Ю. В. Яковец в России⁴ теоретически предвосхитили и частично описали параметры глобальных метаморфоз

³ См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. М., 1991; Он же. Цивилизация перед судом истории. М., 1996 и др.; Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. Тоффлер Э. Третья волна. М. 2009; Он же. Футурошок. М. 2002; Он же. Метаморфозы власти. М., 2003 и др.

⁴ См.: Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992 и др.; Панарин А. С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М., 1998; Панарин А. С. Философия политики: Учебн. пособие для студентов вузов. М., 1996; Панарин А. С. Вторая Европа или третий Рим? Избранная социально-философская публицистика. М., 1996; Панарин А. Россия между атлантизмом и евразийством. Цивилизационный процесс и вызов Запада // Российская провинция. 1993. № 1 и др.; Пантин В. И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996; Яковец Ю. В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы: Научный доклад к междисциплинарной дискуссии. М., 1992; Яковец Ю. В. У истоков новой цивилизации. М., 1993; Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995; Яковец Ю. В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М., 1999 и др.

в их прогрессивной или циклической форме. Социологический анализ противоречий «реального социализма», приведших к революционной ситуации, содержат статьи Т. Н. Заславской⁵, Р. В. Рывкиной⁶, а если взять конкретную специфику российского феномена номенклатурной бюрократии, то особенно наглядно она описана в исследованиях С. Андреева⁷, М. Восленского⁸, Э. Карделя⁹ и А. Зиновьева¹⁰.

Социологической новеллой последнего времени представляется попытка коренного пересмотра оснований для философского определения категории социальной революции. Методологической основой данного подхода к социальной трансформации выступает научный аппарат постнеклассической философии, а теоретической базой — выводы К. Р. Поппера о неказуальности и спонтанности исторического процесса в целом и отсутствии объективного характера и телеологичности его составных частей. Рельефным примером конкретного подхода к описанию подобного восприятия в границах социологии является введение в научный оборот категории «антиреволюция» применительно к качественной характеристике реализации задач переходных процессов в Восточной Европе и России. Основные положения данного подхода имеют отличия даже от таксономических и структуралистских исследований современных политологов, таких, как К. Бринтон, С. Хантингтон, Т. Гарр, Ч. Тилли, Дж. Голдстоун, М. Киммель. Глубинное отличие состоит в проведении жесткой демаркационной линии между коммунистическими революциями и антиреволюциями современности.

Первая их особенность заключается в том, что в ходе антиреволюций различия между концепциями реформы и революции утрачивают свою традиционную значимость. Другая особенность рассматриваемого феномена состоит в том, что, хотя антиреволюция отрицает революцию как метод, она, как ни парадоксально, имеет в целом более революционные следствия, чем многие так называемые революции. Используя терминологию Р. Дарендорфа, можно сказать, что последний революционный акт восточноевропейских обществ заключается в выборе между открытостью и закрытостью в условиях конститутивной (в противовес нормальной) фазы политической жизни. Антиреволюции отличались от традиционных революций и субъективным фактором.

⁵ См.: Заславская Т. Н. Перестройка и социализм // Постигжение. М., 1989. С. 217–241.

⁶ См.: Рывкина Р. В. Советская социология и теория социальной стратификации. Там же. С. 17–36; Социализм между прошлым и будущим / Ред. сост. В. П. Киселев, И. М. Клямкин. М., 1989.

⁷ См.: Андреев С. Ю. Наше прошлое, настоящее и будущее. Структура власти и задачи общества // Постигжение. М., 1989. С. 481–588.

⁸ См.: Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

⁹ См.: Кардель Э. Самоуправление и политическая система. Белград, 1980.

¹⁰ См.: Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994; Он же. Запад. Феномен западнизма. М., 1995; Он же. Конец российского эксперимента. М., 1995; Он же. Посткоммунистическая Россия. М., 1997 и др.

Стратегия, посредством которой мятеж против коммунизма не только уничтожил старую антиномию революция/реформа, но и делал ненужными прежние революционные стратегии, была детально разработана А. Михником. В статье «Новый эволюционизм» (1976) он сформулировал заключение, что коммунистические системы не поддаются реформированию, и предложил «третью» стратегию, согласно которой гражданское общество, а не государство становится одновременно субъектом и объектом преобразований.

Ключевым для понимания всей предлагаемой конструкции представляется утверждение Конрада: есть «лишь один путь к освобождению Восточной Европы от российской военной оккупации — «оккупировать Россию нашими идеями». Примечательно, что написано это было еще в 1985 году.

Посткоммунизм, как видится в данном контексте, — это фактически постсовременность, так как возвращает общество к ценностям предшествующего этапа исторического развития. При этом данный реверс называется гуманизмом, и именно по этому основанию он сопровождается отсутствием «врагов народа» и демонстрирует предельно слабое сопротивление противников антиреволюционных изменений.

Таким образом, делается вывод о том, что концепция социалистической революции устарела и, поскольку не возникло какой-нибудь новой универсальной идеологии трансформаций, вместе с ней устарела и концепция революции как таковой.

* * *

Несмотря на то, что данное видение проблемы социальной трансформации не имеет ничего общего с научной методологией, представляется важным обратить внимание на соотнесение таких понятий, как революция и реформа, постсовременность и коммунизм и роль государства в процессах социальных перемен.

Философскую основу предлагаемого исследования составили произведения классиков марксизма, особое место в которых занимают работы, посвященные социализму, как феномену социального и государственного строительства, и как факту истории.

Выражая основную тенденцию истории, К. Маркс практически обосновал возможность пролетарской революции, переход к новой общественно-экономической формации и победу нового строя — коммунизма.

Следует принять во внимание, что противники советской формы правления, социализма как исторического феномена, взяли в свое время на вооружение, пользуясь возможностью произвольного цитирования, метод противопоставления, позднего Маркса молодому, Ленина — Марксу, Сталина — Ленину. В период перестройки и особенно после нее метод,

продвигаемый в массовое сознание не укорененными в социальной среде интеллигентствующими дилетантами и прямо фальсифицирующими историографию подлецами от науки, дал ожидаемый негативный результат — снижение значения, а то и полное отрицание принципов марксизма. Потребовались годы, чтобы не научная мысль, а антинародная политика частнокапиталистически ориентированного государства, стала возвращать интерес к социалистическим ценностям.

Только сегодня становится понятным и то, что если и существовали разночтения основных положений теории марксизма, то они касались развития его идей или сверки хода социалистического строительства с рабочим лекалом научного коммунизма, а вот принципиальных или, тем паче, антагонистических противоречий у основоположников не было и в помине.

Молодой К. Маркс в «Экономических рукописях 1844 года»¹¹, «Немецкой идеологии»¹² и «Подготовительных работах к Святому семейству»¹³ начертил возможную траекторию движения понятийного ряда категорий, связанных с коммунизмом. Он отчетливо понимал, что коммунизм на стадии его теоретического развития в XIX столетии не может быть ничем иным, как движением, движением познающей действительное экономическое состояние мысли. С этим связано то, что все порочные выводы из ужасающего положения рабочих в условиях частной собственности пролонгированы на возможные в этих условиях, и только в них, проявления первоначально понимаемого коммунизма.

Осуществляя четкий вывод о том, что перед тем, как присвоить частную собственность в ее позитивных свойствах, а затем уничтожить, сняв антагонистическое противоречие, К. Маркс прозорливо показывает процесс превращения этого противоречия в союз. Труд и капитал в первоначальной форме коммунизма выступают в своей всеобщности, труд — как обязанность каждого, а капитал, как всеобщность власти общества. Равенство категориально выступает как равенство заработной платы и общность труда.

Условием же победоносного коммунизма К. Маркс выдвигает универсального человека в процессе универсального общения на базе гигантского развития производительных сил, что возможно только во всемирном формате¹⁴.

Мысли, сложенные в категориальный аппарат, дали Марксу тот инструментарий, с помощью которого он создал главный труд своей жизни — «Капитал». Анализ процессов разделения труда и его результата — отношений собственности стал краеугольным камнем марксистского взгляда на социальную революцию.

Условия вступления мира в иную, империалистическую эпоху, дали основания В.И. Ленину развить марксистскую теорию революции, по-

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф., Соч. Т. 42.

¹² Там же. Т. 3.

¹³ Там же. Т. 2.

¹⁴ Там же. Т. 42. С. 56–57.

казав, что в условиях неравномерности экономического и политического развития капитализма победа социалистической революции возможна не сразу во всех передовых странах, а в одной или нескольких странах, ставших слабым звеном в цепи мирового империализма.

При этом гений В.И. Ленина проявился не только в том, что он развил учение о революции, но, сверяя революционную мысль с революционной практикой, он двигал вперед реальность, развивая категориальный аппарат марксистской науки об обществе и государстве.

Наиболее четко прослеживается трансформация мысли вождя революции в работах, посвященных трем стратегиям партии по аграрным вопросам, трем формам кооперации и развитию идеи государственного капитализма¹⁵.

Закладывая основы построения социализма в одной, отдельно взятой стране, В.И. Ленин основывался на том, что вне государственного капитализма, практически того самого, о котором говорил К. Маркс, как о грубом социализме, дороги к реальному социализму нет. «Мы не хотим понять, что когда мы говорим «государство», что государство это — мы, это — пролетариат, это — авангард рабочего класса. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы сумеем ограничить, пределы которого мы сумеем установить, этот государственный капитализм связан с государством, а государство это — рабочие, это — передовая часть рабочих, это — авангард, ЭТО — МЫ. Государственный капитализм, это — тот капитализм, который мы должны поставить в известные рамки и которого мы не умеем до сих пор поставить в эти рамки. Вот в чем вся штука. И уже от нас зависит, каков будет этот государственный капитализм. Политической власти у нас достаточно, совершенно достаточно; экономических средств в нашем распоряжении тоже достаточно, но недостаточно умения у того авангарда рабочего класса, который выдвинут, чтобы непосредственно ведать, и чтобы определить границы, и чтобы размежеваться, и чтобы подчинить себе, а не быть подчиненным. Тут нужно только умение, а его у нас нет ... потому, что государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализмом, никаких промежуточных ступеней нет»¹⁶.

* * *

Современность, на двух ее полюсах от семнадцатого года до девяносто первого года двадцатого столетия, дают полное подтверждение методологической матрице марксизма, правда, теперь за кадром истории.

¹⁵ См. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 11, 36, 45.

¹⁶ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 84–85.

Прерывание плавного течения социальной истории также закономерно, как и сам нормальный социальный процесс. Любая конкретная социальная система в силу утраты энергетического импульса своей потенциальности, выражающейся в снижении эффективности основного системообразующего ресурса, подходит к своим естественным границам. До востребования интеллектуального ресурса, в полном объеме этого понятия, первичным оказывалось опережение развития естественных и социальных процессов перед возможностями их осмысления, моделирования вариантов развития и формирования соответствующих защитных социальных технологий. А если учитывать, что вся социальная история, даже взятая как частный случай, состоит из последовательно реализующих свои возможности социальных циклов, то становится предельно ясно, что по существу она предстает перед взором исследователя как постоянный фазовый переход с колебаниями различной амплитуды воздействия на локальные стороны общественной жизнедеятельности. В естественных науках подобное явление получило наименование фазового перехода, в теории социальной трансформации — переходного периода, в синергетике — точкой бифуркации. В конкретном поле социальной истории единичной социальной системы такой переход называется революцией. Понятие революции имеет философское обоснование во всеобщих законах диалектики и законах исторического материализма. Оно не является исторической «ненормальностью», отражая универсальные законы развития природы и общества.

В описании процессов революционных преобразований можно выделить два сущностных определения: социальная (как общечеловеческая) и политическая (по отношению к власти) революции.

С этих позиций, коренным вопросом любой революции выступает вопрос о власти. Но постольку, поскольку речь может идти о революции политической. Вопрос в том, совершается ли политическая революция в период складывания необходимого основания, то есть, соответствует ли она готовому социальному, то есть общечеловеческому — и природа, и общество, и человек, и экономика, и общественные отношения — материалу или нет.

В первом случае политическая революция совпадает с социальной. Отмена старой власти фактически отменяет (закрепляет отмену) старого общества (конечно, в той мере, в которой это является необходимым и достаточным для нового общественного строя). Во втором случае политическая революция осуществляется на гребне социальной революции, но не совпадает с ней. Гениальный вывод В.И. Ленина, сделанный в его работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции»¹⁷, о наличии в России двух социальных войн, дает возможность понять: почему в России был возможен переход к социалистической революции;

¹⁷ См. Ленин В.И. Полн. собр. Соч. Т. 11.

и почему переход от одного этапа ко второму явился не переходом от одной социальной революции к другой, а перерастанием социальной (на основе общей войны гражданского общества против царизма) революции в возможность использования общечеловеческого конфликта в ходе совершения политической революции более высокого уровня.

Но в этом случае возможность совпадения социальной и политической революций исключается. Точнее, политическая революция, как изменение политической власти, становится прологом революции социальной.

И весь переходный период с этих позиций есть превращение (возможное или невозможное, полное или частичное, действительное или иллюзорное, соответствующее ходу истории или извращающее его) политической революции в социальную, политического общества в гражданское, его превращенных форм в действительную историю.

* * *

При этом первичным, главным фактором в осуществлении этого революционного превращения в действительность выступает политическая власть.

Формы организации и методы осуществления политической власти становятся, следовательно, решающим условием не только политического, но и всего гражданского общества. От того, насколько успешно мероприятия власти будут совпадать с интересами общественного развития, то есть, в какой мере политика будет отражать закономерности и тенденции развивающейся экономики, зависит путь и эффективность революционных преобразований. И тогда возникает ряд проблем. Во-первых, возможен ли режим личной власти или он является извращением исторического процесса. Во-вторых, в какой мере возможны авторитарные или демократические методы управления обществом.

Но, независимо от постановки отмеченных выше вопросов, суть переходного периода не состоит только в создании фундамента социализма (или иного формационного образования). Иначе, в свою очередь, возникает вопрос, а в чем этот фундамент состоит, в чем его экономическое (или чисто техническое) отличие от фундамента: а) капиталистического, б) коммунистического общества.

Главная задача переходного периода — осуществить превращение политической революции в социальную, то есть:

– используя объективные законы общественного прогресса, поднять уровень развития производительных сил до таких форм, как универсальный индивид и универсальное общение;

– используя политическую власть, добиваться на каждом этапе развития общества единства его экономических условий и форм организации власти и управления;

– при анализе состояния общества учитывать действительную историю, то есть реальное состояние реального процесса движения, прежде всего форм собственности; превращенность в общественном сознании форм этого действительного движения.

Постановка вопроса о власти обладает реальным смыслом только тогда, когда налицо готовность общества к революции. С этих позиций политическая революция может быть либо высшей формой социальной революции, либо ее извращением (если нет объективной основы для проведения социальной революции, то политическая вырождается в переворот, который не только не способствует социальному прогрессу, но останавливает его, а иногда отбрасывает общество назад). Суть в границе меры.

* * *

Социалистическая революция суть вид революции социальной. К. Маркс показал, что объективными условиями социалистической революции являются универсальное общение и универсальный человек на базе гигантского развития производительных сил.

Исходя из усиления действия закона неравномерности экономического и политического развития стран в эпоху империализма (кстати, и первое, и второе положения описали уже К. Маркс и Ф. Энгельс, а В. И. Ленин развил их основания в учении о возможности победы социализма в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране; о победе или ее возможности в границах всего ареала цивилизационного эпицентра писали уже опять-таки они).

Причем, важным представляется не только следствие, то есть, либо возможность, либо победа — чрезвычайно важно сделать анализ побудительных причин этого вывода.

В. И. Ленин отошел от необходимости для нашей страны гигантского развития производительных сил. Отсюда и объективные условия социалистической революции (как социальной) — универсальное общение и универсальный человек — формируются (в идеале) после политической революции (ленинское учение об объективных и субъективных факторах социалистической революции). Причем, революционная ситуация — кризис (а не готовность) — берется за основу революции (переворота). Но это верно лишь для политической революции, тогда как социальная революция развивается и в периоды кризиса, и между кризисами, по общим историческим законам, сформулированным в теории исторического материализма.

Возьмем конкретную ситуацию 1917 года в России. В. И. Ленин гениально определил (еще в 1905 году в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции») наличие в России двух социальных войн: весь народ против царизма; пролетариат против буржуазии. Это

общеизвестный факт. Но практически никто не анализировал, в какой мере, объективно и субъективно, эти две войны были обеспечены.

Можно доказать, что: а) налицо были объективные и субъективные факторы буржуазно-демократической революции. Для нее политическая революция превратилась в фундамент закрепления социальных преобразований (хотя в России и здесь не все обстояло столь просто); б) объективных условий для проведения социалистической революции (в качестве социальной) было явно недостаточно. Объективной основой для политической пролетарской революции явилась социальная демократическая революция. Сам В.И. Ленин подчеркивал, что важнейшим, если не главным, моментом при взятии власти явился лозунг мира, немедленного и демократического. То есть, речь, опять-таки, шла о демократическом, а не чисто пролетарском условии.

Тогда политическая революция пролетариата, совершаемая на основе социальной буржуазно-демократической революции, должна была бы:

– довести до конца социальные преобразования буржуазно-демократической революции и тем самым подготовить объективно и субъективно условия для пролетарской социальной революции;

– главными задачами пролетарской революции, исходя из этих позиций, должны были стать обеспечение гигантского развития производительных сил, подготовка формирования универсального (пусть даже для России в национальном масштабе) общения;

– основной должна была стать следующая концептуальная линия: социально-демократическая революция – формирование условий для подготовки социальной пролетарской революции – социализм как процесс перехода от развитой демократии к полному коммунизму.

Следовательно, с политической революции октября 1917 года в России началась бы социальная пролетарская революция, которая завершается полной победой новой общественно-экономической формации. Социализм, таким образом, становится длительным переходным периодом.

* * *

Отмеченные посылки дают повод для следующих рассуждений.

Во-первых, необходимо учесть, что весь семидесятилетний период социалистической истории нашей страны представляется как возможный своеобразный революционный переход от капитализма к коммунизму (все-таки, правильнее сказать, должен был бы быть).

Во-вторых, думается, прав был Н.И. Бухарин, когда отмечал, что к переходному периоду нельзя применять методы, основанные на действии законов нормального развития формации.

В-третьих, переходный период включает (обязательно должен заключать) в себе как элементы старой системы, так и элементы, вырастающие

из них в новую систему. Значит, необходимо учитывать действие законов обеих систем. Проблема постоянно будет фиксироваться на вопросе, что в реальности преобладает, то есть, действие каких экономических законов доминирует.

В-четвертых, переходный период с деформированным основанием (речь идет о деформированном основании, так как данная революция совершалась не на своей или хотя бы не на смешанной социальной основе) также неизбежно должен будет иметь ряд как формальных, так, возможно, и сущностных, особенностей.

Причем, интереснейшим фактом именно нашей революции и нашего переходного периода является то, что деформированными оказались именно общедемократические, то есть социальные объективные условия (предпосылки) самой пролетарской (даже в качестве политической) революции.

* * *

Совершенная на основе социальной демократической революции, политическая революция пролетариата не развила, а, наоборот, ликвидировала свои собственные, в том числе политические предпосылки, не успев создать собственных социальных корней (как в теоретическом обеспечении переходного периода, так и в реальной практике социалистического строительства), то есть социализма в реальном смысле этого слова.

Это могло произойти за счет ускоренного (форсированного) развития процессов политической революции в ущерб социальной. Объективные и субъективные факторы деформировались в сторону преобладающего развития именно субъективных (кстати, интересно проанализировать такую ситуацию на примерах новейшей истории). Сейчас в любой стране складывание субъективного фактора может быть более быстрым и доступным в механизмах своей реализации, чем процессы формирования объективных оснований революционного процесса: Куба, феномен Че Гевары в Латинской Америке, попытка перестройки в СССР, все варианты «цветных революций». Внеэкономический, то есть идеологический фактор становится главным и в достаточной мере определяющим.

Налицо факт: изменение качественных параметров социальной организации общества неизбежно влечет за собой изменение качества властных ресурсов как в экономике, так и в политике и идеологии.

При неготовности объективных факторов, главным формообразующим и детерминирующим становится субъективный. Но все дело в том, что реальным субъективным фактором цивилизационного сдвига или возможности смены общественно-экономической формации является не наличие политической власти в руках у пролетариата (да и не пролетариата как класса), а в начале — лишь у идеологов из старого господствующего слоя, а затем — управляющей номенклатуры, имманентно выражающей интересы

не основной политической системы — взглядов, традиций и образа жизни трудящегося населения, а собственно государства как самодостаточной и самодовлеющей структуры. Реальным субъективным фактором в этом случае могло явиться только массовое социалистическое сознание. Лишь оно, сформировавшись в качестве мотивации и общественного идеала, могло посредством уже осознанной деятельности формировать и свои объективные основания.

С нашей точки зрения, действительным парадоксом Советского государства является то, что оно ценой репрессий и бесчеловечности по отношению к части населения, беспримерного героизма и неслыханной подлости и, в конечном счете, самоликвидации именно эту задачу выполнило. Не ставя целью проанализировать сам этот феномен, подчеркнем, как факт: в СССР государство в полном объеме своего понятия становится и формация образующим фактором, и способом структурирования социума. Но в то же самое время от функции регулирования экономических отношений оно переходит в состояние субъекта, можно сказать, становится гегемоном всех уровней экономических взаимосвязей.

Уточним: принимая во внимание характер отношений в советском обществе и опираясь на анализ возможных первичных форм социализма как качественно новой системы социального устройства общества, данных К. Марксом в подготовительных материалах к «Святому семейству...»¹⁸ и такой работе, как «Немецкая идеология»¹⁹, можно констатировать, что в СССР было построено не социалистическое общество в полном объеме этого понятия (то есть, общество, которое мы знаем как социалистическое, не имело своих собственных формационных оснований). В реальности, в нашей стране был построен государственно-монополистический социализм. То есть, внедрением в общественное сознание и практику социальных отношений инновационных социалистических идей, не подкрепленных уровнем развития производительных сил и универсализацией системы общественных отношений без универсальной личности члена нового общества, с четкостью закона сложилось общество, более высокое по своим основаниям, чем классический капитализм («рыночная экономика» Ф. Броделя²⁰), но по своим же основаниям — более низкое, чем реальный социализм²¹.

У И. Валлерстайна²² государство — слуга, функция капитализма; в реальной практике СССР монополизм — функция государства. Причем,

¹⁸ См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч. 2-е изд. Т. 1; Его же. Немецкая идеология // Соч., 2-е изд. Т. 3.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV — XVIII века: в 3-х т. — М., 1992; Его же. Динамика капитализма. — Смоленск, 1993.

²¹ Кстати, в полном соответствии с как бы предвидением В. И. Ленина, просчитываемом в работе «Очередные задачи Советской власти» и особенно в работах периода начала НЭП, государственный капитализм — первая, предварительная ступенька, не став на которую, социализм построить невозможно.

²² См.: Валлерстайн И. Развитие: путеводная звезда или иллюзия? / В кн. Глобальные и региональ-

мы не случайно употребили лишь термин «монополизм», не включая его капиталистического фона.

Весь «секрет» в том, что если в определенных стратах (сословиях) всей системы советских общественных отношений наблюдается практически полная гамма экономических реалий, то на уровне организации общества как системы господствует, даже абсолютно доминирует одна — государственно-монополистический капитализм (ГМК). Непонимание этой реальности стало трагедией общественного сознания.

Но в качестве абсолютной исторической реальности этот феномен, во-первых, является данностью, и оценки его с правовых или идеологических позиций, следовательно, не могут этой данности отменить. И, во-вторых, сама данность ГМК как общества-системы несла в себе заряд национального, общественного и государственного выживания, то есть была онтологически оправданной. В-третьих, построение единого комплекса общества-системы ГМК в нашей стране имело такие далеко идущие последствия, что именно этот феномен — государство — субъект экономик — оказался определяющим во всех глобальных трансформациях нашей страны и мира, которые потрясли все XX столетие.

И если с позиции «холодной войны» современное состояние России можно характеризовать как идеологическое (подчеркнем, именно и только идеологическое) поражение, то ответ на вопрос о перспективах соревнования двух социально-экономических систем по всему спектру реальности далеко не так очевиден.

Дело в том, что единая система-общество государственно-монополистического капитализма, которая была в основном сформирована в советской стране, *уникальна* и представляет собой фактический ИДЕАЛ, абсолютно притягательный и столь же недостижимый для мира-экономики (системы) западной цивилизации²³.

* * *

Каждое общество в западном мире имеет реальные ресурсы власти, главные из которых на сегодняшнем этапе сконцентрированы в нескольких транснациональных корпорациях, баланс интересов (или сил) которых и формирует степень силы или слабости института государства (в его национальной форме). Каждая из корпораций в точном соответствии с законами исторического материализма стремится заместить собой (ре-

ные перемены в работах Иммануила Валлерстайна. — М., 1998. С. 25–34; Его же. Капиталистическая цивилизация. С. 183–197.

²³ Уникальна, кстати, только в поле современной нашему историческому времени реальности. Практически вся фактологическая база истории и философии исторического процесса во всемирном масштабе, ретроспективно развернутом в историческое прошлое, убеждает нас в том, что для каждой конкретно-исторической системы, понимаемой как определенная цивилизация, этот феномен проявляется с жестокой необходимостью закона развития человеческих сообществ.

сурсом собственной власти) действительное государство. В свою очередь государство стремится сохранить существующий баланс сил незавершенных корпораций.

Возможно, что именно этот процесс создает правовое поле для функционирования полноценного гражданского общества. Но абсолютный факт в том, что это в силу энергетических затрат делает институты экономических корпораций (плутократии) и государства (бюрократии) более слабыми по сравнению с их потенциалом.

Практика реального социализма сконструировала иной феномен. Предельно завершенное государство — корпорация не дает реальных прав для существования гражданского общества (по крайней мере, в той форме организации жизнедеятельности собственников, как это подразумевается на Западе). Оно в нем просто не нуждается, совпадая по своим функциям и морфологии с самим социумом. Оно не затрачивает усилия на реализацию принципа разделения властей и интересов, а потому на внешней арене выступает как монолит власти. В том числе, и именно это предельно важно, как для понимания отношений России и Запада сейчас, так и для анализа возможных вариантов перспективного развития, — как монолит (субъект) власти экономической.

То есть, иными словами, если теперь привести все особенности понятийного аппарата различных концепций к единому знаменателю, к единой системе отсчета, то отчетливо проявится следующая картина.

С момента, когда в ответ на вызов необходимости первой цивилизационной волны²⁴, то есть по мере перехода эпицентра (а таким эпицентром тогда в действительности выступал Запад) развития человечества к индустриальной стадии, во-первых, начала складываться система, где наряду с естественной природой, объективным фактором, закономерно влиявшем на цивилизационные процессы, стала искусственная — вторая — социальная природа человека. Во-вторых, спираль индустриального развития породила и движущие ее противоречия, дурная сторона которых *требовала* (с самого возникновения, ибо это и факт истории, и закон развития сложной, пусть даже и самоорганизующейся, системы) преодоления (снятия) уже самой индустриальной оболочки процесса человеческой жизнедеятельности.

В пределе, как сегодня представляется уже достаточно ясно, индустриальная волна стремится к завершенности в качестве общепланетарного социума — цивилизации (и, пожалуй, только объемом такой категории охватывая сущность действительно происходящего в человеческом сообществе процесс). Но, и это также закон истории, складывающаяся система обретает эмерджентные свойства (когда сумма ее качества больше, чем

²⁴ См.: Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 1991; Его же. Цивилизация перед судом истории. М., 1993; Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997; Его же. Третья волна. М., 1999; Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 1995 и др.

арифметическая сумма качеств составляющих ее элементов множества) только в разнообразии (единичности, уникальности) своих проявлений, причем не в одной плоскости, а в разных уровнях (на разных этажах) организации.

Таким образом, получается, что по сути дела вся социальная история (а она, озаменованная христианством как вехой в качестве становящейся системы, как раз и есть индустриальная эпоха) есть, во-первых, период формирования единой цивилизации и, во-вторых, с полным правом может в то же самое время рассматриваться как единый непрерывный процесс ее преодоления, то есть как фазовый переход (фаза — вся социальная история) от одного естественного (доисторического или, по крайней мере, доиндустриального) состояния человечества (или биосферы) в иное (качественно) естественное состояние. Такая гипотеза не является в данном случае предметом исследования, но она позволяет понять, что аналогичные процессы эволюции и инволюции, скажем, в последовательности смен конкретных форм разделения труда и его кооперации, собственности и организационных структур (институтов) общества имеют место внутри этого большого периода, в иной системе отсчета и с иной силой вытекающих из них следствий.

Если такой общий подход дает представление о цивилизационных процессах, то анализ форм общественного разделения труда, его кооперации и отношений собственности описывает последовательность смены уровней (степеней) организационного развития цивилизации.

* * *

Введение в арсенал методологического инструментария исследовательской позиции этнической, биологической или разумной модальности дает возможность увидеть те основания, которые с силой исторического закона формируют конкретный облик уникальных образований множества, составляющего единую человеческую цивилизацию как планетарный феномен, то есть единичных обществ, государств и их сочетаний. Отсюда можно сделать следующие, имеющие уже непосредственное отношение к предмету исследования, выводы.

Во-первых, логика наших рассуждений показывает правильность рассмотрения хода человеческой истории, сделанного в свое время еще Ф. Энгельсом в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства»²⁵. Во-вторых, на этом фоне можно отметить элементы достоверности как в концепции смены общественно-экономических формаций, так и теории цивилизационных волн истории.

²⁵ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 21.

И, наконец, становится очевидным, что проблема исчерпанности национально-государственной идеи развития и реальных форм ее конкретно-исторической практики, не так проста, как это видится Валлерстайну²⁶. Она имеет, как представляется, по крайней мере, два уровня рассмотрения.

В той мере, в которой все процессы современности можно описать в терминах смены цивилизационных волн, в частности, период перехода от индустриальной стадии развития к постиндустриальной, действительное значение приобретает проблема исчерпанности национальной идеи, в ее государственной форме.

Постиндустриальная цивилизация, понимаемая Валлерстайном как некое некапиталистическое общество²⁷, также в действительности может строиться уже не на этнической, то есть национальной, основе; и в качестве реализации новых организационных функций не требовать присутствия социального института государства.

Аналогично, по теоретическим построениям К. Маркса, завершение в истории всей совокупности обществ, вся действительная история которых строилась на отношениях частной собственности или по поводу отношений собственности, составляет переход к неэкономической форме организации и жизнедеятельности человеческих сообществ. И процесс подобного перехода аналогично — при отсутствии необходимости реализации экономической функции как сущности общественного развития может не искать форм государственного строительства.

Таким образом, может сложиться впечатление, что исчерпание этнических и экономических оснований организации человеческих обществ (или предположение об их исчерпанности) с неизбежностью приводят к упразднению и государства как структуры, осуществляющей функцию интеграции национального и экономического единства (в данном случае не важно, основано ли подобное единство на паритете сил или балансе интересов).

Представляется, что правильным в данной интерпретации является факт положительного снятия ряда, хотя и существенных, но лишь частных функций государства как ядра любой социальной системы, мыслимой в границах орудийной, адаптационной деятельности человека. История доиндустриальной эпохи, так называемой доистории²⁸, очень рельефно и убедительно очерчивает факт: власть как отношение «подчинения-господства» в любой фазе и на любом уровне организации человеческих сообществ — стада, этноса, социума — является первичной по своему происхождению. В качестве фиксации единства любой системы она свидетельствует о неравномерности и разнообразии как процессов организации, так и конкретных качеств образующих ее элементов.

²⁶ Валлерстайн И.. Капиталистическая цивилизация. С. 183–197.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994.

* * *

Строго говоря, государство как система организации власти есть граничное, базовое условие существования любой человеческой системы вообще (опять-таки безотносительно оценки положительного или отрицательного вектора реализации, перегибов и возможных запредельных форм проявления).

С этих позиций любая частная функция государства — института конкретной формы организации, описывает не сущность государства-системы, а лишь значимое поле реализации его в качестве граничного условия существования именно данной конкретной формы социальной организации.

И тогда, во-первых, государство-система (причем, имеющая эмерджентные, по отношению к своим элементам, свойства) будет существовать до тех пор, пока не будет завершена (исчерпана) сама социальная форма человеческих отношений. И, во-вторых, процессуально, государство как власть, являясь первичной формой инновационного отчуждения человека от естественной, этноландшафтной среды его обитания, будет снято в качестве главного объективного отношения, в последнюю очередь, то есть, только после того, как последовательно будут сняты (реализованы) его частные функции, такие как национальная или экономическая.

Таков первый — общеметодологический и теоретический — план рассмотрения роли государства.

* * *

Второй уровень рассмотрения вопроса тесно увязан с онтологической данностью той системы человеческих отношений и форм жизнедеятельности, которая задана непосредственно реальностью дня сегодняшнего.

Все развитие системных отношений человечества в действительности последние 500 лет (хотя, возможно, что правильнее будет говорить о тысячелетнем периоде) строится на основе национально-государственной идеи, так как основными формообразующими факторами выступали этноландшафтное равновесие²⁹ и социальная форма общежития (на орудийной основе).

Однако не стоит сбрасывать со счетов и два других основания: биологическое и разумное. С мезолитической революции³⁰ по закону

²⁹ См.: Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1994; Его же. Конец и вновь начало. М., 1994.

³⁰ См.: Моисеев Н.Н. Причины крушения и рычаги процветания // Российская провинция. 1994. № 2; Его же. Современный рационализм. М., 1995; Его же. Как далеко до завтрашнего дня... Свободные размышления 1917–1993. М., 1997; Его же. Мировое сообщество и судьба России. М., 1997; Его же. Время определять национальные цели. М., 1997; Его же. Судьба цивилизации: Путь Разума. М., 1998; Его же. С мыслями о будущей России. М., 1997; Его же. Логика универсального эволюционизма и кооперативность // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 52–66; Его же. Расставание с простотой. М., 1998.

эмерджентности биологическое развитие индивидов уступило место развитию коллективных форм их организации, то есть человеческих сообществ и коллективов. С тех пор биологическая составляющая как бы стабилизировалась (но, по моему мнению, лишь до тех пор, пока иерархия становящихся форм сообществ стремилась к целостности, то есть развивалось по диалектическим принципам как единое целое).

В то же время, особенно после последовательно реализовавших себя в ходе неолитической революции фактов первых крупных разделений общественного труда, начинает преимущественно раскручиваться спираль Разума, принявшая в эпоху индустриализма форму рациональности (хотя первичные глубинные основы поля Разума содержались в духовных матрицах Великих религий). И до тех пор, пока границы поля жизнедеятельности конкретных форм общественной организации вписывается в этно-социальную, национально-государственную матрицу, у индивидов этих целостных социальных систем, стремящихся к завершенности, Разум в своих иных проявлениях также не востребован. Он пока спокоен.

* * *

Казалось бы, эти два основания, как крайние граничные условия возможности существования социума, могут не учитываться. Но это не так. Они, в той мере и в той форме, в какой используются в реальной практике человеческой жизнедеятельности, оказывают в качестве факторов влияние на конкретные формы и самого процесса жизнедеятельности, и на строение организационных структур человеческих сообществ.

При попытках адекватно описать конкретные формы общества и государства, сложившиеся в индустриальном цивилизационном поле, необходимо подчеркнуть, что сам процесс развития становится необходимым и возможным только в результате нарушения предшествующего состояния равновесия на том или ином уровне системности.

Таким образом, развитие (движение с положительным, восходящим вектором направления) — всегда следствие и функция нарушения некоей предшествующей целостности (системы).

* * *

Возможно, что лишь первоначальный толчок социального и индустриального развития на территории Европы в период раннего средневековья имел внутренний импульс, тогда как все процессы структурообразования социальных форм в других местах и в другое историческое время происходили под действием внешних сил, причем, последнее замечание уже в полной мере относится к процессам, идущим в совре-

менной Западной Европе. В результате³¹ в сравниваемой зоне цивилизационного сдвига образуется, по крайней мере, три типа обществ, которые для поддержания себя в качестве целостности, востребовали и три типа государства.

В полном смысле слова социум, как система человеческого сообщества, основанная на базе второй, рукотворной природы, опосредованной действием социально-экономических законов (на уровне действия природных, естественных), сложился на территории Западной Европы в странах классического капитализма (или индустриализма).

Собственно, границы классического капитализма и есть границы эффективного действия второй цивилизационной волны. Социум есть в действительности классический капитализм = индустриальная цивилизация = рыночная система, основанная на господстве свободной торговой конкуренции.

Именно в странах Западной Европы и была последовательно, на протяжении трех столетий, реализована национально-государственная идея. Здесь сложилось реальное гражданское общество в форме национального государства. Основа — частная капиталистическая собственность на средства производства и торговая конкуренция. Свободные собственники формируют (хотя, естественно, не непосредственно даже в качестве исключения, и такие примеры имеются) государство как функцию обслуживания своих социально-экономических и политических интересов. В силу дробления господствующей формы собственности, стремящейся к анархии политической жизни, государство выступает субъектом (аргументом) в отношении всех оснований, за исключением этнической составляющей, для которой именно оно — функция. Не случайно, что практически все конфликты вплоть до XX века, когда по образному выражению О. Шпенглера³² начался «закат» Европы, носили четко выраженный национальный характер. С конца позапрошлого столетия (а не со второй половины прошлого, как общепринято считать) проявляется кризис индустриализма.

Весь цивилизационный пояс сотрясали революциями — свидетелями действия исторического вызова со стороны системы уже более высокого порядка. Собственно, тщательно проанализированный В. И. Лениным империализм, признаки и особенности которого полностью (хотя и не в частностях) подтвердились, и стал фазовым переходом от индустриальной к постиндустриальной стадии развития человечества.

Реально этот процесс нашел свое отражение в двух формах: международного интернационального империализма, функцией которого стали национальные государства Запада, лидером — США. СССР и мировая

³¹ См.: Подробный анализ становления конкретных форм социума в границах (пространственных и временных) индустриального цивилизационного пояса мы подробно анализируем в ряде отдельных работ об особенностях цивилизационного развития России.

³² См.: Шпенглер О. Закат Европы. В 2-х т. Т. 1. М., 1993; Его же. Закат Европы. В 2-х т. Т. 2. М., 1998.

система социализма приняла форму государственно-монополистического капитализма в его предельно национальной форме.

* * *

Общая черта (это уже, видимо, закон перехода) у СССР и США заключается в стремлении к международной экспансии, хотя США присваивает мир посредством системы капиталистического мира-экономики (КМЭ) Валлерстайна³³, превращая процесс интернационализации в «черную дыру» человеческой цивилизации. Отсюда идеи «устойчивого развития» и «золотого миллиарда»³⁴. Тогда как СССР через духовную составляющую распространял в мире-системе идею социализма, осваивая, а не присваивая его.

Важным отличием исследуемых систем явилось также то, что степень (уровень) государственно-монополистического капитализма (ГМК) был различен и по организационному строению, и по вектору направления движения, и по наличию основных ресурсов.

Главным ресурсом империализма США является экономическая власть, то есть отношения собственности (или по поводу собственности) на средства производства. Государство лишь функция, выражающая интегративный интерес (баланс интересов) властных экономических групп в виде транснациональных корпораций (ТНК).

Поэтому и внутри (через представительскую систему агрегации интересов), и на международной арене государство США выступает исключительно как функция суммы монополизированных экономических интересов реальных собственников экономических ресурсов (власти).

Тогда как СССР, являясь идеологическим государством-системой (обществом), внутри своей социальной структуры вообще имел проблему собственности на средства производства в снятом виде, для всего населения несущественную (состояние предельного отчуждения), а как реальную (предельно монополизирующей всю собственность как таковую и тем самым превращающий капитал из самовозрастающей стоимости в омертвленное государственное имущество) на международной арене, то есть во всей совокупности отношений с любыми не-советскими собственниками любого ресурса и, что наиболее важно, экономического, — как полноправный и полновластный субъект (аргумент).

Поэтому и с этих позиций всю гамму отношений, которую мы относим к сфере международных, в целях четкости необходимо разграничить хотя бы по одному, но принципиально важному, основанию. В какой мере совпадают объемы понятий международных и межгосударствен-

³³ См.: Валлерстайн И. Указ. соч.

³⁴ См.: Коптюг В.А. Наука спасет человечество. Новосибирск, 1997; Мельникова Л.Н. Час X. Россия 21 век. М., 1996 и др.

ных отношений? И здесь с точностью закономерности выясняется, что в областях, где государства могут вступать между собой в отношения в качестве субъектов (аргументов), есть и возможность, и необходимость соглашений и компромиссов.

Но там, где государству-функции субъектами того или иного ресурса полномочия не делегируются (а, возможно, есть сферы, где они недеделируемы по определению), компромисс невозможен принципиально. Ибо договариваться по поводу ресурсов, собственности на них и распределения сфер влияния и связанных с ними властных полномочий, могут лишь реальные собственники этих ресурсов.

Поэтому Валлерстайн почти абсолютно прав в выдвижении своего «принципа дополнительности» там, где системы вступают в отношения, как субъекты. Но и не прав, ибо этими границами вся совокупность отношений не исчерпывается.

* * *

Ни один реальный субъект собственности экономических ресурсов на Западе не мог ни превратить государство-систему СССР в свою функцию (как, например, в случаях с государствами с монокультурной хозяйственной доминантой или небольшими по своим размерам), ни включить в сферу своего влияния иных собственников на территории СССР и стран мировой социалистической системы (как, например, при размещении дочерних производств и проведения финансовых операций на территории стран Западной Европы), так как таких иных собственников просто не существовало; ни, и это главное, даже конкурировать в любой, отдельно взятой, частной отрасли хозяйственной деятельности.

Ранее мы уже подчеркивали, что как раз по этим параметрам для любой конкретной ТНК как реального собственника экономических ресурсов, государство-система СССР была и недостижимым (по крайней мере, до событий 1990-х годов) идеалом и, естественно, даже не конкурентом, а смертельным врагом. Речь при этом опять-таки не идет о положительном или отрицательном идеологическом потенциале каждой из сравниваемых социально-экономических систем. Поэтому, если вкратце очертить проблему, главное поле битвы в годы «холодной войны» являлось не идеологическим или военным (как раз здесь полностью работает «принцип дополнительности» Валлерстайна, и сейчас очевидно, что в этой области удар, нанесенный по СССР, имеет и еще будет иметь самые негативные последствия для мира-экономики и, прежде всего его современного лидера — США), главным направлением стратегического противостояния выступала борьба за реальные властные полномочия в сфере экономического интереса (владение, распоряжение и пользование экономическими ресурсами).

Необходимо было разбить не идеологию коммунизма и основы советского политического строя. Уничтожению подлежало государство-система, конкурировать с которым и распространять свое влияние на страны так называемого «третьего мира» вне его контроля реальные собственники экономического ресурса Запада — ТНК — не могли по определению³⁵.

* * *

Именно в содержании данного вывода заключается ответ на вопрос, почему Россию, даже якобы демократическую, продолжают добивать «союзники по общечеловеческой цивилизации». И именно здесь находится ключик от любых прогностических попыток описать будущее нашей страны.

Реальный шанс на достойное место в системе мирового общественного разделения труда у России будет только в том случае, если ее лидеры, осознав действительные цивилизационные особенности нашего общества как государства-системы, используют заложенный в ней всем ходом исторического развития потенциал, хотя это сегодня представляется достаточно, если не сказать чрезвычайно, трудной задачей. К настоящему моменту есть сомнения в сохранении условий для ее реализации.

Если же дальнейшее движение России будет осуществляться в границах тенденций, имеющих место сегодня, то можно утверждать, что сценарий грядущих событий уже написан и имеет только однозначное прочтение.

Россию как государство будут теми или иными (не об этом сейчас речь) способами склонять к отказу от модели «государство-система». Тогда следствия либерализации экономики приведет к тому, что в России в действительности смогут появиться реальные негосударственные собственники экономических ресурсов. Но, учитывая тот уровень производственного и организационного состояния экономических отношений, они в этом качестве будут неспособны конкурировать с отдельными ТНК, а в лучшем для них случае превратятся в их дочерние предприятия и филиалы.

В худшем, а в рамках имеющего места тренда жестокой борьбы мирового финансового и мирового промышленного капитала³⁶, он представляется «оптимальным» для реализации заказа КМЭ Запада, Россия в действительности интегрируется не в ядро последнего и даже не в периферийную зону. Место России по канве реального событийного ряда и планов КМЭ — в кольце «варваров» (хотя, говорят, что именно варвары разрушили гигантскую гнивающую Западную Римскую империю. А Восточная прожила еще 1500 лет. Но кому от этого легче?).

³⁵ Попробуйте посмотреть на позицию США в отношениях с Ираком, Ливией, Югославией, Сирией, Украиной не сквозь иллюзию военной истерии, с предлагаемой точки зрения.

³⁶ См.: Стратегия реформирования экономики России: Доклад /рук. Абалкин Л. Н. М., 1996.

* * *

Для более глубокого прочтения ситуации, сложившейся в аналитических центрах политической, социальной, экономической и других наук об общественном развитии, представляется актуальным обратить внимание исследователей еще на один аспект значимости событий, происходящих на постсоветском пространстве.

В контексте процессов мирового разделения труда и сознания, в силу небывалой жестокости политической воли бюрократического государства, начиная с момента гибели субъективного основания (хозяина), то есть с конца 1950-х годов, общество на фоне формализованных в политической идеологии, но реальных для широких масс трудового населения принципов коммунистической теории совершило невероятный прорыв в прогрессе технологий, производства, техники и науки³⁷.

Итоги экономического и социального развития СССР за 70 лет убедительно показывают огромную созидательную силу социализма (при оценке следует помнить, что за годы существования советского государства около 20 лет заняла гражданская война, интервенция, вторая мировая война и периоды восстановления народного хозяйства). Национальное богатство к 1987 году по сравнению с 1913 годом увеличилось более чем в 50 раз. По сравнению с дореволюционным периодом реальные доходы рабочих промышленности и строительства с учетом ликвидации безработицы и сокращения продолжительности рабочего дня и недели в расчете на одного работающего возросла в 1986 году в 12 раз, а реальные доходы крестьян — в 19 раз.

В 1986 году повышение производительности общественного труда на 1 процент было равнозначно прибавке около 6 млрд рублей национального дохода (или экономии труда 1 млн работников). Рост общественной производительности труда за 1981–1986 годы обеспечил экономию труда более 15 млн человек, в 1986 году — 3 млн человек.

Из общественных фондов потребления населению обеспечивалось бесплатное образование и повышение квалификации, бесплатная медицинская помощь, пособия, пенсии, стипендии учащимся, оплата отпусков, бесплатные и по льготным ценам путевки в санатории и дома отдыха, содержания детей в дошкольных учреждениях и т.д. В 1986 году из общей суммы выплат и льгот более 50 процентов составили денежные выплаты.

³⁷ Так, например, здесь уместно говорить о таких колоссальных прорывах в науке и технике, как создание космических технологий, овладение ядерным и термоядерным синтезом. В 1957 году был запущен первый искусственный спутник Земли, а в 1961 — состоялся первый в человеческой истории космический полет человека. В материальном отношении была создана уникальная органическая система производства. Так, по данным ЦСУ СССР, в 1985 году национальное богатство СССР без стоимости земли, недр и лесов составило 3,6 триллиона рублей против 1,4 триллиона в 1970. Рост национального богатства происходил на фоне роста реальных доходов населения и активной миролюбивой внешней политики.

В этот исторический период все, поддающиеся сравнению в едином масштабе, показатели уровня развития между двумя сверхсистемами выстраиваются в кластер трендов, четко указывающий на исторически предпочтительную для народов планеты именно социалистическую модель организации социума³⁸. Иначе, при всей абстрактности данного тезиса, ряд стран третьего мира не сделал бы выбор в сторону социалистического, в крайнем случае — некапиталистического пути развития³⁹. А даже беглый взгляд на политическую карту мира 1960-х годов с железной логикой доказывает, что даже формальные, декларативные преимущества социализма как общественно-экономической системы на фоне гигантского скачка в сфере научно-технического прогресса оказались в действительности притягательными для абсолютного большинства стран, выбирающих путь своего развития. В то же время данный факт подтверждает и ту истину, что вторая сторона выбора — капитализм — и в силу постколониальной традиции (воспоминание о национальном угнетении), и в силу действительно грабительского по отношению к массе трудящегося населения этих стран характера неоколониальных тенденций притягательным не являлся, то есть не выступал в качестве эффективного аттрактора перспективы исторического развития.

В целом речь идет о том, что как следствия, скажем так, неадекватного субъективного выбора внутреннего пути развития нашей страны идеологами капитализации, оказались более важными, чем предпосылки, их вызвавшие. Плоды этого выбора мы зафиксировали в статистических выкладках динамики внутреннего социально-экономического развития (а, точнее, тенденцию последнего к состоянию абсолютной стагнации) народного хозяйства России в исследуемый период⁴⁰.

³⁸ Только страны социалистического содружества имели совокупную территорию 25,4 миллиона квадратных километров и население около 465 миллиона человек. На их долю приходилась почти одна треть мирового промышленного производства, примерно 1/4 электроэнергии и добычи нефти, больше 1/3 выплавки стали и добычи газа. Отдельную, но все же социалистическую ориентацию, имела Китайская Народная Республика.

³⁹ К силам, которые относятся к данной категории помимо стран, прочно ставших на путь социалистического развития, можно отнести страны, получившие национальную независимость и выбравшие некапиталистический путь развития. Именно они составили основу движения неприсоединения. Его участниками являлись 99 государств Азии, Африки, Латинской Америки, Океании и Европы, а также два национально-освободительных движения — Организация освобождения Палестины и Народная организация Юго-Западной Африки. 1960 год был назван годом Африки. Притягательность социалистических идеалов просматривалась даже в тех, противоречащих догматическому пониманию марксизма идеологических течениях развитых коммунистических партий Европы, которые объединились под лозунгом еврокоммунизма.

⁴⁰ В современной России рост богатства активной части третьей, сверхбогатой, страты даже формально основывается на факте разграбления общенародной собственности (так называемая приватизация). И таким образом он с силой общественной закономерности ведет как к падению национального достояния, так и к резкому усилению дифференциации страт по той доле, которую каждая из них получает. А если принять во внимание тот факт, что первая и вторая страты количественно составляют абсолютное большинство населения страны, то рост сверхбогатства 6 процентов населения неизбежно вызовет (и вызывает в реальной жизни) обнищание всего общества. Для подтверждения данного тезиса мы приведем только один показатель: в результате реформирования и конституирования

* * *

К сожалению, в большинстве постсоветских государств не наблюдается активная и последовательная структурная перестройка экономики, реальный переход ее на инновационный путь развития, выход из стагнации высокотехнологичных секторов, в первую очередь, обрабатывающих отраслей. В ряде стран общие объемы производства в обрабатывающих отраслях, где достигается научно-технический прогресс, формируется высокая прибавочная стоимость, даже сократились.

Замедление экономической активности в странах региона связано, прежде всего, с уменьшением внутреннего спроса. В результате во многих государствах снизилось потребление населения, Минэкономики Российской Федерации, например, в своем докладе о социально-экономическом положении страны за 2015 год фиксирует максимальное за последние 40 лет сокращение частного потребления.

Нищающее население уже не может предъявлять спрос на прежнем уровне. Сложная экономическая ситуация ударила по низшему и среднему классу⁴¹.

Ряды бедных пополняют представители среднего класса. Отдельно стоит подчеркнуть, что сжатие среднего класса в странах региона является результатом не перераспределения общественного богатства, а именно сокращения доходов большей части населения⁴².

В ряде стран региона усиливается неравенство. Причем, в отдельных из них оно очень велико. По оценкам экспертов в России, например, доходы 10 процентов наиболее богатого населения превышают доходы 10 процентов малообеспеченного населения в среднем в 25–30 раз (по статистике только в 14 раз), а по Москве — в 43 раза. Такой глубины неравенства по

подобных социальных целей, отношение доходов 10 процентов самых богатых россиян к доходам 10 процентов самых бедных (децильный коэффициент) составляет от 15:1 до 20:1 (в промышленности бедные беднее богатых в 21 раз, в сельском хозяйстве — в 24 раза, в строительстве — в 25 раз). По экспертным оценкам, 48 процентов из нынешнего поколения 16-летних не доживет до 60 лет. Такова реальная цена всех сегодняшних «реформ».

⁴¹ Если в 2014 году количество бедных, например, в России составляло 17,4 млн человек (12,1% населения), то в 2015 году оно подскочило до 19,2 млн, или 13,4 процентов населения. По данным опроса 85 процентов жителей Молдовы считают себя бедными. Их доходов хватает только на самое необходимое. Хотя ранее эта цифра не превышала 75–76 процентов. Результаты проведенного опроса подтверждают прогноз Всемирного банка, в соответствии с которым в течение ближайших нескольких лет количество бедных граждан Молдовы будет стремительно расти. По данным Института демографии и социальных исследований Национальной академии наук Украины в 2015 году в Украине уровень бедности может превысить 35 процентов. В то время как в 2014 году в Украине было 28 процентов бедных, а в 2013 году — 22 процента.

⁴² В частности, по данным исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы доля россиян, относящихся к среднему классу, упала к концу 2015 года с 20 до 15 процентов населения. По последним данным этот показатель составляет в Азербайджане — 19 процентов, в Армении — 8, в Казахстане — 20–30, Таджикистане — 2–3 процента. В Украине численность среднего класса до экономического кризиса оценивалась в 22 процента, в 2015 году, по данным Credit Suisse, насчитывалось всего 297 тыс. (0,83% населения) представителей среднего класса. Практически весь средний класс Украины превратился в бедняков.

доходам, как в отдельных странах СНГ, нет ни в одной европейской стране. Хуже дела обстоят только в ряде стран Африки и Латинской Америки.

* * *

Приведенный выше анализ свидетельствует о том, что большинство стран региона все больше отдаляются от принципов социального государства: заметно снизился уровень жизни населения и его социальная защищенность. Углубляются противоречия между трудом и капиталом.

Представители крупного бизнеса не оставляют попыток наступления на законные права трудящихся, а экономическая, включая бюджетную и финансовую, политика правительств многих стран все более ориентируется на ультралиберальные ценности, предполагающие уменьшение регулирующей роли государства, сдерживание роста заработной платы, пенсий и отказ от социальных гарантий. Да и в целом тяготы сложного экономического положения все в большей мере перекладываются на плечи трудящихся.

Точно в такой же степени следствия субъективного выбора модели мирового развития, стратегический сценарий реализации которого был промаркирован еще речью У. Черчилля в Фултоне в 1946 году, значительно превзошли по своей значимости предпосылки (противоречия), вызвавшие их к жизни.

Если воспользоваться терминологией времен начала действия этого грандиозного спектакля, ареной которого все последующие десятилетия был весь мир, то условия выбора определялись антагонизмом двух социально-экономических систем: социализма и империализма. Холодная война, процессы которой флуктуировали вокруг центра биполярности мирового устройства, как бы имела заложенную в нее программу подавления потенциала, функций и объема (сферы) влияния системы-антагониста.

Другими словами, война велась до полного поражения одной из сторон. Результатом ее, по различным вариантам, должен был стать новый мировой порядок. С позиции западных идеологических доктрин он должен был быть основан на принципах демократии и свободы, прототипом которой служила структура ООН, где компромиссы мировой политики достигались бы не балансом силы, а балансом свободно заявленных интересов.

В свою очередь, мировая социалистическая система опробовала модель СЭВ и Варшавского Договора. Она желала бы предложить мировому сообществу социалистический выбор, в основу которого заложен принцип равенства субъектов мировой политики, что и было зафиксировано в документах Хельсинского совещания по проблемам европейской безопасности. Мир, таким образом, также мыслился полицентричным.

* * *

Сам факт того, что заявленные, декларируемые модели мирового устройства, если не считать чисто пропагандистских приемов, были практически тождественны, и интересен, и предельно важен. Дело в том, что наличие двух силовых центров влияния в мировой политике с силой закона предполагало общий центр тяжести — ту точку опоры, вокруг которой вращалось все множество частных интересов периферийной зоны, и даже той части человечества, которая по той или иной причине не входила в сферу биполярно-системного устройства политического пространства мира.

Таким центром тяжести являлась реальная гарантия двумя сверх-системами мирного характера развития человечества. На его фоне все, даже жизненно важные экономические, социальные и политические мотивы становились частными, производными, и, как казалось, не имеющими определяющего значения.

Таким образом, объективно для всего мирового сообщества противоречие двух схем социального устройства, выступая антагонистическим в плане идеологического обеспечения собственных притязаний на внутреннюю и внешнюю гегемонию, являлось, по существу, согласительным и, по мнению ряда политологов, обладало по отношению друг к другу «принципом дополнительности»⁴³.

Поэтому, несмотря на колебательные волны приливов и отливов политической практики, мир-система в условиях биполярности имел все реальные шансы оставаться стабильным по внутренней форме организации систем-антагонистов. Более того, в самом принципе биполярности имелось достаточно глубинных (игровых, имитационных, состязательных) мотивов к развитию на основе состязания различных сфер жизнедеятельности с ориентацией на референтные группы обеих систем.

Кроме того, предельно важным являлось то обстоятельство, что наличие разных полюсов в этих различных сферах общественной жизнедеятельности — от институциональной до геополитической, от экономической до идеологической — предоставляло странам третьего мира возможность реального выбора своего пути развития. Пионерные прорывы, происходившие в науке и производстве, референтные социальные или идеологические статусы в обеих системах делали возможным такой выбор как при декларировании дивергентной, так и конвергентной картины развития мира-системы. И политическая действительность 1960–1970-х годов, отраженная на карте мира, полностью подтверждает наши выводы.

⁴³ См.: Указанные работы И. Валлерстайна и Ф. Броделя.

* * *

Процесс социальной трансформации распространился на весь XX век и после того, как стала исчерпывать себя частная форма конкретных монополий, через трагедии мировой войны, сформулировал в параметрах вызова истории три ответа: рузвельтовский «новый курс»; фашизм как дуальность частного капитализма; государственно-монополистический капитализм советской системы. Таким образом, после поражения извращенной формы правления в Германии к середине столетия мир подошел к границе современного социума с двух площадок: ТНК Запада и ГМК СССР.

Вторая историческая суперсистема в результате известных причин и событий распалась на пространство, оформившееся как СНГ, страны восточной Европы и Балтии. На грани системной дисфункции, особенно в сфере реальной экономики и социальной миграции стоит западный мир.

При этом явными признаками кризисной сущности выступает доминирование в реальности не естественных, а искусственных систем; сознательная подмена целей прогресса и моральная деградация. Эксплуатация фиктивных товаров — оснований частного капитализма, — земли, труда и денег с силой закона породили искаженную картину мира и, следовательно, неадекватную реакцию на социальные геополитические и системные вызовы.

Следует подчеркнуть, что трансформационные изменения, происходящие в современном мире, все отчетливее приобретают черты системности. Следовательно, те глобальные перемены, которые происходят на уровне человеческого сообщества в целом, с силой закона оказывают влияние на особенные процессы изменений как в границах отдельно взятых национальных государств, так и в параметрах структуры социальной системы, ее единичных подсистем и в действии механизмов их функциональности. Причем, серьезным обстоятельством, мимо которого сегодня уже невозможно пройти, является то, что вектор социальных изменений направлен не только на прогрессивное развитие функций и систем, но и на их деградацию, в том числе, на формирование ряда негативных функций, подсистем социального организма и негативных общественных феноменов.

Интенсивный процесс втягивания национальных государств в единую сеть отношений в экономике строится на неравноправных условиях под прикрытием проектов либерализации, демократического транзита и модернизации. Тем самым внутренние проблемы общества, с одной стороны, кумулятивно обостряются проявлением внешнего силового воздействия; с другой стороны, действие закономерностей качественной трансформации начинают рельефно проявлять себя уже в масштабах человеческого сообщества, становясь универсальными законами его преобразования.

Источником социальных противоречий являются коренные интересы капитализации внутренних и транснациональных корпораций и обслуживающих их социальных групп, как легальных, так и криминальных; полем конфликта внешнего и внутреннего, нормального и девиантного выступает политическая власть государства; центральным звеном — ее государственные служащие; детерминирующим всю гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом — коррупция.

Мир становится иным. Каскад бифуркаций делает непредсказуемым конкретный результат и зависит от ничтожно малой величины граничного воздействия. Любое социальное действие в этих условиях способно вызвать лавину цепной реакции расщепления современности.

Однако системный результат организационного строения нового мира может быть реализован в троякой вероятности монополярности, полицентричности или биполярности. Опустив подробности, скажем, что реально возможным принципом выступает только биполярность.

* * *

Что же произошло в конце 1980–1990-х годов? От какого мира сообщество объективно ушло, и каковы основания, противоречия, движущая сила и мотивация к развитию всей целокупности мира-системы в настоящем и будущем?

Ни одно явление окружающей нас действительности, включая всю гамму человеческих отношений, не возникает из ничего и не исчезает бесследно. Это — банальность, но банальность, имеющая для нашего анализа первостепенное значение. Ибо дает возможность установить, где, на какой глубине пластов мирового развития находится источник, в своей основе объективный, происходящих сегодня глобальных процессов.

Более того, чисто физический принцип поможет в данном случае выявить и методологическую ошибку практически всех аналитиков геоглобалистики, да, пожалуй, и всей системы исследований современных социально-экономических и идеологических процессов.

Если допустить, что выводы, сделанные относительно мировых процессов ранее, принципиально верны, то дело не в текстовых характеристиках (контекстах) истории, а, скорее всего, в том угле зрения, под которым сам исторический процесс подвергается процедуре исследования. Таким образом, речь идет не об изменении содержания исследуемых явлений, а о перераспределении пропорций, относимых к значимому содержанию и контексту. Фактически мы для более вероятного результата обязаны изменить модальность методологии исследовательской позиции.

Что мы имеем в различных вариантах традиционной парадигмы описания движения мира-системы в XX столетии? Десятки, а то и сотни

концепций и гипотез так или иначе, отталкиваясь от различной мировоззренческой основы, могут быть сведены к двум, на общих основаниях, метаконструкциям: это — доктрины дивергентного и конвергентного развития двух противоположных, хотя бы и в своей идеологизированной, знаковой форме (точно в соответствии с производными В. Парето) общественно-экономических систем.

Подчеркнем: весь спектр производных — от научно-парадигмального до радикальных пропагандистских утопий, основывается на следующих моментах.

1. Мир-система после 1917 года распался на две общественно-экономические системы.

2. По декларации своих долгосрочных целей данные системы стратегически противоположны.

3. Будущее мира-системы возможно в двух вариантах: а) победа одной мировой системы при уничтожении другой; б) сосуществование в течение неопределенно долгого срока обеих систем, взаимно диффундирующих по своим основаниям и поглощающих объемы социумов, вне входящих суперсистемы.

Если пункты 1 и 2 являются общими для всех без исключения методологий политологии и глобалистики, то по следствиям, из них вытекающим, имеют существенные различия. Концепция дивергенции, отрицая внутреннюю конгруэнтность систем, приходила к позиции 3.а); тогда как сторонники конвергентного процесса истории взаимоотношений двух мировых систем, обращая внимание на сходство ряда процессов, протекавших и в той, и в другой, отстаивали позицию 3.б). При этом содержанием текста, несущем смысловую нагрузку, выступил контент идеологических деклараций, а системный анализ морфологии, функций и динамики развития социумов рассматривался как контекст.

* * *

Собственно, это все. Постперестроечные в России и послесобытийные в мире гипотезы, делающие попытки анализа того, что произошло и происходит в человеческом сообществе даже несмотря на всю, по крайней мере, идеологическую глубину преобразований и изменений, с точностью закономерности исходят и из описанных посылок, и из имевших место ранее традиционных соотношений содержания и контекста истории.

Речь по-прежнему идет о двух, и только о двух, условиях перемен.

1. Социализм как система оказался нежизнеспособным по своим экономическим и социальным реальным основаниям. Россия «выпала» из мировой истории, и теперь возвращается в ее «животворное» лоно.

2. В борьбе антагонистических систем социализма и капитализма прямую, сравнимую с военной (а иногда даже указующую на действительную победу в реальной тайной войне), победу одержал капитализм.

Вполне вероятно и правдоподобно, что и первое, и второе утверждения, равно как и тысячи их вариаций имели некоторое место в действительном историческом процессе. Но не в таком объеме, и не в общепринятой в политической науке системе отсчета.

Империи рушатся из-за возникающего вакуума равноценного, в полном объеме понятия, субъекта взаимодействия. То есть, с исчезновением второго полюса (второй, пусть даже «дурной», стороны движущего исторические процессы противоречия). Тогда условный магнит под действием естественных законов делится на противоположные по характеру полюса уже внутри себя. В обществе носителями этого внутрисистемного полюсного напряжения становятся социальные страты и институты внутреннего мира Империи. Конец подобного процесса предельно ясен.

Кстати, аналогичные концептуальные идеи описания внутреннего состояния города-полиса имеются в воззрениях Платона и других философов древности, а именно там, где речь идет о роли в процессах общественного упадка «порчи», вырождении элит. На самом же деле здесь явно просматривается мысль о важнейшей роли второй стороны взаимодействия социальных сил — о процессе исчезновения равных элите, но противостоящих ей, как второй полюс магнита, — контрэлит, то есть, о неэффективности взаимодействия и также неэквивалентности объемов корпоративного (как качественно, так, возможно, и количественно, в соответствующих пропорциях) взаимодействия элиты и контрэлиты, «партнеров-конкурентов» в форме социальных страт, классов, групп или институтов общественного устройства.

* * *

Если вычленишь рациональное зерно в тех трактовках, которые даны Ф. Броделем к понятийному аппарату описания рыночной экономики и капитализма, то уже в самом процессе динамики капиталистического способа производства отчетливо видно подтверждение сделанного нами вывода и его детализация.

Так, можно представить себе две эволюционные лестницы в социальном обществе: эволюцию содержания и форм частной жизни, воплощенная в институтах гражданского общества и эволюцию политического общества, то есть собственно институтов государства (органов государственной власти и управления).

Первая есть множество, развивающееся на основе рыночных отношений приватного или корпоративного характера.

Вторая представляет собой в тенденции идеальную замкнутую корпорацию и может существовать в форме рынка только во взаимодействии с аналогичными корпоративными единицами, то есть, выражаясь конкретно, с другими государствами.

Любое нарушение механизмов и содержания иерархии этих процессов ввергнет общество в период нестабильности.

Еще более важным методологическим постулатом является вывод о стратегических целях геополитических игроков. По сути, цель одна — ресурсы планеты. При этом для решения конкретных задач, обеспечивающих возможность достижения цели, не имеет больше значения ни политическая, ни экономическая, ни идеологическая «окраска» партнеров. Способны предоставить ресурсы, то годятся в союзники, хотя бы и временные, если нет, то подлежат «зачистке», будь они хоть кровными родственниками.

Отсюда две стороны современного понимания свободы для стран СНГ и им подобных. Первая позиция связана с национальной политикой протектората реальной экономики и готова войти в систему международного разделения труда и власти как суверенное (без всяких оговорок) государство. Вторая позиция впервые в истории рождает на наших глазах целые компрадорские государства, играющие в геополитических финансовых играх за «болвана», проедавая будущее своих народов. Первый путь — складывание биполярной системы с центрами сдерживания и развития. Во втором случае деградирующий в историческом времени альянс, способный взорваться мировым конфликтом. В этом контексте хочу обратить внимание на тот факт, что когда способы ведения современных войн становятся все технологичнее, их мотивация обретают явную тенденцию к деградации: от борьбы идей — к борьбе за биологическое выживание.

* * *

Учитывая закономерности любого социального переходного периода, такие как усиление внеэкономического ведения хозяйства, роли государства в его политическом универсализме и складывание социальной утопии, необходимо подчеркнуть следующее. Созидание возможно только на прогнозируемой плановой, в пределах идеала, основе; в монополизированном ТНК или ГКМ мире нет места «невидимой руке» рынка.

Таким образом, в мировом геополитическом пространстве Россия и СНГ могут иметь только два варианта будущего: либо мишень сырьевых и территориальных претензий соседей, либо, при условии сознательной совместной интеграции в единстве культуры, стратегических целей и действий, сложиться как «фигура» геополитического актора, имеющего свои общие задачи в поле мировой истории. При этом Россия никому ничего не должна, ни как истец, ни как ответчик. Она может лишь выстроить такую

систему внешней и внутренней политики, которая станет притягательной для наших братских народов и их суверенных государств.

Вместе с тем, внешняя политика — всегда отражение и продолжение внутренних политических задач. Поэтому параллельно с выстраиванием эффективной системы партнерства в международном пространстве необходимо запустить механизмы регенерации российского общества.

Если посчитать все социальные обязательства нашего государства — от закона о ветеранах до закона об основах культуры, — то они составят два с половиной консолидированных бюджета. Их объем достигает 70 млрд долларов или 50 процентов ВВП. Государство реально финансирует лишь 10–15 процентов этих обязательств. В то же время в сфере экономики уровень коррупции в России сопоставим с бюджетом государства, и оценивается в 240 млрд ежегодно.

Общий вывод: для достижения цели восстановления экономического потенциала страны необходимо изменить социальные параметры реформ, т.е. установить принципиально иные цели социально-экономического и духовного развития и заменить властную элиту.

Поэтому решать эти задачи придется в условиях мобилизационной экономики и реиндустриализации в направлении формирования экономического базиса процветания и независимости. Для того, чтобы получить кредит доверия граждан, необходимо открыто манифестировать цели и задачи, лозунги и параметры того системного сообщества, в направлении идеалов которого будут реализовываться государственная стратегия и тактика.

Но, в любом случае, необходимо иметь в виду, что даже при таком подходе нельзя делать те ошибки экономического курса, которые уже отринуты исторической практикой.

* * *

Речь идет о том, что ни одна страна и никогда не выходила из системных кризисов путем инициирования не только предельной, но даже слегка окрашенной либеральной методологии. Во всех государствах главным побудительным мотивом являлась всемерная стимуляция внутреннего спроса, приоритет зарплаты над любыми иными индикаторами, сдерживание безработицы и использование возможностей развивающегося дефицита государственного бюджета.

Более того, если хаос безвременья и кризисов всегда сочетается с попытками олигархов организовать наступление на права наемных трудящихся (последние годы — характерный пример), то выход и восходящее экономическое строительство всегда сочетается союзом труда и капитала, эффективным социальным партнерством и неотвратимым соблюдением всех государственных гарантий.

В условиях постиндустриальной экономики принципиально меняются и вызовы в сфере взаимодействия труда и капитала. От прямой оппозиции, рассматривающей только моменты их противоположности, процесс экономического развития настойчиво востребует трудовые функции самого труда, как в виде деятельности собственника по обеспечению движения и прироста капитала, так и прямого живого труда топ-менеджмента по управлению современными производствами и технологическими циклами в финансовом обращении.

Второй стороной выступает необходимость реальной капитализации овеществленного в производственном процессе труда. Сегодня наемный работник, особенно высокой и высшей квалификации, не может и не должен рассматриваться только в качестве издержки воспроизводственного цикла. Право наемных работников, как собственников рабочей силы, в чисто финансовом обеспечении затраченного труда выражается уровнем заработной платы; в праве собственников — в формах, системообразующих возможности эту собственность поддерживать и воспроизводить. То есть, через систему фондов общественного потребления должна реализовываться та часть права собственников рабочей силы, которую работодатели и государство не могут или не хотят обеспечивать ростом реальной заработной платы.

О цене, которую народ нашей страны заплатил за алчные устремления отдельных лиц под вывеской демократии и либерализма, сказал в частности на встрече со своими доверенными лицами В.В. Путин еще в начале тысячных годов: «Политические спекуляции на естественном стремлении людей к демократии, серьезные просчеты при проведении экономических и социальных реформ привели тогда к очень тяжелым последствиям. За чертой бедности оказалась фактически треть населения страны. ... Больше того, страна впала в унижительную зависимость от международных финансовых организаций и разного рода международных финансовых спекуляций. Только вдумайтесь: в пересчете к ВВП внешний долг России на конец 2009 года составлял почти 90 процентов. ... Результат — экономическое неравенство регионов и, как следствие, экономическое неравенство граждан. И это становилось нормой. ... Люди ... не верили уже и в то, что государство сможет исполнять даже минимальные социальные обязательства».

Сегодня страна поднимается с колен, прямо глядя в лицо своим недругам и в собственное будущее. Одно только историческое воссоединение Крыма с Россией дорогого стоит.

* * *

Вместе с тем, необходимо констатировать, что даже те позитивные изменения, которые имеют место быть в нашей стране, сами не определены по основным структурообразующим социальным параметрам. Нет

обоснования такого, а не иного хода социального движения; отсутствуют стратегические ориентиры общественного и государственного строительства; а проблема роли государства в принципе отражена неверно.

И, главное, не обозначен ясный социальный приоритет: власть с народом или с узкой группой, обогатившейся за счет ограбления населения, собственников? Представляется, что без ответа на этот и подобные им существенные для жизнедеятельности нашего общества вопросы оно не приобретет уверенности не только в завтрашнем дне, но даже в границах сегодняшнего, еще длящегося, дня. Поэтому мы вправе констатировать, что выводы девяностых годов прошлого века еще не отменены, они только приостановлены.

Сегодняшние лидеры российской политики, не отличаясь выдающимися способностями, имеют политическую волю и, что важнее всего, кредит доверия общества и направленные на оптимистическую цель социальные ожидания.

В условиях действия законов переходного периода и кумулятивного нарастания формационных противоречий главным фактором успеха становится с силой закономерности возрастание роли государства. Это не означает (хотя и не отрицает, если без демагогии и лукавства) диктатуры и т.д. В арсенале государства есть практически неограниченный набор легитимных средств. Так, в поле исключительных общероссийских проблем государственного строительства, национальной безопасности и стратегических системообразующих отраслей хозяйства оно является «самодержцем»; в развитии общественных отношений — универсальным инструментом формирования госзаказа и социального пакета важнейших решений; в сегменте рыночных отношений — влиятельным игроком на рынке финансовых потоков, товаров и услуг. В сфере творчества, образования и воспитания в тандеме с частной инициативой государство должно выступить сотворцом и меценатом.

Но, учитывая историю, традицию и современный характер политической власти в России, обязательным условием эффективности ее решений должна стать манифестация социальных намерений.

Во-первых, необходимо точно сформулировать стратегические цели, тактические задачи и ориентиры развития общества.

Во-вторых, государство должно сформировать систему государственной службы, при этом: а) сформулировать идею государственного служения, а не зарабатывания денег за счет государства; б) прекратить огульную травлю государственных служащих — настоящих коррупционеров и глава государства, и премьер правительства знают в лицо, ибо коррупция начинается там, где существует влияние на распределение бюджетных финансовых потоков, что совсем не поголовное взяточничество. Право и государственная служба — два уникальных и единственных рычага государства. Других не было в истории и не будет в будущем.

В-третьих, государство должно определиться с социальной базой развития. Все = никто. Следует определить главное звено и общественные силы, способные инициировать их развитие.

В-четвертых, в пространстве складывания информационной матрицы нового общества необходимо развернуть мощную систему идеологического обеспечения поставленных задач. И именно здесь в формате опыта продвижения основных идей государственного строительства и национальной безопасности нам поможет знание профессиональных черт советского государствоведения, основ государственного управления и тенденция настоящего самоуправления.

* * *

Одинаковые социальные причины с силой закона порождают одинаковые социальные следствия. За карточными столами образованной Европы русские дворяне проиграли не только свою честь, но и Российскую Империю. Нынешние «олигархи» в куршавелях проматывают не только свое ничтожество, но и Россию. За 1861 годом пришел 1917-й! А дальше?!

В то же время общность истории, традиций, совместной жизни; современных целей и геополитических задач делают Евразийский проект, провозглашенный тремя государствами, ведущей стрелой в будущее всей системы СНГ. Практика свидетельствует: с аутсайдерами геополитики сильные мира сего заигрывают только в благополучные времена. В кризис возможны только две модели: договоренность сильных за счет слабых и война.

Основой всей системной трансформации должен стать всеобъемлющий национальный проект «Культура», ибо главный ключ в будущее — люди, и в профессиональном понимании, и в духовном измерении. Любое образование суть межпоколенческая трансляция культурных смыслов; воспитание — культурных навыков; деятельность — исторического опыта и наследования духовных и материальных ценностей.

Подтверждая изложенное, события, водоворот которых начинает захлестывать социальное пространство современной России, наглядно демонстрируют даже далеким от политики обывателям, как относительность любых конкретных предсказаний, так и железную неотвратимость действия законов общественного развития. Тех законов, знание которых вычеркнуто из сознания современного поколения россиян.

А основной закон социального движения гласит: если система не развивается, она неизбежно деградирует. Поэтому выбор один: либо вектор развития 1917 года, либо падение в апокалипсис 1992-го.

Примечательным обстоятельством, формирующим поле исследования, выступает схожесть ситуации сегодняшнего дня с концом 80-х годов прошлого столетия. Налицо экономическая, особенно производственная,

стагнация, практически замороженная научная мысль в сфере анализа системы социальных отношений, массовое брожение и полная неопределенность как текущего состояния, так и перспектив.

Фактически налицо все объективные признаки революционной ситуации: кризис верхов, которые в силу профессиональной некомпетентности и коррупции не в состоянии управлять не только общественными, но уже и хозяйственными процессами; нежелание и неумение масс приспособиться к отсутствию выбора жизненного пути и его гарантий со стороны общества в виде государственной правотворческой и правоохранительной систем; резкое ухудшение материальных условий жизни общества, с одной стороны, из-за несправедливой системы производства и распределения, с другой — из-за разнузданного ценового грабежа естественных и социальных монополий. Фактически уже реализует себя второй признак — превращение относительного обнищания масс в абсолютное. Нарастание пока еще различных по содержанию и форме проявления протестных акций свидетельствует о неизбежной активизации населения.

Но революционная ситуация, складывающаяся в современных условиях, обладает жесткой минусовой составляющей. В ней отсутствует субъективный фактор. На уровне общества при отсутствии теоретического сознания в форме политической идеологии событийный ряд проецируется на уровне массовой психологии. Отсутствие субъективного фактора в виде партии профессиональных революционеров (тогда как профессиональные контрреволюционеры и проводники влияния чуждых нашему обществу идей налицо) и революционных лидеров, как теоретиков, пропагандистов и организаторов массового политического движения, которое только и есть политика в ее сущностном определении, в отличие от придворного интриганства нынешней «политической элиты».

Вместе с тем, характерным и делающим ситуацию еще опаснее признаком, является полное отсутствие у верхов ресурсов управления, у низов — ресурсов выживания, в том числе биологического и организационного. Свидетельством первого является предложение «олигархата» об увеличении рабочего времени, пенсионного возраста, гибкости рынка труда и т.п. Спекулятивный характер псевдоэкономических отношений и гигантское превышение предложения денег богатым над предложением доступных материальных благ и услуг основной массе трудящегося населения на фоне практического искоренения национального промышленного производства превращает биологическую сверхэксплуатацию живых людей в единственный источник капитализма в его современной извращенной форме.

В то же время, отсутствие усилиями государственной системы образования, культуры и воспитания, живой организации масс и скрепляющей силы социальной утопии, в религиозной или иной форме, делают форму протеста единой и безальтернативной — безумный, безудержный и беспо-

щадный русский бунт. Причем, в какую бы форму российских национальностей и конфессий он ни одевался (превращение художественного фильма «Матильда» в информационный повод обострения социального противостояния и складывание реальной идеологии «чёрной сотни» — очень настораживающий процесс в массовом сознании).

Можно сказать, что в не столь давнем феномене Куцевской станции, примерах с Улюкаевым и Захарченко, как в зеркале отражается факт коррумпированности гниющих верхов, а факты опять же недавних Кондопоги, Манежной и Болотной прогнозируют форму грядущей социальной реакции. То, что за серыми всегда приходят черные, показал украинский майдан. А весь опыт перестроечных лет гласит: одна только протестная реакция ведет к гибели социума, одновременное заигрывание с верхами и низами парализует механизмы управления, и если запущены системные механизмы распада, участие в спасении социальной системы эффективных руководителей ускоряет процессы ее уничтожения. Как только национальные формы или религиозные противоречия проявятся в открытом социальном протесте, искать виновных будет поздно.

* * *

Суммарным уроком Великой революции может стать вывод о том, что в условиях социального расслоения и идеологического противостояния власти и оппозиции, дело не в самой оппозиции, а в том, что сил на развал и обрушение ситуации хватить может, а вот ресурсов на восстановление разрушенного сегодня у страны, проевшей свое прошлое и начавшей проедать будущее, просто нет.

Весь мировой опыт, с положительным учетом уроков Великой Октябрьской социалистической революции с точностью естественнонаучного закона утверждает, если мир не перестроится на восходящую волну социалистических общественных отношений, во всех вариантах и сценариях исчерпавшего все ресурсы существования капитализма, опять же, в любых его организационных социальных формах будущего у человечества нет.

Список литературы

1. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
2. Забелин А. В. От коммунистической утопии к рыночной // Кентавр. 1994. № 3–4.
3. Зиновьев А. А. Коммунизм как реальность. М., 1994.
4. Зиновьев А. А. Конец российского эксперимента. М., 1995.
5. Ленин В. И. Государство и революция. М.: Политиздат, 1977.

6. Ленин В.И. Две тактики социал-демократии в демократической революции. М., 1964.
7. Ленин В.И. О государстве. М.: Политиздат, 1983.
8. Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти. М.: Политиздат, 1983.
9. Ленин В.И. Последние статьи, письма и речи // Полн. собр. соч. Т. 45.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч. 2-е изд. Т. 1.
11. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1861 года (первоначальный вариант «Капитала»). М.: Политиздат, 1980.
12. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Соч. 2-е изд. Т. 3.
13. Тойнби А. Дж. Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
14. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М.: Культура, 1996.
15. Тоффлер А. Футурошок. Спб.: Лань, 1997.
16. Яковец Ю.В. История цивилизаций. М.: ВлаДар, 1995.
17. Яковец Ю.В. Циклы. Кризисы. Прогнозы. М.: Наука, 1999.
18. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994.

Н.Н. САНКИНА

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ НАКАНУНЕ И В РЕВОЛЮЦИЯХ 1917 ГОДА: ОПЫТ И УРОКИ

***Аннотация.** В статье обобщается опыт развития непрямого способа общественного контроля в 1906–1916 годах. Автором рассматриваются всеобщие, равные и прямые выборы во Всероссийское Учредительное собрание, проведённые 12 (25) ноября 1917 года, которые явились высшей формой непосредственного способа общественного контроля. Раскрываются иные формы прямого и представительного способов общественного контроля в ходе Февральской и Октябрьской революций 1917 года. Извлекаются основные уроки, необходимые для эффективного развития общественного контроля в настоящее время.*

***Ключевые слова:** прямые и представительные способы общественного контроля, формы общественного контроля, субъекты общественного контроля, инструменты общественного контроля, имитация общественного контроля, эффективный общественный контроль, прозрачность деятельности органов государственной власти как механизм общественного контроля.*

PUBLIC CONTROL ON THE EVE OF AND IN THE REVOLUTIONS OF 1917: EXPERIENCE AND LESSONS

***Abstract.** The article generalizes the experience in the development of indirect ways of social control in 1906–1916. The author considers the universal, equal and direct elections in the all-Russian Constituent Assembly held on the 12th (25th) of November 1917, which was the highest form of the direct method of social control. Disclosed other forms of direct and representative methods of public control during the February and October revolutions of 1917. Extracted the main lessons, necessary for the effective development of public control at the present time.*

***Keywords:** direct and representative methods of public control, forms of social control, subjects of public control, instruments of social control, imitation and*

САНКИНА Наталья Николаевна – преподаватель Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Уфа

social control, efficient public control, transparency of activity of bodies of state power as a mechanism of social control.

Как показывает мировой и отечественный опыт, чтобы государственная власть эффективно исполняла свои функции, она должна быть под постоянным и строгим общественным контролем, выступающим в качестве инструмента укрепления страны. В начале XX века Россия прошла определенный путь в развитии общественного контроля, который открыл возможности для формирования гражданского общества и строительства правового государства. Однако революции 1917 года, прервав эволюционное развитие страны, остановили этот процесс. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть опыт развития общественного контроля в России (в том числе его способы, формы и инструменты) накануне и в ходе революций 1917 года, извлечь из него необходимые уроки для эффективного развития общественного контроля в настоящее время.

Общественный контроль накануне Февральской революции

Перед Февральской революцией в России общественный контроль осуществлялся непрямым (представительным) способом: во-первых, в форме не прямых выборов четырех Государственных Дум Российской империи (1906–1912); во-вторых, в форме парламентского контроля; в-третьих, посредством деятельности различных общественных организаций.

Смысл непрямого способа общественного контроля в форме не прямых выборов Государственных дум состоял в избрании выборщиков отдельно по шести куриям: крестьянской, землевладельческой, городской, рабочей, казачьей, инородческой. Согласно Положению о выборах 1906 года, на основе которого проводились выборы в первую и вторую Государственные думы, избирательных прав лишались женщины, лица, не достигшие 25 лет, военнослужащие, учащиеся, кочевые и бродячие инородцы (кроме калмыков и казахов), люди, состоящие под опекой, виновные в преступлениях, повлекших поражение в правах, отрешенные от должности по суду (в течение 3 лет после отрешения). Не имели права голосовать губернаторы, вице-губернаторы, градоначальники, их помощники и чины полиции.

Остальные граждане имели право голоса, если они удовлетворяли условиям, необходимым для включения в одну из курий. В состав курий не попадали крестьяне и казаки, не являвшиеся домохозяевами, батраки, лица, не занимающие отдельных городских квартир и неслуживые интеллигенты, ремесленники, прислуга, деклассированные элементы. Кроме этого, для включения в курии землевладельцев и горожан требовалось

иметь соответствующий ценз в течение года перед составлением списков избирателей¹.

Несмотря на ограничительные меры для общественного контроля, в выборах в первую Государственную думу участвовало свыше 200 партий и общественных организаций (включая региональные), которые представляли все политические, социальные, этноконфессиональные силы. РСДРП, национальные социал-демократические партии, Партия социалистов-революционеров и Всероссийский крестьянский союз объявили выборам в первую Думу бойкот².

Непрямой способ общественного контроля состоял в том, что его осуществляли не непосредственно подданные Российской империи, а избранный ими представительный орган законодательной власти — Государственная дума. Непрямой (представительный) способ общественного контроля выражался в форме парламентского контроля над законодательной деятельностью царя и деятельностью исполнительного органа власти — правительства. Однако все попытки субъектов представительного общественного контроля — депутатов, фракций, групп и партий, входивших в Государственную думу, организовать его над деятельностью правительства, тем самым сделать его ответственным перед обществом, а не только перед российским императором, окончились неудачей.

Николай II распустил первую Думу уже через 72 дня после ее избрания, а вторую — через 104. Это было связано, с одной стороны, с радикализмом избранных депутатов, действовавших по принципу: «нет у революции начала, нет у революции конца», а с другой, — нежеланием самодержавной власти идти на уступки обществу и быть ответственной перед народом³.

Что касается качества деятельности субъектов общественного контроля второй Государственной думы, то судя по мемуарной литературе, основная масса депутатов состояла из заурядных людей, некомпетентных в государственных делах, и руководствовавшихся предвзятыми идеями⁴. Только в третьей Государственной думе депутаты и правительство наладили конструктивное сотрудничество, которое позволило укрепить Россию⁵. Субъектам представительного общественного контроля удалось интегрироваться в систему высших органов власти, но и они не сумели поставить под свой контроль деятельность членов правительства, которые по-прежнему оставались неприкосновенными.

¹ Демин В. А. Положение о выборах 1906 года // Государственная дума России. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. Государственная дума Российской империи 1906–1917 / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2013. С. 545–546.

² Костылев А. В. Выборы в первую Государственную думу // Государственная дума России... С. 127.

³ Демин В. А. Первая Государственная Дума (27.4–8.7.1906) // Государственная Дума России... С. 524–525.

⁴ Демин В. А. Вторая Государственная Дума (20.2–3.6.1907) // Государственная Дума России... С. 119.

⁵ Демин В. А. Третья Государственная Дума (1.11.1907–30.8.1912) // Государственная Дума России... С. 713–719.

Безответственность перед народом, как следствие, некомпетентность в управлении страной привели Николая II под давлением правящих элит Великобритании и Франции к вовлечению России в Первую мировую войну. Царь и его окружение больше заботились об интересах своих союзников по военно-политическому блоку — государств Антанты, чем о национальных интересах России, которая была не готова к масштабной и затяжной войне. Как результат, российская армия несла большие людские потери, а страна погрузилась в социально-экономический и политический кризис.

Непрямой способ общественного контроля осуществлялся также в форме деятельности общественных организаций в годы Первой мировой войны, смысл которого состоял в помощи фронту. Так, в 1915 году российским обществом были созданы 242 военно-промышленных комитета, контролировавших деятельность правительства по организации производства вооружений, а также их своевременной поставки на фронт. Активно действовали такие субъекты общественного контроля, как земские и городские союзы. В 1915–1917 годах они, с одной стороны, осуществляли контроль за своевременностью поставок на фронт медикаментов и качеством медицинского обеспечения. С другой стороны, общественные земские и городские организации непосредственно сами организовывали медицинскую помощь фронту.

Однако все попытки российского общества помочь своей армии, в том числе посредством организации контроля над деятельностью военного министра и чиновников правительства с помощью своих представителей — таких субъектов общественного контроля, как Всероссийский земский союз, Городской союз, Центральный военно-промышленный комитет, несмотря на определенные достижения, оказались неэффективными. Не достиг своих целей и «Прогрессивный блок», объединивший большинство депутатов Государственной думы.

Отсутствие положительных результатов в деятельности субъектов непрямого (представительного) общественного контроля было связано, во-первых, с неумением представителей власти вести конструктивный диалог с обществом, во-вторых, с радикализмом лидеров общественных организаций, в-третьих, с нежеланием народа продолжать непонятную и ненавистную им войну⁶.

Социально-экономические тяготы войны, ошибки военного командования, гибель на фронтах кадровых частей армии, коррумпированность чиновников, неумение жадной, эгоистичной и глупой властной элиты выстроить конструктивную обратную связь с обществом, привели к политическому кризису и духовному надлому народа. Итогом стала Фев-

⁶ Аринин А. Н. Общественный контроль и февральская революция 1917 г. // Февральская революция 1917 года: уроки истории. Материалы заседания круглого стола 12 марта 2007 г. / Под ред. А. Владиславлева, В. Никонова. М., 2007. С. 71–75.

ральская революция 1917 года, свергнувшая самодержавие, установившая широкие политические права, которые открыли новые возможности для развития общественного контроля в России.

Февральская революция и общественный контроль

Февральская революция 1917 года положила начало принципиально новому этапу в развитии общественного контроля в России: он впервые стал осуществляться прямым (непосредственным) способом, который проводился, во-первых, в форме всеобщих, равных и прямых выборов во Всероссийское Учредительное собрание; во-вторых, в форме митингов, демонстраций и шествий. Общественный контроль проводился так же, как и раньше, непрямой (представительный) способом в различных формах, регулирующих отношения общества с властью. Конкретно эти отношения выражались в деятельности субъектов общественного контроля — политических партий, общественных организаций местного (городского и земского) самоуправления. Февральская революция стала источником появления новых субъектов общественного контроля — фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов, крестьянских комитетов, региональных общественных структур, национальных общественных организаций.

Итогом Февральской революции стали всеобщие, равные и прямые выборы во Всероссийское Учредительное собрание, проведенные 12 (25) ноября 1917 года, которые выступили высшей формой непосредственного способа общественного контроля. Эти выборы были невиданными в истории страны, поскольку вовлекли десятки миллионов граждан России в процесс непосредственного контроля над деятельностью власти. Ничего подобного прежде страна не знала. Выступая в качестве императивной формы прямого волеизъявления граждан, эти выборы явились вершиной непосредственной демократии в России в 1917 году.

В связи с этим известный исследователь Всероссийского Учредительного собрания Л.Г. Протасов называет эти выборы важнейшим рубежом, на котором еще можно было избежать кровавой гражданской войны, сохранить перспективу народовластия, основанного на представительной демократии, не утерев при этом национальную идентичность⁷.

Февральская революция 1917 года впервые предоставила возможность также легитимно проводить митинги, шествия и демонстрации, являвшиеся формой прямого способа общественного контроля. При этом демонстрации пытались использовать все политические силы, в том числе и левые радикалы — большевики, выступавшие против общественного

⁷ См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997; Протасов Л.Г. Избирательный закон 1917 г. и выборы Всероссийского Учредительного собрания. Цитируется по: http://www.rcoit.ru/elect_history/constituent_assembly/16996.

контроля. Так, на первомайских демонстрациях, проведенных во многих городах страны (Петрограде, Москве, Кронштадте, Ярославле, Саратове, Владивостоке и др.), граждане, как свидетельствует кинохроника, несли плакаты, лозунги и транспаранты с требованием к правительству опубликовать тайные договоры, решить вопрос о земле, установить 8-часовой рабочий день. Вместе с тем были и плакаты: «Да здравствует Учредительное собрание!»⁸.

Особенно активно пытались использовать демонстрации большевики, но не как форму прямого способа общественного контроля, а как ударную силу против правительства и для захвата власти. Когда утром 20 апреля (3 мая по новому стилю) министр иностранных дел Временного правительства П. Н. Миллюков выступил с нотой, в которой заверил союзников, что Россия готова вести войну до победного конца, это стало поводом для большевиков выступить против правительства и требовать отставки министра иностранных дел. Большевики в тот же день организовали демонстрацию, в которой участвовали солдаты, матросы и рабочие Петрограда. Уже к 15–16 часам демонстранты пришли к Мариинскому дворцу с плакатами: «Миллюкова в отставку!».

По этому поводу Миллюков в своих мемуарах писал, что большинство солдат не знало, зачем их ведут к Мариинскому дворцу. Кроме запасного батальона Финляндского полка и роты Балтийского флотского экипажа в демонстрации участвовали рабочие подростки, не скрывавшие, что им за это заплачено по 10–15 рублей. На смену демонстрантам появились многолюдные процессии с плакатами: «Доверие Миллюкову!», «Да здравствует Временное правительство!». Местами доходило до столкновений, но уже к вечеру настроение, враждебное ленинцам, возобладало на улицах⁹.

18 июня большевики организовали в Петрограде демонстрацию протеста против Временного правительства. По кадрам кинохроники видно, как по Невскому проспекту проходят колонны рабочих, солдат и матросов с лозунгами: «Долой 10 министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!» и другие¹⁰. Таким образом, в условиях революционных настроений демонстрации как форма прямого способа общественного контроля превращались в разрушительную силу.

В течение восьми месяцев — с 27 февраля до 25 октября 1917 года — осуществлялся и представительный способ общественного контроля, субъектами которого были: фабрично-заводские комитеты; профсоюзы; крестьянские комитеты; общественные комитеты местного самоуправления; региональные общественные организации; граждане и общественные

⁸ Магидов В. М. Кинодокументы Февральской революции в предметном поле источниковедения // Февральская революция 1917 года в России. История и современность. Материалы круглого стола 13 марта 2007 г. / Отв. ред. Е. И. Пивовар. М., 2007. С. 119–120.

⁹ Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990. С. 311–312.

¹⁰ Магидов В. М. Указ. соч. С. 119–120.

организации, участвовавшие в законодательной деятельности Временного правительства. Они осуществляли свой контроль над деятельностью Временного правительства, органов власти местного самоуправления, администраций заводов и помещичьих хозяйств в различных, регулирующих общественные отношения формах непрямого способа контроля граждан.

Рамки статьи не позволяют раскрыть содержание работы субъектов представительного способа общественного контроля, поэтому остановлюсь только на деятельности самых активных из них — фабрично-заводских комитетах (ФЗК).

Первый из них возник уже 28 февраля в Петрограде на Путиловском заводе, когда напуганная революцией администрация сбежала, а рабочие создали комитет, который взял управление заводом в свои руки¹¹. Затем возникли фабрично-заводские комитеты на Петроградском патронном заводе, Невском судостроительном, Шлиссельбургском пороховом и других предприятиях. В те же дни ФЗК возникли в Москве на заводах «Динамо», Михельсона, Бромлея, на многих предприятиях Киева, Минска, Брянска, Тулы, Ярославля, Нижнего Новгорода, Самары и других промышленных центров страны¹².

Первоначально фабрично-заводские комитеты занимали умеренную позицию, отвечая задачам регулирования отношений между рабочими и администрацией заводов, то есть представительного способа общественного контроля. Так, ФЗК сосредоточились на повышении производительности труда, разрешении конфликтных ситуаций между рабочими и управляющими предприятиями, проведении культурно-просветительской работы. Но по мере проникновения большевиков на промышленные предприятия в апреле 1917 года ФЗК становились в своих действиях все более радикальными. Их главной задачей под влиянием большевиков стало осуществление рабочего контроля за производством и распределением. Они явочным порядком вводили 8-часовой рабочий день, решали вопросы расценок и заработной платы, приема и увольнения, снабжения рабочих продовольствием¹³.

В этих условиях в целях упорядочивания деятельности фабрично-заводских комитетов Временное правительство было вынуждено принять 23 апреля 1917 года постановление «О рабочих комитетах в промышленных заведениях»¹⁴. Этот правовой акт, с одной стороны, узаконил

¹¹ Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий. М. 1957. Т. 1. С. 15.

¹² История советского рабочего класса. В 6 т. Т. 1. Рабочий класс в октябрьской революции и на защите ее завоеваний. 1917–1920 гг. М. 1984. С. 45.

¹³ См. подробнее: Революционное движение в России после свержения самодержавия. Док. и материалы. М. 1957. Разд. IV.

¹⁴ Постановление Временного правительства от 23 апреля (6 мая) 1917 г. «О рабочих комитетах в промышленных заведениях» / Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. I. От февраля к октябрю. М. 1927. С. 22–24.

фабрично-заводские комитеты как полномочных представителей рабочего класса, с другой стороны, регулировал отношения между администрациями предприятий, представлявших интересы предпринимателей, и рабочими комитетами по вопросам заработной платы, рабочего времени, правил внутреннего распорядка и т.п. Однако по мере углубления социально-экономического и политического кризиса деятельность фабрично-заводских комитетов, оказавшихся под сильным воздействием большевиков, не признающих ни методы общественного контроля, ни законодательство, регулирующее их, приобрела радикальный характер¹⁵. В итоге рабочий контроль утратил регулирующую форму непрямого способа общественного контроля и стал не только одним из лозунгов социалистической революции, но и ударной силой по захвату власти.

Главным инструментом общественного контроля выступала периодическая печать. Уже 5 марта 1917 года Временное правительство объявило о свободе слова, печати, союзов, собраний и стачек. 26 апреля был утвержден закон о печати, который предусматривал отмену цензуры «отныне и навсегда», запрет какого-либо административного воздействия на прессу. Все политические партии получили право выпускать свою периодику. Партия меньшевиков начала издавать свой центральный орган — «Рабочую газету», а в Москве — газету «Вперед». Всего меньшевики выпускали 52 печатных издания. К печати левых партий тесно примыкали «Известия Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов», которые издавались во многих регионах России и являлись официальными органами Советов разных уровней¹⁶. Эсеры выпускали более 100 печатных изданий. Ежедневная газета эсеров «Дело народа» печаталась тиражом до 300 тыс. экземпляров¹⁷. Начали выходить 6 изданий анархистов. Кадеты вновь стали издавать журнал «Вестник партии народной свободы» и газеты — «Власть народа», «Война и мир» и др. В период с февраля по октябрь у конституционных демократов выходило около 40 изданий, которые публиковались в различных городах и регионах страны¹⁸. Большевики возобновили издание массовой рабочей газеты «Правда» в Петрограде, в Москве начала выходить газета «Социал-демократ». При этом большевистские газеты больше выступали пропагандистской силой по ликвидации Временного правительства и захвату власти, а не инструментом общественного контроля.

¹⁵ См. подробнее: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Док. и материалы. М. 1961. Разд. IV; Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. I. От февраля к октябрю. М. 1927; Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. II. Накануне октября. М. 1927.

¹⁶ Овсепян Р.П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 — начало XX. Учебное пособие / под ред. Я.Н. Засурского. М. 2005. С. 29, 40.

¹⁷ Аноприева Г., Ерофеев Н. Партия социалистов-революционеров // Политические партии России. Конец XIX — первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996. С. 440.

¹⁸ Овсепян Р.П. Указ. соч. С. 30.

Октябрьская революция 1917 года и общественный контроль

Большевистская партия, пришедшая к власти в результате государственного переворота 25 октября (7 ноября) 1917 года, чтобы защитить себя начала с ликвидации общественного контроля, осуществляемого буржуазными партиями (кадетами и октябристами), общественными земскими и городскими союзами. Первым делом большевики разрушили инструменты общественного контроля этих организаций, запретив печатание их газет. На следующий же день после государственного переворота революционный комитет закрыл 10 наиболее крупных буржуазных газет — «Речь», «Русское слово», «Русская воля», «Новое время», «Биржевые ведомости», «Копейка» и другие¹⁹.

Еще через день — 27 октября (9 ноября) Совнаркомом был выпущен «Декрет о печати», по которому закрывались газеты, выступавшие против большевиков²⁰. С октября 1917 по июнь 1918 года были закрыты или прекратили существование более 470 оппозиционных газет²¹. Поскольку все буржуазные печатные издания критиковали большевиков за незаконный захват государственной власти, то уже 8 ноября 1917 года Совет народных комиссаров выпустил декрет «О монополии на печатание объявлений»²², по которому публиковать объявления могли только правительственные советские издания.

В 1918–1919 годах были конфискованы все частные типографии и бумажная промышленность. Таким образом, ни один орган печати уже не мог появиться без разрешения советского правительства. Юридическая основа для этого решения была подведена в Конституции РСФСР 1918 года, по которой все технические и материальные средства к изданию газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати предоставлялись только в руки рабочего класса и крестьянской бедноте²³.

Таким образом, Октябрьская революция стала переломным этапом в развитии российской прессы, выступавшей до нее главным инструментом общественного контроля. С одной стороны, она перестала выполнять функции контроля общества, с другой, — после победы большевиков стала формироваться новая модель прессы, в которой печатные издания служили целям советской и коммунистической пропаганды.

¹⁹ Козлова М.М. История отечественных средств массовой информации. Цитируется по: http://textfighter.org/text3/09_gazetyi_izdaniya_pechati_9.php.

²⁰ Декрет СНК РСФСР от 27.10.1917 о печати // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 24–25.

²¹ См.: Жирков Г.В. Советская цензура периода комиссародержавия 1917–1919 гг. // История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001.

²² Декрет СНК РСФСР от 08.11.1917 о государственной монополии на печатание объявлений // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 55–56.

²³ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm>.

Следующий удар большевики нанесли по высшей форме прямого способа общественного контроля: всеобщим, равным и прямым выборам. На всенародных выборах во Всероссийское Учредительное собрание большевики со скромными 22,5 процента голосов проиграли эсерам, которые вместе с другими социалистами получили 53,5 процента голосов избирателей²⁴, или в 2,4 раза больше. Курс большевиков на радикальные преобразования оказался под угрозой. Тогда они, не считаясь с всеобщим и прямым волеизъявлением российских граждан, к 5 часу утра 6 января 1918 года разогнали Учредительное собрание как «контрреволюционное».

Механизм прямого способа общественного контроля, выраженный в форме всеобщих, равных, прямых выборов был разрушен, что противоречило национальным интересам страны. Принятая 10 июля 1918 года Конституция РСФСР лишила избирательных прав лиц, использующих наемный труд с целью извлечения прибыли, живущих на нетрудовые доходы, частных торговцев и коммерческих посредников, монахов и духовных служителей церкви, бывших служащих полиции и ряд других категорий²⁵.

Право избирать и быть избранными для всех граждан было восстановлено спустя 18 лет — в Конституции СССР 1936 года, закрепившей в 134 статье всеобщее, равное и прямое избирательное право при тайном голосовании²⁶. Но данная конституционная норма только имитировала прямой контроль граждан, поскольку выборы проходили формально — без выбора. Это была больше проверка лояльности граждан, принужденных голосовать за безальтернативного кандидата. Выборы в органы государственной власти СССР не могли отражать реального волеизъявления советских людей, следовательно, являться высшей формой прямого общественного контроля граждан.

Не стали мириться большевики и с другой формой непосредственного способа общественного контроля — митингами и демонстрациями, которые сразу же начали расстреливать. Первыми жертвами стали демонстрации, связанные с народным протестом против разгона Всероссийского Учредительного собрания. Уже 6 (19) января 1918 года рабочие, служащие, интеллигенция вышли на мирную демонстрацию в защиту, избранного всенародным голосованием Учредительного собрания. По приказу боль-

²⁴ Итоги выборов в Учредительное собрание: эсеры 39,8%, большевики — 22,5%, другие социалисты — 13,7%, кадеты — 4,5%, меньшевики — 3,1%, национальные списки — 10,6%, правые — 1,3% // Протасов Л. Г. Избирательный закон 1917 г. и выборы Всероссийского Учредительного собрания http://www.rcoit.ru/elect_history/constituent_assembly/16996.

²⁵ Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года // <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/cnst1918.htm>.

²⁶ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года // http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/chapter/11/#block_1011.

шевиков эта демонстрация была расстреляна²⁷. Ровно через три дня — 9 (22) января такая же демонстрация была расстреляна в Москве²⁸.

После расстрелов мирных демонстраций все надежды на конституционное развитие России, становление правового государства отпали, а с ним и на развитие демократического общественного контроля. Большевистский режим, проявив пренебрежение к Учредительному собранию, к всеобщему избирательному праву, как прямому контролю граждан над деятельностью власти, лишил себя легитимности, которую не могли дать советские съезды. Насильственный разгон Всероссийского Учредительного собрания, расстрелы мирных демонстраций бросили страну в гражданскую войну, унесшую миллионы человеческих жизней и повлекшую распад государства.

Альтернативой общественному контролю большевики выдвинули рабочий контроль, который, по мысли В. И. Ленина, должен был стать движущей силой социалистического строя. 5 (18) ноября 1917 года — ровно за неделю до всеобщих, равных и прямых выборов во Всероссийское Учредительное собрание, Ленин призвал рабочих сплотиться вокруг Советов и начать управлять государством посредством контроля и учета работы промышленных предприятий, количеством и качеством труда, а также распределения дефицитных товаров и продуктов²⁹. На практике окажется, что привлечение некомпетентных управляющих и замена администраций фабрично-заводскими комитетами только усугубят экономический кризис и усилят падение производства. Не справляющиеся с административными функциями представители рабочего контроля компенсировали свою некомпетентность репрессиями — разгоняли митинги и забастовки, цензурировали прессу. В то же время они стимулировали лояльных рабочих при распределении продовольствия³⁰.

Исторические уроки

Какие можно извлечь исторические уроки для эффективного развития общественного контроля в России в настоящее время?

Во-первых, общественный контроль как инструмент укрепления страны может достичь своих целей только в условиях ее эволюционного, правового развития. В революционной ситуации общественный контроль не способен выступать инструментом объединения государства, несмотря на законодательное обеспечение его различных форм и способов осуществления. Более того, революции превращают субъекты общественного контроля в ударную силу по разрушению правопорядка и политического

²⁷ Известия ВЦИК. 1918. 6 янв.

²⁸ Известия ВЦИК. 1918. 11 янв.

²⁹ Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957. С. 49.

³⁰ Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017. С. 656.

стройка, ведущих к гражданской войне. Субъекты общественного контроля должны быть способны к самоорганизации и самоуправлению, ответственному и конструктивному контролю, не допускающему революции — отход от эволюционного развития страны.

Во-вторых, результативность общественного контроля, призванного укрепить государство, зависит от защиты его интересов субъектами контроля. Их отчуждение от государства привело к революциям. Так, воспользовавшись разрушительными последствиями Первой мировой войны и кризисом власти, партии и их лидеры прервали эволюционный путь развития России, организовав две революции, — в феврале и октябре 1917 года, что противоречило национальным интересам страны. Первая революция сокрушила монархию, вторая — буржуазный строй. Россия была брошена в кровопролитную гражданскую войну, следствием которой стал распад государства. Радикализм сначала либералов, а затем большевиков были предательством национальных интересов страны, поскольку они покушались на труд и воинский подвиг своих предков, которые из поколения в поколение строили и собирали национальное российское государство. Нельзя ради эгоистичных интересов предавать национальные интересы страны. Лидеры партий и иных субъектов общественного контроля должны объединять граждан вокруг общих ценностей — государственного суверенитета, армии, защищающей страну, социального мира и национального бытия: языка, культуры, духовных ценностей, исторической памяти.

В-четвертых, эффективность общественного контроля зависит от уровня зрелости гражданского общества, связанного с сильным массовым средним классом, от развитости общей и политико-правовой культуры граждан.

В-пятых, общественный контроль эффективен тогда, когда правящая элита имеет обратную связь с обществом, принимает его конструктивные инициативы, а главное — реализовывает их. С данной точки зрения, задача российской правящей элиты состоит как в законодательном совершенствовании инструментов общественного контроля, существующих сегодня, так и в достижении прозрачности своей деятельности, необходимой для осуществления результативного общественного контроля.

В-шестых, в настоящее время следует уйти от формального, а подчас имитационного проведения общественного контроля и перейти к достижению его целей. А они состоят в том, чтобы принудить органы государственной власти и должностные лица к ответственности по обеспечению неукоснительного соблюдения Закона всеми без исключения, компетентному государственному управлению, своевременному и качественному решению экономических, социальных и гуманитарных вопросов в стране. В то же время общественный контроль призван помочь, государственным и муниципальным служащим навести порядок в своих рядах и быть

ответственными, неподкупными и компетентными. Главный инструмент общественного контроля — прозрачность деятельности органов власти и их должностных лиц. В этих целях правящей элите целесообразно создать законодательные и технические условия, в том числе с помощью электронных ресурсов для свободного получения гражданами полной, достоверной, своевременной и регулярной информации о деятельности государственных органов власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц.

Список литературы

1. Аринин А. Н. Общественный контроль и февральская революция 1917 года // Февральская революция 1917 года: уроки истории. Материалы заседания круглого стола 12 марта 2007 г. / Под ред. А. Владиславлева, В. Никонова. М., 2007.
2. Великая Октябрьская социалистическая революция: хроника событий. М. 1957.
3. Данилкин Л. А. Ленин: Пантократор солнечных пылинок. М., 2017.
4. Декрет СНК РСФСР от 27.10.1917 о печати // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.
5. Декрет СНК РСФСР от 08.11.1917 о государственной монополии на печатание объявлений // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.
6. Демин В. А. Положение о выборах 1906 г. // Государственная Дума России. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2013.
7. Демин В. А. Первая Государственная Дума (27.4–8.7.1906) // Государственная Дума России. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2013.
8. Демин В. А. Вторая Государственная Дума (20.2–3.6.1907) // Государственная Дума России. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2013.
9. Демин В. А. Третья Государственная Дума (1.11.1907–30.8.1912) // Государственная Дума России. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2013.
10. Костылев А. В. Выборы в первую Государственную Думу // Государственная Дума России. Энциклопедия в 2 т. Т. 1. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 / Под ред. В. В. Шелохаева. М., 2013.
11. Милюков П. Н. Воспоминания (1859–1917). Т. 2. М., 1990.
12. Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров к населению о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах от 05.11.1917 // Декреты Советской власти. Т. I. М., 1957.

13. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики: февраль 1917 – начало XX. Учебное пособие / под ред. Я. Н. Засурского. М. 2005.

14. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века. Энциклопедия. М., 1996.

15. Постановление Временного правительства от 23 апреля (6 мая) 1917 г. «О рабочих комитетах в промышленных заведениях» // Октябрьская революция и фабзавкомы. Ч. I. От февраля к октябрю. М. 1927.

16. Протасов Л. Г. Всероссийское Учредительное собрание: История рождения и гибели. М., 1997.

17. Революционное движение в России после свержения самодержавия. Док. и материалы. М. 1957. Разд. IV.

18. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Док. и материалы. М. 1961. Разд. IV.

В.Б. ИСАКОВ

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ: МИФЫ И РЕАЛЬНОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируются причины и обстоятельства распада СССР. Рассматриваются и критически оцениваются мифы, существующие по этому вопросу в литературе. Автор доказывает, что основной причиной распада Союза ССР стала ожесточенная борьба за власть, которую развязало руководство Российской Федерации. Опровергаются мифы об изначальной консервативности и агрессивности Съезда народных депутатов и Верховного Совета России, о противостоянии депутатского корпуса экономическим и политическим реформам в России.

Ключевые слова: Российская Федерация, съезд народных депутатов Российской Федерации, Верховный Совет Российской Федерации, Президент Российской Федерации, экономические и политические реформы в России, экономический и политический кризис в России, противостояние Президента и народных депутатов России, мифы российской истории.

THE POLITICAL MYTHOLOGY OF YESTERDAY AND TODAY: MYTHS AND REALITIES OF MODERN RUSSIA

Abstract. The article analyses the causes and circumstances of the dissolution of the USSR. Reviewed and critically assessed the myths that exist on this subject in the literature. The author proves that the main reason for the collapse of the Soviet Union became fierce power struggle waged by the leadership of the Russian Federation. The article refutes the myths about original conservatism and aggressiveness of the Congress of people's deputies and the Supreme Soviet of Russia, opposition deputies economic and political reform in Russia.

ИСАКОВ Владимир Борисович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, в 1990–1993 годы – народный депутат РСФСР, председатель палаты Верховного Совета РСФСР, депутат Государственной Думы первого созыва, председатель Комитета Государственной Думы по законодательству, г. Москва

Keywords: *Russian Federation, Congress of People's Deputies of the Russian Federation, The Supreme Council of The Russian Federation, The President of The Russian Federation, economic and political reform in Russia, economic and political crisis in Russia, the confrontation between the President and People's Deputies of Russia, Myths of the Russian history.*

Конец восьмидесятых, начало девяностых годов прошлого века — уникальный, возможно, неповторимый период начала реформ. В России назрели неизбежные социальные и экономические преобразования, общество ждало их. Этими же настроениями был проникнут и депутатский корпус, избранный в 1990 году впервые за многие годы на альтернативной основе. Большинство депутатов, независимо от партийной принадлежности, понимало необходимость реформ и поддерживало их, иначе трудно объяснить, почему I съезд народных депутатов РСФСР, состоявшийся более чем на 86 процентов из членов КПСС, на одном из первых своих заседаний конституционным большинством и под аплодисменты упразднил статью 6 Конституции РСФСР о руководящей роли КПСС.

Основные задачи демократических реформ были вполне очевидны и включали следующее:

- демонтаж однопартийной политической системы и обеспечение политического плюрализма, который неизбежно привел бы к созданию в стране многопартийной системы;

- восстановление дееспособности представительных органов государственной власти, советов народных депутатов, которые в тот период выполняли в основном декоративные функции;

- ликвидацию вопиющих проявлений бюрократизма в общественной жизни: номенклатурных привилегий, неподконтрольности и безответственности чиновников, кабинетного способа принятия кадровых и иных государственных решений;

- в экономической сфере: создание предпосылок для конкуренции между различными формами собственности; защиту ростков частной инициативы и частного предпринимательства;

- ликвидацию проявлений диктата и тоталитаризма в духовной сфере: ограничений на подписку печатных изданий, спецхранов в архивах и библиотеках, замалчивания отдельных фактов и целых периодов отечественной истории и т.д.;

- создание предпосылок для формирования плюрализма мнений, идеологического плюрализма, свободы научного творчества, интеллектуальной свободы;

- признание фактов грубейших нарушений прав человека и ликвидацию почвы для подобных нарушений в будущем;

- осуществление демократизации федеративного устройства государства, разгрузку от избыточных полномочий верхних этажей власти и передачу

собственности, полномочий и ответственности вниз, на уровень субъектов Российской Федерации и муниципальных образований.

Однако практическая реализация этих назревших задач оказалась далеко не простой. На авансцене российской политики со всей очевидностью столкнулись две линии, две стратегии реформаторских действий — линия цивилизованного правового реформаторства и линия политического и правового экстремизма. Напомню хотя бы некоторые исторические вехи их борьбы.

12 июня 1990 года была принята Декларация о государственном суверенитете, провозглашающая демократическое правовое государство, принцип разделения властей, необходимость преобразования Российской Федерации на новых демократических началах. Однако в Декларацию была включена статья 5 о верховенстве российских законов над общесоюзными, создающая тем самым правовое основание для последовавшей вскоре войны российских и союзных законов.

22 июня 1990 года I Съезд народных депутатов РСФСР принимает постановление «О разграничении функций управления организациями на территории РСФСР (Основа нового Союзного договора)», в котором закладывается механизм разрушения союзной исполнительной власти — Совет Министров РСФСР подчиняется исключительно Верховному Совету РСФСР и съезду народных депутатов РСФСР, Союзу ССР делегируется ограниченное число функций, в России создаются собственная банковская и таможенная системы, органы МВД и безопасности переводятся в российское подчинение и т.д.

24 октября 1990 года принимается беспрецедентный в мировой практике Закон РСФСР «О действии актов органов Союза ССР на территории РСФСР», предусматривающий ответственность должностных лиц и граждан за *соблюдение* законов СССР. Это уникальный в мировой практике пример, когда ответственность была установлена не за *нарушение*, а за *соблюдение* законов. Следует, правда, отметить, что нам не известны примеры практического применения этого удивительного по своей юридической абсурдности закона.

31 октября 1990 года Закон РСФСР «Об обеспечении экономической основы суверенитета РСФСР» объявляет все имущество на территории РСФСР собственностью РСФСР. Золотой запас, валютный и алмазный фонды СССР объявляются собственностью союзных республик.

31 октября 1990 года принимается Закон РСФСР «О формировании бюджетов РСФСР в 1991 году», в соответствии с которым Россия в одностороннем порядке перешла на одноканальную бюджетную систему (т.е. обязалась перечислять Союзу ССР процент от собранных на ее территории доходов: что, разумеется, не было выполнено).

5 апреля 1991 года III Съезд народных депутатов РСФСР принимает постановление «О перераспределении полномочий между высшими го-

сударственными органами РСФСР для осуществления антикризисных мер и выполнения решений Съездов народных депутатов РСФСР», в соответствии с которым Председатель Верховного Совета РСФСР получает де-факто президентские полномочия, в том числе право издавать распоряжения, обязательные для исполнения на территории РСФСР. Хотя данное постановление отменяло действие ряда норм Конституции РСФСР, оно было утверждено съездом простым большинством голосов. На «мелкие юридические формальности» к тому времени перестали обращать внимание.

Политические события, известные под названием ГКЧП (19–21 августа 1991 г.), дали новый сильнейший толчок нарастанию политического и правового экстремизма:

1 ноября 1991 года V Съезд народных депутатов РСФСР принимает постановления «Об организации исполнительной власти в период радикальной экономической реформы» и «О правовом обеспечении экономической реформы». Президент РСФСР получает право самостоятельно решать вопросы структуры высших органов исполнительной власти, назначать и снимать указами глав администраций субъектов Российской Федерации. Установлено, что законы РСФСР, указы Президента РСФСР, принятые в обеспечение экономической реформы, подлежат *«приоритетному исполнению»* по сравнению с законами. Президенту РСФСР было дано право приостанавливать любые законодательные акты Союза ССР, «препятствующие проведению экономической реформы». Президент РСФСР получил право издавать указы, имеющие силу закона.

31 марта 1992 года был подписан Федеративный договор, точнее, три договора, с разными категориями субъектов Российской Федерации — своеобразная «уступка» федерального центра субъектам Федерации. Роль института Федеративного договора в политическом и конституционном процессе, на мой взгляд, неоднозначна. Он привел к «дублированию» конституционного процесса, разделению его на «конституционную» и «договорную» части, вскоре вступивших между собой в конфликт. Последствия этого конфликта не исчерпаны до сих пор: неясен статус Федеративного договора как части действующей Конституции Российской Федерации; непонятна роль договоров о разграничении полномочий и предметов ведения, заключенных на его основе.

Правовая непоследовательность и противоречивость проводимых преобразований провоцировала развал управления, неуверенность в обществе, усиливала нарастающие экономические проблемы и политические трудности. К сожалению, линия экстремизма в политике и экономике в конечном итоге возобладала. Страна пережила распад союзной государственности и несколько попыток неконституционной смены власти. Сентябрьско-октябрьский кризис 1993 года подвел окончательную черту под рыхлым, плохо организованным, но все же конституционным, путем

развития реформ в России. Таков далеко не безоблачный фон, на котором появилась и была принята ныне действующая Конституция Российской Федерации.

* * *

Нельзя не замечать, что в связи с распадом Союзного государства сознательно создается и укрепляется мифология, призванная создать искаженное представление о содержании и сущности происходивших тогда процессов, обелить их инициаторов и участников, виновных в двоемыслии, неисполнении служебного и общественного долга, беспринципности, правонарушениях, а порой и уголовных преступлениях.

Миф первый: Советский Союз распался сам под грузом проблем. Этот миф был рожден буквально в первые дни после подписания Беловежского соглашения для объяснения и легитимации действий по развалу СССР. Выступая перед депутатами Верховного Совета Российской Федерации перед голосованием по Беловежскому соглашению, Б.Н. Ельцин заявил: «Переговоры в Беларуси стали закономерным следствием тех процессов, которые развивались в течение последнего времени. В течение нескольких лет страна переживает глубокий кризис государственности. Разложение мощных органов центра вело к утрате управляемости, усилило экономический кризис, падение жизненного уровня населения, увеличило социальную нестабильность... Еще два года назад стало ясно, что союзные структуры не способны к коренному обновлению. Наоборот свои последние жизненные силы командная система бросила на сохранение своего всевластия, стала главным препятствием реформ. Декларации о суверенитетах 1990 года коренным образом изменили ситуацию. Практически был поставлен крест на унитарной модели Союза... Главный итог состоит в следующем. Три республики, которые выступали учредителями СССР, приостановили процесс стихийного, анархичного распада того общего пространства, в котором живут наши народы... В Соглашении констатируется тот факт, что СССР прекращает свое существование. Но я отвергаю обвинение в адрес подписавших в том, что они якобы самовольно ликвидировали СССР» (Из стенограммы заседания Верховного Совета РСФСР, 12 декабря 1991 года).

Другими словами, Союз ССР не ликвидировали, он якобы «умер сам». Но это далеко от реальности, от того, что происходило на самом деле. Пытаясь предстать сегодня в белых одеждах, организаторы развала СССР на самом деле активно вели к этому результату. Приведем некоторые почти забытые ныне примеры того, как российское руководство разваливало Союз ССР:

«На территории Российской Федерации право собственности на землю, ее недра, воды, леса, другие природные богатства, основные про-

изводственные фонды, иное имущество и фонды регулируются законами РСФСР и автономных республик» (Закон РСФСР «О собственности на территории РСФСР», 13 июля 1990 года).

«Признать недействительными заключенные после принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР без согласования с РСФСР внешнеэкономические и союзно-республиканские соглашения и сделки по продаже алмазов, золота, платины, драгоценных камней, серебра, нефти, угля, газа, урана, редкоземельных, цветных и черных металлов, лесоматериалов, пушнины, зерна и других стратегических ресурсов и товаров». «Установить, что РСФСР не несет обязательств по кредитам, а также соглашениям и сделкам по указанным в статье 1 ресурсам и товарам, заключенным без согласия соответствующих органов РСФСР». «Совету Министров РСФСР... официально оповестить иностранные представительства и организации о данном Постановлении» (Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 августа 1990 года).

«На заседании Верховного Совета СССР 21 сентября 1990 года Президент СССР выступил с предложением предоставить ему чрезвычайные полномочия, включая право введения президентского правления в суверенных республиках и роспуска их высших органов государственной власти. В случае предоставления Президенту Верховным Советом СССР таких полномочий Верховный Совет РСФСР, Президиум Верховного Совета РСФСР, Председатель Верховного Совета РСФСР примут все необходимые меры по защите суверенитета и конституционного строя РСФСР» (Заявление Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 сентября 1990 года).

«Нормы законодательных и иных актов Союза ССР применяются на территории РСФСР, если они не противоречат Декларации о государственном суверенитете РСФСР, другим законодательным актам РСФСР. Умышленное невыполнение законодательных актов РСФСР и республик, входящих в состав РСФСР, должностными лицами, не содержащее состава преступления, влечет административную ответственность в виде штрафа в размере от пятисот до десяти тысяч рублей, налагаемого в судебном порядке» (Закон РСФСР от 10 октября 1990 года).

«Акты органов СССР, изданные до принятия настоящего Закона, действуют на территории РСФСР, если они не приостановлены Верховным Советом РСФСР или Советом Министров РСФСР». «Решения действующих на территории РСФСР государственных органов, органов общественных, политических, кооперативных, иных организаций и предприятий, должностных лиц, а также договоры и иные сделки, принятые или совершенные на основании актов органов СССР, не ратифицированных, не подтвержденных или приостановленных в соответствии с настоящим Законом, являются недействительными». «В случаях совершения действий, предусмотренных статьей 5 настоящего Закона, граждане, должностные

лица, государственные органы, органы общественных, политических, кооперативных, иных организаций и предприятий несут ответственность в соответствии с законодательством РСФСР» (Закон РСФСР от 24 октября 1990 года).

Естественно, Президент СССР и другие руководитель Союзного государства видели нарастающую опасность и, как могли, ей противостояли. Приведу пример и на этот счет: «Президиум Верховного Совета РСФСР принял Постановление «О защите экономической основы суверенитета РСФСР». В этом документе объявляются недействительными внешнеэкономические и союзно-республиканские соглашения по продаже ряда товаров, делается попытка взять под контроль Совета Министров республики золотовалютные резервы страны, другие стратегические ресурсы... Решение Президиума Верховного Совета РСФСР может нанести серьезный ущерб интересам страны, осложнив возможности закупки товаров и получения кредитов, столь необходимых в условиях нынешних экономических трудностей... Постановляю... объявить указанное Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 августа 1990 года не имеющим юридической силы. Довести до сведения иностранных партнеров, что внешнеэкономические сделки, которые заключены Советским Союзом, будут выполняться неукоснительно» (Указ Президента СССР М. Горбачева от 23 августа 1990 года).

Однако вялое сопротивление союзных руководителей ни шло ни в какое сравнение с бешеным напором российского руководства. М.С. Горбачев тянул с принятием решений, все время оглядывался на Запад: что там скажут? А самое главное, его личный авторитет в стране за это время упал практически до нуля. В его конфликте с Ельциным народ был не его на стороне. Как старый трусливый кот, Горбачев шипел, выпускал когти, шевелил шерстью на холке, но не предпринимал никаких реальных действий для защиты СССР.

Миф второй: действия Б.Н. Ельцина и его команды по развалу СССР были ответом на попытку «автономизации» Российской Федерации со стороны союзного руководства. В статье «Мифология распада СССР» С.М. Шахрай и С.Н. Станских пытаются обосновать этот миф: «На стороне М.С. Горбачева все еще действовал бюрократический аппарат и имелся опыт политических интриг. В недрах ЦК КПСС появился на свет так называемый план автономизации. Для того чтобы ослабить Россию и «демократического» Б.Н. Ельцина, предлагалось поднять статус автономий в составе РСФСР до статуса союзных республик. Оправдывался «план автономизации» с конечной целью создать вместо федерации из 15 союзных республик с правом свободного выхода из Союза новое объединение из 35 республик (15 союзных плюс 20 автономных), но уже без права на сецессию. Верховный Совет СССР принял соответствующий Закон 26 апреля 1990 года — механизм «автономизации» был запущен.

В результате его возможной реализации карта РСФСР оказалась бы похожей на кусок сыра с огромными дырами — Россия потеряла бы 51 процент территории со всеми стратегическими ресурсами и почти 20 млн населения. Эксперимент с заменой основ государства в период острейшего экономического и политического кризиса был обречен на провал. Сознавая опасность фактического распада РСФСР, российский Съезд народных депутатов в целях обеспечения целостности республики подавляющим большинством голосов (907 — за, 13 — против и 9 — воздержавшихся) принял 12 июня 1990 года Декларацию о государственном суверенитете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики»¹.

Действительно, в депутатском корпусе России в тот период было известно о намерениях некоторой части союзного руководства ответить Б.Н. Ельцину «его же монетой» — расшевелить российские автономии, подвигнуть их если не на выход из Российской Федерации, то хотя бы на попытку поднятия своего статуса в рамках РСФСР. Это, кстати говоря, выразительно характеризует моральный уровень не только одной, но и другой стороны: в борьбе за власть запрещенных приемов нет, все средства были хороши. Но на пути «автономизации» России стояло несколько серьезных препятствий. Во-первых, конституции СССР и РСФСР, которые закрепляли статус союзных и автономных республик. Во-вторых, план «автономизации» затронул бы не только Российскую Федерацию, но и Азербайджан, Грузию и Таджикистан, в составе которых также имелись автономные республики. В-третьих, народные депутаты СССР вряд ли поддержали бы безответственную ломку федеративной структуры крупнейшей из республик Союза. В-четвертых, с планом «автономизации» вряд ли согласились бы другие союзные республики, которые в этом случае теряли свои привилегии и растворялись среди 20 автономных республик. Поэтому план «автономизации» России не вызвал в депутатском корпусе России никаких эмоций, кроме недоумения. Всерьез его никто не воспринимал. Законодательных инициатив на эту тему также не поступало. Утверждение авторов, что Декларация о государственном суверенитете РСФСР была принята как ответ на «угрозу фактического распада РСФСР» — явное насилие над исторической правдой, попытка под флагом борьбы с мифами запустить в оборот миф собственного изготовления.

Гнилые нитки фальсификации просматриваются в примере, который приводится в указанной статье. В ней утверждается, что Закон СССР от 26 апреля 1990 г. № 1457-1 «О разграничении полномочий между Союзом ССР и субъектами Федерации» был принят в целях ослабления России и «демократического» Б.Н. Ельцина. Но посмотрите на даты! Закон был принят 26 апреля 1990 года, т.е. почти за месяц до открытия I съезда

¹ Шахрай С.М., Станских С.Н. Мифология распада СССР // Журнал российского права. № 1. 2010. С. 127–128.

народных депутатов РСФСР и более чем за год до избрания Б. Н. Ельцина Президентом России. На тот момент между Россией и Союзом ССР еще не было никакого конфликта, а Российскую Федерацию возглавлял В. И. Воротников, член Политбюро ЦК КПСС, вполне лояльный союзному центру. Не иначе как экстрасенсы шепнули союзным депутатам, какие решения будут приняты на российском съезде. Кстати, и в самом тексте Закона нет положений, которые побуждали бы автономные республики к выходу из Российской Федерации.

Бумажное чучело «автономизации» России понадобилось авторам исключительно для того, чтобы оправдать действия российского руководства по развалу СССР. Согласитесь, большая разница — в борьбе за власть целенаправленно разваливать СССР, и в конечном счете добиться своей цели; и совсем другое — защищать Российскую Федерацию от смертельной опасности, спасти ее от развала. Удивительна скромность авторов, которые ограничились нейтральной констатацией фактов и не внесли предложения о награждении «спасителей России» государственными наградами или хотя бы ценными подарками.

Миф третий: ситуация в России требовала революционных преобразований, включающих принятие новой Конституции. Вопрос о глубине и темпах социальных преобразований носит принципиальный характер. Искусственное замедление темпов приводит к тому, что преобразования скользят по поверхности, не затрагивают сути, не достигают поставленных целей. Примером такого рода может служить «горбачевская перестройка». Бессистемная реформация, осуществляемая «сверху», руками бюрократического аппарата, завела общество в тупик, вскрыла и обострила множество проблем, но не привела к их решению. Но есть и другая крайность — быстрые радикальные преобразования, осуществляемые без прочной правовой основы и с неясными, непонятными обществу целями, которые, решая одни проблемы, в изобилии порождают другие. Таким примером реформации может служить российская приватизация: проведенная «по Чубайсу» стремительная ликвидация общественной и государственной собственности привела к криминализации экономики, образованию узкого круга «олигархов», появлению в огромных объемах «нелегитимной» собственности, которую общественное мнение не без оснований считает украденной.

* * *

Социально-политические реформы в России конца 1980 — начала 1990 годов заявлялись как «улучшение социализма», устранение его недостатков. Если перелистать программы депутатов, участвовавших в предвыборных дебатах тех лет, то на первых местах — «социальная справедливость», «борьба с бюрократизмом», «укрепление правопорядка»,

«борьба с номенклатурными привилегиями», оздоровление экологической обстановки в регионах и так далее². О смене общественного строя никто и не заикался, а если бы заикнулся, то вряд ли был бы понят избирателями и поддержан ими. Нет таких элементов ни в депутатской, ни в президентской программе и самого Б.Н. Ельцина. Его раздражало лицемерие и двоемыслие горбачевской команды, которая говорила одно, а делала другое, но о развале СССР, я уверен, он в тот период и близко не помышлял.

Российские реформы тех времен принесли целый ряд интересных находок. Одной из них я считаю появление в регионах «президиумов Советов» (их еще называли «малыми Советами»). Из состава действующего Совета самым депутатами выделялся «малый Совет», который работал на постоянной основе, держал контакт с избирателями, разрабатывал и принимал региональные программы, нормативные правовые акты, контролировал действие исполнительных органов и т.д. Тем самым преодолевалась очевидная слабая сторона советской системы — непрофессионализм представительной власти, периодический характер ее работы, и в то же время сохранялась сильная сторона — связь с избирателями, широкими слоями населения, в том числе и через периодически собиравшийся «большой» Совет. После 1993 года эта система была разгромлена.

Напомню еще ряд решений съездов народных депутатов и Верховного Совета РСФСР, которые можно считать шагами в правильном направлении.

11 декабря 1990 года было принято постановление 2 Съезда народных депутатов РСФСР «О жертвах политических репрессий в РСФСР»: официально признан сам факт репрессий по политическим и идеологическим причинам, эти репрессии осуждены, Верховному Совету РСФСР и Совету Министров РСФСР даны поручения разработать нормативные акты о реабилитации репрессированных народов и граждан.

15 декабря 1990 года был принят Закон РСФСР об изменениях и дополнениях Конституции РСФСР, который провозгласил РСФСР демократическим правовым государством, произвел деполитизацию и департизацию раздела Конституции о правах и свободах (было исключено положение о том, что права и свободы даются «в целях укрепления и развития социалистического строя»), закрепил разнообразие и равную защиту всех форм собственности; провозгласил, хотя и с рядом ограничительных оговорок, право собственности на землю; конституционно установил право граждан распоряжаться своими способностями к производительному и творческому труду (тем самым была создана конституционная основа для развития частного предпринимательства); учрежден институт Конституционного Суда.

² См.: Народные депутаты России. 1990–1993. Издание Государственной Думы. М., 1998, 38–50.

24 мая 1991 года IV Съезд народных депутатов РСФСР внес в Конституцию РСФСР пакет поправок, связанных с учреждением поста Президента РСФСР. Одновременно была изменена структура местной администрации: учрежден пост главы местной администрации, подотчетный и подконтрольный местному Совету, но не избираемый им, то есть создана предпосылка для формирования «вертикали» исполнительной власти. Вместо Государственного арбитража учрежден Арбитражный Суд. Понятие «автономная республика» заменено в Конституции на понятие «республика в составе РСФСР».

12 июля 1991 года V Съезд народных депутатов РСФСР утвердил Закон о Конституционном Суде РСФСР. Конституционный Суд в тот период был наделен широкими полномочиями — значительно более широкими, чем те, которые он имеет сегодня по Конституции 1993 года. 1 ноября 1991 года вторая часть Съезда, которая проходила в ноябре, завершила деполитизацию и деидеологизацию Конституции РСФСР, заменила символы государственной власти; установила, что депутаты Верховного Совета РСФСР действуют на постоянной профессиональной основе, учредила институт Главы исполнительной власти (президента) республики в составе РСФСР и суд присяжных.

21 апреля 1992 года был конституционно закреплён принцип разделения властей, причем в более стройном и последовательном виде, чем в ныне действующей Конституции; был модернизирован и приведен в соответствие с международными обязательствами Российской Федерации раздел Конституции о правах и свободах человека и гражданина; военные трибуналы заменены на военные суды.

Из приведенных фактов может сложиться впечатление, что съезд народных депутатов и Верховный Совет РСФСР действовали спокойно, планомерно, осуществляя модернизацию экономической и политической системы страны строго в конституционных формах. На самом деле это не так. Параллельно нормальному конституционному процессу, как уже отмечалось, своеобразным «контрапунктом» развивалась тенденция «правового экстремизма»: подавить политических противников, резко ускорить процессы реформирования, решать все проблемы «одним ударом», пренебрегая принципами законности и конституционности. Эта тенденция, в конечном итоге, и взяла верх в российских реформах.

Почему стране не удалось удержаться в русле постепенного реформирования? Было ли неизбежным сползание к конфронтации, экономическому и политическому кризису? Видится несколько факторов, которые привели к радикализации российских реформ.

Во-первых, этого хотел нарождающийся класс собственников, который увидел в российских реформах широкие возможности для обогащения. Это частную собственность защищают до последней капли крови, а общественную и государственную собственность, как оказалось,

никто своей не считает и всерьез защищать не будет. Поэтому следовало создать обстановку, при которой огромный фонд государственной собственности мог бы побыстрее и без лишних формальностей переключиться в новые руки — побольше хаоса, поменьше законности и государственного контроля.

Во-вторых, в радикализации российских реформ были заинтересованы представители собственников — новые политические силы, которые рвались к власти. Они обоснованно считали, что прежний аппарат исполнительной власти и прежний депутатский корпус будут помехой на их пути. Отсюда — неприкрытое желание дискредитировать всю прежнюю власть, смести ее в мусорное ведро, заменив «своими людьми», пусть некомпетентными и непрофессиональными, но проводящими нужные решения. Не перестаю удивляться наивности российских «демократов»: сидя на шее у народа и, по большому счету, презируя его, они полагают, что народ должен любить их и послушно голосовать за их демократические лозунги. Обмануть неискушенный в политике народ несложно, но дальше он ждет выполнения обещаний. А реальных результатов не было, и нет. На смену партийному пустословию пришли разложение нравственности, падение науки и образования, тотальная коррупция и воровство. В итоге, российские «демократы» потеряли доверие даже у класса собственников, которых они подрядились представлять и защищать.

В-третьих, на радикализацию российских реформ были настроены зарубежные кураторы российских «демократических сил». Постепенный, осторожный ход реформ (китайский вариант) был им неинтересен. Другое дело — погрузить страну в смуту, в хаос борьбы за власть, тяжелых социальных преобразований, которые ослабят ее на десятилетия. Именно на такой путь толкали Россию многочисленные иностранные советники и консультанты правительства России, представители Международного валютного фонда.

В-четвертых, немалую роль сыграли личные качества лидера российских реформ Б. Н. Ельцина, который видел себя новым Петром I. Он был настроен на быстрый результат реформ («два-три года, иначе — уйдем»), который и обещал избирателям. По натуре борец и разрушитель, он искал и успешно находил врагов, но не союзников или возможности для разумных компромиссов. Впечатляет и его идеологическая трансформация. Всего за год Ельцин полностью менял идеологические ориентиры, «перековался» из защитника социализма в отпетого антикоммуниста: «Мир может вздохнуть спокойно — коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, — рухнул! Рухнул навсегда! Я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть!» (Из речи Б. Н. Ельцина в конгрессе США, 1992 г.).

* * *

Будучи избранным в Верховный Совет РСФСР на должность председателя палаты и немного осмотревшись в новой высокой должности, я понял, что российский парламент ведет страну к кризису и сам идет в этом направлении. Его Председатель Б. Н. Ельцин, погружен в борьбу с Союзным центром, Р. И. Хасбулатов, его первый заместитель, разделил Верховный Совет на своих сторонников и противников и ревниво следит, чтобы не было никаких «несанкционированных» им инициатив. Стратегию экономических и политических реформ определяли случайные люди. Обсуждение правовых вопросов было вынесено из комиссий и комитетов в разного рода неформальные структуры, созданные при Верховном Совете во внерегламентном порядке, но за государственный счет.

Поняв, что на этом пути можно прийти только к провалу, *22 октября 1990 года* я направил членам Президиума Верховного Совета докладную записку следующего содержания: «Действующая Конституция РСФСР сложилась как часть административно-командной системы и вместе с этой системой отойдет в прошлое. Однако возникновение новых правовых форм (конституционных или договорных) не может произойти мгновенно, до того как сложатся новые экономические и социальные отношения, определятся новые цели и ориентиры общественного развития. Эти формы представляют собой результат сложного политического и правового процесса, который включает ряд необходимых этапов (см. постановление «О Федеративном договоре»). Попытка перескочить через несколько ступеней может привести к срыву и дискредитации всех предпринимаемых усилий. Сложившаяся в настоящий момент экономическая и политическая ситуация крайне неблагоприятна для развертывания конституционного и договорного процессов: 1. Завершается (но еще не завершился) распад административно-командной системы. Новые рыночные структуры находятся в стадии становления и пока не могут быть основой экономического развития. 2. Разрыв хозяйственных связей и кризис потребительского рынка породили на всех уровнях Советов стремление обезопасить себя — закрепить на правах собственности как можно больше ресурсов, занять более выгодную позицию в системе власти. В этом первопричины национального и регионального сепаратизма, первоисточник «парада суверенитетов». 3. Завершается (но еще не завершился) распад однопартийной политической системы. Формирование новой политической системы предполагает борьбу за власть. Начало конституционного процесса даст сигнал для новой политической схватки, возможно, в самых острых формах. 4. Предшествующее экономическое развитие, деятельность средств массовой информации, выступления некоторых народных депутатов способствовали распространению в обществе кризисного сознания. Ожидание грядущего кризиса опасно тем, что любой сбой может быть воспринят как его начало,

привести к массовой панике с тяжелыми экономическими и социальными последствиями. Действие неблагоприятных факторов усиливается малокомпетентностью новой власти, медлительностью в принятии неотложных решений Верховным Советом и Советом Министров РСФСР, местными Советами. Сказанное заставляет прийти к выводу, что одновременное осуществление экономической и конституционной реформ может вызвать «заикливание» экономических и политических конфликтов, породить общую дестабилизацию обстановки в обществе и полную потерю управляемости. В сложившихся условиях представляется оправданной следующая последовательность действий: 1. Пока не переводить конституционный и договорный процессы в активную фазу, ограничиться проработкой вопросов на уровне экспертов, взаимными консультациями. Возможно подписание некоторых предварительных документов — экономического соглашения, Декларации о принципах. Одновременно должно идти активное накопление и осмысление опыта взаимоотношений с республиками, краями и областями. Возможно подписание ряда двусторонних соглашений, утверждение статусных документов (например, Временного положения об области, крае). 2. Максимум внимания необходимо сосредоточить на экономической реформе и обеспечении текущих нужд граждан. Быстро и четко решить вопрос о разграничении собственности между РСФСР и СССР. Разграничить собственность между различными уровнями власти внутри РСФСР: каждый Совет должен знать, чем он владеет, чем может распоряжаться. Доказать дееспособность Правительства РСФСР в управлении экономикой. Выработать новые принципы формирования бюджетов в РСФСР. Создать российскую систему снабжения и т.д. и т.п. 3. На переходный период, 1991–1992 годы, сохранить действие Конституции РСФСР (Закон РСФСР «О взаимоотношении Советов народных депутатов в период экономической реформы» — по существу шаг в этом направлении). Следует отложить на будущее решение вопросов, способных вызвать раскол и противостояние в обществе — о национализации имущества КПСС, о частной собственности на землю и др. Новая Конституция РСФСР должна приниматься в условиях реально наметившегося движения к консолидации. Вряд ли оправдано обсуждать и принимать ее на фоне распада, который мы сейчас переживаем».

Результат был нулевой. На «докладную записку» никто не откликнулся, ее даже не поставили на обсуждение, просто проигнорировали. Ну а сам автор заработал репутацию «консерватора», «горбачевца» и «противника радикальных реформ».

Об угрозе «радикальных реформ» стоит напомнить сейчас, когда вновь раздаются призывы к пересмотру действующей Конституции Российской Федерации, которая якобы «устарела», нуждается не в точечных поправках, а в «радикальном обновлении». Кому-то вновь не терпится привести в движение механизм нового «конституционного процесса». Если подоб-

ное случится, то в результате вряд ли можно ожидать чего-либо другого, кроме как разгрома и развала страны.

Я согласен с теми, кто критикует современное российское государство, указывает, что оно коррумпировалось, превратилось в контору по обслуживанию крупного бизнеса и высшей номенклатуры, стало тормозом общественного развития. «Вертикаль власти» и «ручное управление» ослабили необходимые в обществе горизонтальные связи. Но одновременно полагаю, что в политической системе России есть потенциал для эволюционного развития. Упаси нас Бог от новых реформаций под водительством очередных «радикальных реформаторов», как бы они себя ни называли — «демократами», «коммунистами» или «национал-патриотами».

* * *

Миф четвертый: президенту-реформатору противостоял консервативный, реакционный и всевластный съезд народных депутатов. Данный миф был сформирован и запущен в оборот Б. Н. Ельциным, который в выступлении на VII съезде народных депутатов выразил недоверие высшему органу государственной власти и призвал своих сторонников его покинуть. Приведу, с некоторыми сокращениями, фрагмент из книги О. Мороза «Так кто же расстрелял парламент?», который, как мне кажется, не требует комментариев: «9 декабря Ельцин, наконец, выдвинул кандидатуру Егора Гайдара на пост премьера. Как и ожидалось, он не набрал нужного числа голосов: за него проголосовали лишь 467 депутатов (требовался, повторяю, 521 голос). Реакция Ельцина была бурной: он терпел поражение по всем направлениям. На следующее утро, 10 декабря президент выступил на съезде с краткой и резкой речью. Пожалуй, такой степени резкости не было ни в одном из его выступлений ни до, ни после.

«Граждане России! Народные депутаты! — сказал Ельцин. — Развитие событий на VII съезде народных депутатов заставляет меня обратиться напрямую к народу. Реформы, которые уже в течение года проводятся в России, находятся в серьезной опасности. На съезде развернуто мощное наступление на курс, проводимый Президентом и правительством, на те реальные преобразования, которые удерживали страну все последние месяцы от экономической катастрофы. То, что не удалось сделать в августе 1991 года, решили повторить сейчас и осуществить ползучий переворот. Цепь действий уже выстроена. Вот она. Первое. Здесь, на VII съезде, создать невыносимые условия для работы правительства и Президента, практически деморализовать их. Второе. Любой ценой внести в Конституцию поправки, которые наделяют Верховный Совет, ставший оплотом консервативных сил и реакции, огромными полномочиями и правами. Но по-прежнему оградить его от какой-либо ответственности. Взять права, но уйти от ответственности. Третье. Заблокировать реформу, разрушить

все позитивные процессы, не дать стабилизировать ситуацию. И наконец, четвертое. Провести в апреле 1993 года VIII съезд народных депутатов, расправиться на нем и с правительством, и с Президентом, и с реформами, и с демократией. Тем самым совершить крутой поворот назад... Конституция, или то, что с ней стало, превращает Верховный Совет, его руководство и председателя в единовластных правителей России. Они встают над всеми органами исполнительной власти и по-прежнему не отвечают ни за что. Они стремятся окончательно повязать парламентариев круговой порукой безответственности и страхом потерять свои кресла. Все это очень похоже на то, что было в недавнем прошлом, когда страной руководило Политбюро ЦК КПСС. Правительство фактически поставлено в положение временного правительства, хотя работает год. У него нет возможности нормально работать, но вся ответственность лежит на нем. Нас подводят к опасной черте, за которой дестабилизация и экономический хаос, толкают к гражданской войне. Итогом восьми дней работы Съезда стал острейший кризис еще не окрепшей российской государственности, глубокий раскол в депутатском корпусе. С особой силой он проявился вчера во время избрания председателя правительства России. Нет никаких гарантий, что кризис Съезда не начнет распространяться вширь, что конфронтация не охватит все этажи государственной власти, все общество. Я хочу, чтобы избиратели знали об этом. Съезд еще раз доказал, что в подобных условиях невозможна нормальная работа. В интересах граждан России не решен ни один важнейший практический вопрос. Атмосфера Съезда — только отвергать, только разрушать, зажимая рот несогласным. Доминирует позиция тех, кто привык командовать, не отвечая за результат, учить, многого просто не понимая, судить других, не замечая собственных ошибок. С таким Съездом работать дальше стало невозможно».

Хотя внешне этот взрыв президентской ярости был похож на импровизацию, в прессе утверждалось, что это не совсем так. Источники в Администрации Президента сообщали, что сценарий был заготовлен около двух месяцев назад. Первоначально предполагалось, что Ельцин обратится с призывом провести референдум, причем с более «крутой» формулировкой — о роспуске Съезда и Верховного Совета. Закончив свое выступление, Ельцин предложил депутатам, которые поддерживают его, а также представителям исполнительной власти покинуть зал заседаний съезда и собраться в Грановитой палате. Это предложение было неожиданным, и ему последовали не очень многие, даже из числа демократов. Около полутора сотен человек. Кворум на съезде сохранился. Неподготовленность этого шага было явным тактическим промахом ельцинской команды... После выступления Ельцин в лучших традициях пролетарской солидарности, пролетарского интернационализма отправился «в народ» — на АЗЛК. «Народ», разумеется, был подготовлен к этому визиту — на

состоявшемся там митинге приняли резолюцию в поддержку российского президента. Сказать, однако, что этот шаг был намного более удачной придумкой президентской команды, чем собрание небольшой группы депутатов в Грановитой палате, я бы не решился»³.

* * *

Последующая «оркестровка» данной темы в «демократических» средствах массовой информации, по телевидению и радио, позволила закрепить миф о «реакционности» и «консервативности» съезда народных депутатов в общественном сознании, в научной и образовательной литературе. Этот миф получил подкрепление в последующих выступлениях Б. Н. Ельцина, оправдывающих силовой разгон съезда народных депутатов и Верховного Совета.

Миф о том, что депутаты вступили в «силовую борьбу» с Президентом, пытались перехватить у него власть, опровергается целым рядом фактов, свидетельствующих о заблаговременной подготовке президентской стороны к разгону съезда: заявлению Б. Н. Ельцина о начале «артподготовки», тренировкам силовых структур на макете Дома Советов, предупреждению зарубежных посольств, многочисленным воспоминаниям участников событий того времени и т.д. Однако и по сию пору можно почитать в интервью «упертых демократов», для которых факты не имеют значения, утверждения о подготовке депутатским корпусом «государственного переворота».

Приведенные выше примеры, а их ряд можно было бы продолжить, говорят о том, что никакого изначального противостояния реформам в депутатском корпусе не существовало. При всех различиях в политических позициях и настроениях, депутаты единодушно поддерживали решения, которые, как им казалось, были направлены на возрождение России, решение назревших экономических и социальных проблем.

Что же случилось? Почему между депутатским корпусом и Президентом, поначалу неплохо работавшими вместе, назрели противоречия, возникло острое противостояние, закончившееся танковым ударом по парламенту?

С сегодняшней точки зрения отчетливо понимаешь, что изменение в настроениях депутатского корпуса объясняется не каким-то «консерватизмом», «желанием противостоять» или попыткой «перехватить власть», а тем, что каждый месяц депутаты ездили в свои округа, встречались с избирателями, и не могли не видеть реального ухудшения обстановки на местах. К ним адресовались все более острые вопросы и требования

³ Мороз О. Так кто же расстрелял парламент? М.: Изд-во «Олимп», 2007. Цитируется по персональному сайту автора: <http://www.olegmozor.ru/parlament2-5.html#1> (Дата обращения 2 апреля 2016 года). В обширном фонде речей и выступлений Б. Н. Ельцина, предоставляемым в интернете «Ельцин-Центром», данного выступления нет.

избирателей, на которые они не находили ответа. Оказавшись между молотом и наковальней, депутаты заметались, стали требовать отчетов у чиновников, министров, принимать отчаянные заявления и постановления о положении в стране, о выходе из кризиса, отказались поддержать кандидатуру Е. Т. Гайдара, внесенную Президентом и т.д. Данная ситуация не могла не вызвать напряжения между депутатским корпусом и Президентом, Правительством, всей структурой исполнительной власти.

Вот здесь Б. Н. Ельцину задуматься бы, да и скорректировать содержание и темпы «радикальных реформ». Но он пошел по другому пути — начал грубое давление на депутатский корпус. А его окружение, подыгрывая «шефу», и вовсе перестало стесняться в средствах. Так, например, четыре «ельцинских» министра, вызванные в Верховный Совет для отчета об их заявлениях о передаче Японии Курильских островов, ушли с заседания, хлопнув дверью. Министр иностранных дел Андрей Козырев удивил цивилизованный мир тем, что обрушился в ООН с критикой на свой собственный парламент за решение по Крыму и предложил признать его не имеющим юридической силы. Естественно, он получил полную поддержку и со стороны США, и от лица государств-членов НАТО. Что касается «демократических СМИ», то они поливали депутатский корпус потоком обвинений и клеветы. Все «демократические заслуги» съездов и Верховного Совета РСФСР были прочно забыты, как будто их не существовало.

Коллеги-депутаты, приближенные ко двору, рассказывали, что гнев и раздражение Б. Н. Ельцина вызывали не столько депутаты-коммунисты, которые к тому времени «исчезли», «растворились», не поднимали головы (это можно видеть и по стенограммам заседаний, где нет следов их выступлений, вопросов, возражений, инициатив), а его сторонники-демократы, которые назойливо напоминали, кому он обязан своим приходом к власти, требовали радикализации реформ (например, проведения люстрации), спорили с Президентом, могли явиться на встречу в драных джинсах и запросто рассестся на подоконниках и т.д. Б. Н. Ельцина, не привыкшего к подобной бесцеремонности, и это его коробило. Освобождаясь от депутатского корпуса, он хотел отодвинуть подальше и эту публику.

В газетах и журналах можно встретить истерические, исполненные драматизма описания «опасного полномочия» съезда народных депутатов РСФСР. Но нет ни одного конкретного примера использования съездом своего «полномочия». Все решения съездов народных депутатов укладываются в рамки компетенции, которую традиционно осуществляют законодательные (представительные) органы государственной власти во всем мире. В прерогативы исполнительной и, тем более, судебной власти «полномочный» съезд народных депутатов на практике не вмешивался.

Удивительно, конечно, но поборников свободы и демократии ничуть не смущало единовластие Президента Российской Федерации, размахистое использование им своих полномочий, зачастую — за рамками Конституции и законов Российской Федерации. Факты на этот счет уже были приведены выше, дополним их еще несколькими примерами.

В декабре 1991 года Б. Н. Ельцин утвердил указом бюджет страны на I квартал 1992 года, что, согласно Конституции России, являлось прерогативой представительного органа власти. Делегации депутатов во главе с Р. И. Хасбулатовым, пришедшей поговорить по этому поводу, он объяснил причину так: «Подложили, понимаешь, на подпись».

В январе 1992 года, вопреки просьбам депутатов Моссовета и в противовес Закону «О Москве — столице РСФСР», принятому в первом чтении, был подписан Указ Президента о дополнительных полномочиях органов управления города Москвы.

В феврале 1992 года Указом Президента были утверждены «Основные положения программы приватизации», находившиеся в тот момент на обсуждении в Верховном Совете.

В марте и июне того же года были приняты указы, разрешившие, вопреки действовавшему законодательству, приватизацию земли, в том числе продажу земли иностранцам и т.д.

* * *

Пренебрежительное отношение Б. Н. Ельцина к депутатскому корпусу, стремление обойти Верховный Совет при принятии ключевых решений можно проиллюстрировать весьма характерным примером — историей с появлением ваучеров.

В сентябре 1992 года депутат Н. Павлов выступил на сессии Верховного Совета с речью, которая проливает свет на то, как в России появились ваучеры: *«Я вынужден говорить на тему, которая для меня очень болезненна, так как я сам являюсь членом Верховного Совета Российской Федерации. Я должен вам доложить, что вполне официально, как член Верховного Совета, провел собственное расследование обстоятельств прохождения проекта Указа Президента РФ «О введении в действие системы приватизационных чеков» от 2 августа с.г.*

В соответствии с решением 5 Съезда народных депутатов России, проект Указа, который расходится с законом... направляется в Верховный Совет, где в течение 7 дней должен быть рассмотрен. Причем в правилах, которые утвердил Президиум Верховного Совета, указывается, что проект Указа рассматривается Верховным Советом, а если сессии нет, то самим Президиумом, что он определяет самостоятельно.

6 августа, вечером, курьер привез из Кремля в приемную Р. И. Хасбулатова запечатанный пакет, на котором стояла надпись: «Хасбулатову Р. И.

№№ ПР-1411, ПР-1412, ПР-1413». Принял этот пакет секретарь Тюрин. Руслан Имранович был в это время с официальным визитом в Индии, там же был и руководитель его секретариата. Дежурный секретарь Тюрин позвонил сотруднику, который замещал руководителя секретариата Председателя Верховного Совета и сказал, что получен секретный пакет... В компьютере приемной Хасбулатова регистрация проведена 6 августа, записано следующее: «Проконсультировались с Автономовой Александрой Николаевной. Пакет направлен С.А. Филатову не вскрывая, т.к. Хасбулатов Р.И. в это время был в Индии».

А дальше наступает интересная ситуация — пакет исчезает! И появляется только 12 августа у первого заместителя Председателя Верховного Совета Российской Федерации С.А. Филатова. Тот ставит резолюцию: «т. Красавченко С.Н. Прошу рассмотреть, дать заключение (Сумму просьба не разглашать до 17.08.92). С.А. Филатов».

Остается лишь один день до подписания Указа Президентом! А проект Указа направляется только в комитет по экономической реформе и больше никуда! Ни председатель комитета по бюджету, ни председатель комитета по промышленности и энергетике проекта этого Указа не видят.

Поскольку комитет по экономической реформе не собирался (так как все в отпуске), ответ дают аж 18 августа за подписью секретаря комитета В.Б. Уткина. На нем стоит резолюция С.А. Филатова: «т. Красавченко С.Н. Прошу доложить на Президиуме ВС РФ. С. Филатов». Но еще 14 августа Указ о «ваучеризации» был подписан Б.Н. Ельциным. Не были собраны ни Президиум Верховного Совета, не были даже оповещены председатели профильных комитетов...

Может быть, моя точка зрения преждевременна, но я убежден, что все это носило не случайный характер. Речь может идти о том, что допущено грубейшее нарушение процедуры рассмотрения важнейшего документа. Тем самым Верховный Совет РФ в лице тех, кто должен был этими вещами заниматься, был отстранен от принятия решения по важнейшему вопросу!»

* * *

В первой половине 1993 года была развернута кампания по переманиванию депутатов-членов Верховного Совета на различные должности в органы исполнительной власти, имевшая целью сорвать кворум в Верховном Совете и сделать его неработоспособным. В ответ Верховный Совет был вынужден внести изменение в свой регламент: кворум для заседаний стал исчисляться не от числа избранных, а от числа полномочных членов Верховного Совета.

На митинге «демократических сил», состоявшемся 28 марта 1992 года на Васильевском спуске, произошел следующий характерный «обмен мнениями»:

«Елена Боннер:

— Вы должны поклясться нам, что больше не пойдете на компромиссы с этими сволочами!

Б. Н. Ельцин:

— Пора компромиссов закончилась!»

Борьба Президента с «полновластным» съездом народных депутатов, судя по всему, действительно шла к завершению. Пытаясь освободиться от «оков» представительной власти, Б. Н. Ельцин совершил не одну, а, по меньшей мере, три попытки государственного переворота.

Первая попытка произошла на VII Съезде народных депутатов, когда Президент, выйдя на трибуну, резко обвинил съезд в противодействии реформам и призвал своих сторонников покинуть съезд. Все было готово к тому, чтобы съезд закончил свою работу навсегда: на предприятиях Москвы были организованы митинги в поддержку Президента, к Кремлю — стянуты грузовики на случай массовых выступлений, больницам Москвы — дана команда приготовиться к поступлению возможных жертв. Но съезд устоял. Поименная регистрация показала, что на его заседаниях сохранился кворум и он продолжил свою работу.

Вторая попытка переворота связана с Указом Президента об особом порядке управления страны, как его называли, — «ОПУСом». В выступлении по телевидению Президент объявил о прекращении деятельности съезда и Верховного Совета России, ряда других организаций. Ожидали реакции общественного мнения — она оказалась негативной. Против Б. Н. Ельцина выступили практически все руководители государства, включая Генерального прокурора В. Г. Степанкова. Ельцин отступил во второй раз — в опубликованном в печати тексте ОПУСа уже не было антиконституционных положений.

Третья попытка связана с проведением референдума о доверии съезду народных депутатов и Президенту Российской Федерации. Предполагалось, что в случае недоверия съезду (что было вполне вероятно, учитывая, что практически все общенациональные СМИ находились под контролем Президента и его сторонников), он будет распущен Указом Президента «согласно воле народа». Но опять не получилось. Народ оказался умнее своих руководителей, он сказал и Президенту, и съезду: «Продолжайте работать вместе».

Следующим шагом стали события 4 октября 1993 года, когда конфликт Президента и «ужасного», «всесильного» и «консервативного» съезда народных депутатов был разрешен самым радикальным «демократическим» способом — ударом из танковых пушек.

* * *

Размышляя о путях и зигзагах отечественной истории, я прихожу к выводу, что советский период должен был так или иначе закончиться. Основные институты социализма в ходе реформ были разрушены. Ураганная приватизация изменила экономическую основу общества. Массированная пропаганда оболгала и покрыла слоем грязи реальные достижения социализма, которые, безусловно, существовали. Предприятия и трудовые коллективы были вытеснены из политической жизни общества, к власти пришли представители класса крупных собственников. В сложившейся обстановке переход от социализма к новой капиталистической реальности не мог длиться вечно, рано или поздно он должен был завершиться. Но никогда не соглашусь с тем, что он был обречен закончиться так грязно — в обстановке лжи, демагогии, обмана, тотального беззакония, разграбления собственности, идеологической истерии и конфронтации, закончившейся стрельбой по парламенту.

Конституционные проблемы современной России старыми мифами, конечно же, не исчерпываются. Наверное, было бы полезно взглянуть под этим углом зрения на категорию «партия власти». Совокупность изменений в действующем законодательстве и находящиеся на обсуждении поправки постепенно делают статус «партии власти» политической и правовой реальностью. Как это соотносится со статьей 13 Конституции Российской Федерации, закрепившей принцип равенства общественных объединений перед законом?

Небесполезно проанализировать с позиции статьи 3 Конституции Российской Федерации так называемый «административный ресурс». В конце 1980-х — начале 1990-х годов, когда демократические преобразования в России только начинались, было ощущение, что с «административным ресурсом» покончено навсегда. Но он вновь возродился в политической и в правовой жизни общества. Соответствует ли это явление букве и духу Конституции Российской Федерации?

С точки зрения соблюдения конституционных принципов и норм стоит обсудить и такое понятие, как «преемник президента». Что оно означает? Возникшую де-факто политическую традицию? Если это так, то каковы ее истоки и чем вызвано ее появление? Соответствует ли эта «политическая традиция» статье 81 Конституции Российской Федерации и демократическим принципам организации государственной власти?

Подводя итог, приходишь к такому выводу: импульс демократических преобразований в Российской Федерации, начавшихся в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века, постепенно затух. В своей реальной государственно-правовой практике современная Российская Федерация шаг за шагом отходит от идей и принципов Конституции 1993 года. Слабое научное осмысление собственной истории и активное мифотвор-

чество в этой сфере являются той почвой, на которой вызревает новый этап кризиса российской государственности.

Список литературы⁴

1. Грачев А. С. Гибель советского «Титаника»: судовой журнал. М., 2015.
2. Зенькович Н. А. СССР. Конец проекта. 1991. М.: Изд-во Олма Пресс групп, 2007.
3. Исаков В. Б. Парламентские дневники. В 3-х томах: Т. 1. Председатель Совета Республики. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 1997; Т. 2. Госпереворот. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 1997; Т. 3. Амнистия. Екатеринбург: Изд-во «Уральский рабочий», 1997.
4. Мороз О. Так кто же расстрелял парламент? М.: Изд-во «Олимп», 2007. Книга цитируется по персональному сайту автора.
5. Народные депутаты России. 1990–1993. Издание Государственной Думы. М., 1998.
6. Рыжков Н. И. Главный свидетель: дело о развале СССР. М.: Алгоритм, 2015.
7. Станкевич З. А. Историко-правовые аспекты распада СССР. Дисс. на соиск. уч. степ. докт. юрид. наук, М., 2002.
8. Шахрай С. М., Станских С. Н. Мифология распада СССР // Журнал российского права. 2010. № 1.
9. Шейнис В. Л. Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993). Т. 1, 2. М., 2005.
10. Экономическая история СССР: Очерки. Под ред. акад. Л. И. Абалкина. М.: Инфра-М, 2007.

⁴Приведенные в статье нормативные правовые акты СССР и Российской Федерации цитируются по источникам, опубликованным в справочных правовых системах «Гарант» и «Консультант Плюс». Ряд документов процитирован по источникам, находящимся в личном архиве автора, переданном на хранение в Государственный архив Свердловской области (Фонд Р-2739).

О.В. ДАМАСКИН

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА США: СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

***Аннотация.** В статье рассматриваются принципы функционирования и особенности избирательной системы США. Отдельное внимание уделено оценке современного состояния объекта исследования и характеризующих его проблем.*

***Ключевые слова:** выборы, избирательная система, политические партии, президентские выборы.*

US ELECTION SYSTEM: STATUS AND PROBLEMS

***Abstract.** The article deals with the principles of functioning and peculiarities of the US election system. Special attention is paid to the assessment of the current state of the research object and the problems that characterize it.*

***Keywords:** elections, election system, political parties, presidential elections.*

Обзор истории межгосударственных отношений позволяет констатировать, что в любую историческую эпоху они неизменно опирались на экономическую мощь, военную силу и степень влияния на другие государства¹. Само образование США как государства было связано с освоением новых территорий на Северо-американском континенте, осуществлено преимущественно переселенцами из Европы и сопровождалось уничтожением около 11 миллионов американских индейцев, составлявших коренное население.

Изначально основой идеологии активных и предприимчивых переселенцев стал культ индивидуализма и силы, как средства его обеспечения.

ДАМАСКИН Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Академии военных наук, г. Москва

¹ Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. М.: 2016.

Организационные формы взаимодействия и сотрудничества переселенцев в захвате территорий, борьбе за преодоление зависимости колоний от Англии и Франции, создании отдельных штатов как независимых государств и формировании США несли и несут отпечаток доминирующей идеологии экспансии и в настоящее время.

Декларация независимости, конституция и Билль о правах, как основополагающие нормативные правовые акты, на которых базируется государственный строй США, изначально допускали существование рабства, лишали женщин права на голосование, обеспечивали преимущественные права белых, особенно, состоятельных граждан². Последующее эволюционное развитие законодательства на основе поправок, связанных с войной за независимость США, гражданской войной, депрессиями и мятежами, позволило широко декларировать права личности, как главную формальную ценность в государстве и основание для вмешательства в дела других государств под предлогом защиты этих прав.

И успешное экономическое развитие США было сопряжено не только с активным трудом инициативных переселенцев, вытеснявших аборигенов, но и жестокой эксплуатацией рабов, привозимых из Африки на хлопковые плантации, экономическими последствиями ослабления европейских стран после Первой и, особенно, Второй мировой войны. Еще в 1942 году сенатор от штата Миссури Гарри Трумен высказал мнение о целесообразности того, чтобы русские и немцы убивали друг друга как можно больше. В 1945 году он стал Президентом США. Бреттон-Вудская конференция в 1944 году констатировала отмену золотого стандарта доллара, провозглашение его мировой валютой, создание Международного банка реконструкции и развития, Международного валютного фонда. Их роль в послевоенном восстановлении экономической системы Западной Европы, а позднее на постсоветском пространстве, состояла, прежде всего, в обеспечении экономических интересов США.

К настоящему времени стало очевидным, что декларируемые «универсальные ценности» демократии и свободного мира являются пропагандистскими инструментами в достижении стратегической цели — глобальной гегемонии США. Созданная под их эгидой система надгосударственных международных институтов (МВФ, ВТО, НАТО и др.) дает возможность США проводить свою политику, последовательно ограничивая суверенитет других государств.

Нынешняя система международных отношений находится на переходном этапе своего развития. Это означает неустойчивость системы и паралич институциональной базы, созданной в биполярную эпоху. В этих условиях право силы открыто господствует над силой права.

² Бэррес Р. Документы американской революции. Перевод с английского П. В. Рыбина и И. А. Бжилянкой. Тверь-Москва: Альба, Российский экономический журнал, 1994.

В этом и состоит реальная политика США, прикрываемая средствами информационной войны.

Становится все более очевидным, что мировое лидерство этой страны в значительной мере зависит от состояния стабильности политической системы. Это обуславливает повышение внимания общественности к системе формирования органов власти посредством выборов, потребность рассмотрения принципов, особенностей, состояния и проблем избирательной системы.

Перепись населения 2010 года стала основой для распределения 538 голосов между штатами пропорционально численности населения. Подсчет идет не по чистым голосам избирателей, а по голосам выборщиков от штатов, отдаваемых одному победителю. При этом воля избирателей деформируется применением системы сложения всех голосов выборщиков.

Одной из основ американских выборов является принцип «победитель получает все». Это означает, что кандидат на выборную должность, набравший в том или ином штате большинство голосов, автоматически получает поддержку всех выборщиков данного штата. Проигравший кандидат не получает ничего, независимо от числа поданных за него голосов избирателей. Поэтому в бюллетенях на выборах в Конгресс зачастую можно видеть единственного кандидата. По мнению специалистов по избирательным технологиям, вышеуказанный принцип демотивирует избирателя. Выборы в США — не прямые: де-факто избиратели голосуют не за нового президента, а за демократическую или республиканскую коллегию выборщиков от своего штата. Поэтому возможна ситуация, когда кандидат, получивший большинство голосов избирателей, проигрывает, а выигрывает его конкурент из-за количества поданных за него голосов выборщиков. Американцы считают такие казусы нормальной платой за политическую стабильность.

Дополнительными стимулами для голосования избирателей в президентских выборах являются параллельные выборы конгрессменов, федеральных судей, местных чиновников, окружных прокуроров, внесения поправок в конституции штатов. Голосование предельно упрощено: к участию в нем граждане допускаются без предъявления документов, путем получения на избирательном участке электронной карточки на основе компьютерного учета. Нужно отметить, что около 10 процентов американских избирателей не имеют никаких государственных документов с фотографией. В Америке паспорт нужен только для выезда за границу, многие его вообще не получают. В то же время около 200 тысяч телекамер следят за работой участков по всей стране. За фальсификацию выборов возможно лишение свободы на 3 года. В том числе и по этой причине масштабы фальсификации не выходят за пределы 0,001 процента от общего числа поданных голосов.

По результатам исследования социологов из вашингтонского Pew Research Center, 51 млн человек или 25 процентов имеющих право голоса американцев вовсе не регистрируются в качестве избирателей. По данным того же исследования, 2,75 млн человек зарегистрированы в качестве избирателей одновременно в двух и более штатах³.

Демократическая и Республиканская партии, доминирующие в политической сфере, все чаще «экономят» силы и не выставляют кандидатов в заведомо проигрываемых округах. Кстати, сложились устойчивые стереотипы в отношении избирателей этих двух партий. Например, типичный избиратель республиканцев, житель небольшого городка, воспитывается на необходимости много работать, достигать процветания, осуществить «американскую мечту», свято уверен в превосходстве своей политической системы, выступает против дефицита бюджета и развития социальных программ, которые, по его мнению, отбирают у человека стимулы трудиться, считает, что в крупных городах собрались безответственные тунеядцы и дармоеды. А избиратель демократов — житель крупного города, образованный интеллектuala, считающий бряцание оружием бессмысленной и дорогостоящей затеей и мечтающий направить средства, используемые для оснащения вооруженных сил, на нужды людей.

Вся американская политическая система строилась ради главного принципа: у любой власти должен иметься противовес. Поэтому в свое время в США в бессловном обществе было применено все лучшее из римского и британского права. Осуществлено разделение властей: парламент формирует законы и бюджет, президентская администрация их исполняет, а суд может признать незаконными действия этих двух ветвей власти.

В американской системе все направлено на гарантию прав собственности и верховенства права. При этом декларируемое по форме равенство перед законом на практике наполняется содержанием, отражающим господство капитала в американском обществе.

Требования к президенту США всегда были консервативны: им может быть избран только гражданин по рождению, проживающий в стране не менее 14 последних лет, старше 35 лет. Система избрания президента намеренно сложна и в основном не меняется более 200 лет. Поскольку штаты образовали США, а не наоборот, законы штатов часто стоят над федеральными и могут отличаться в отношении практически всех выборных процедур: выдвижения и регистрации кандидатов, регистрации избирателей, сроков и способов предварительного голосования, подсчета голосов.

Президентские выборы в США начинаются с процесса определения наиболее популярных претендентов на звание кандидатов президенты. По

³ Умом Чикаго не понять. Аргументы недели. 20 октября 2016 года.

всей стране проводятся праймериз (первичные выборы) и кокусы (собрания партийных активистов). По итогам праймериз и кокусов ведущие партии созывают съезды, на которые штаты направляют своих делегатов, пропорционально количеству взрослого населения. Стать кандидатом в президенты от партии можно, набрав голоса половины делегатов плюс один голос. Выборщиков также отбирают на партийных съездах, которые проводятся на уровне штатов. Причем в законе не закреплена обязанность выборщиков голосовать за кандидата только своей партии.

Президент США может избираться на срок 4 года не более 2 раз подряд. Эта норма была принята в 1951 году. Единственное исключение представляет Франклин Делано Рузвельт, избравшийся подряд на четыре четырехлетних срока в условиях Великой депрессии и Второй мировой войны. Стабильность американской системы власти обеспечивается не только формальной системой выборов, но и клановыми традициями двухпартийной системы власти, традициями сложившегося гражданского общества.

Избрание Президентом США Дональда Трампа, последующее конфликтное состояние представительной и исполнительной власти, фактический бойкот избранного американского президента свидетельствуют о системной нестабильности США, создающей угрозу национальной и международной безопасности.

Индустриальная элита Америки близка к пониманию реальной неопределенности американской экономики, необходимости концентрации усилий на внутренних проблемах, включая возрождение собственного производства. При этом Д. Трамп, опираясь на индустриальную элиту, столкнулся с противодействием той части элиты, которая ориентируется на исключительность США, приведение мира к единому образцу через насильственные либеральные революции.

Трамп выступает против мировой элиты, полностью оторвавшейся от реальных нужд своих стран, против американского истеблишмента, который использует колоссальный потенциал страны как базу и истощает его ради своих мировых амбиций в сфере глобальной экспансии. При этом не следует питать иллюзий относительно возможного ослабления напряженности в отношениях между США и Россией. Д. Трамп слишком связан ограничениями со стороны представительной власти и значительной части власти исполнительной, клановыми влияниями как демократов, так и республиканцев. Его роль внесистемного лидера может иметь перспективу лишь в случае поддержки широкими слоями среднего класса Америки и ослаблением напряженности в международных отношениях, особенно в части, касающейся стран Европейского союза, НАТО, Украины, борьбы с терроризмом.

США активно выступают против стран, выражающих желание переструктурировать международные экономические отношения и хотя

бы частично освободиться от долларовой зависимости. Американские проекты Тихоокеанского и Трансатлантического партнерства направлены на предупреждение создания государственных союзов, которые могли бы иметь другую резервную валюту. Кроме того, у многих стран с вовлеченностью в мировую политику возникновение геополитических противоречий очевидны, поскольку соперничество присутствует в любом партнерстве. Во время перестройки многие думали, что американцев не устраивает социалистический строй нашей страны. Теперь же очевидно, что и капиталистическая Россия, если она независима, не устраивает США.

Американцы в большинстве своем не осведомлены о том, что Россия поддержала борьбу Штатов за независимость от Британии. Забывается боевое братство между Советским Союзом и США во время Второй мировой войны. Исходя из этого, с Америкой нужно поддерживать взаимовыгодные отношения без иллюзий о симпатиях, открытости и излишнем доверии. Современная позиция России основывается на том, что, во-первых, не наша страна начала обострение конфликта, во-вторых, мы научились жить в условиях санкций.

Список литературы

1. Дамаскин О.В. Россия в современном мире: проблемы международной и национальной безопасности. М.: 2016.
2. Бэррес Р. Документы американской революции. Перевод с английского П.В. Рыбина и И.А. Бжилянкой. Тверь-Москва: Альба, Российский экономический журнал, 1994.

С.М. ШАПИЕВ

О СОЦИАЛЬНОМ ГОСУДАРСТВЕ – С ПРИСТРАСТИЕМ

А.А. Клишас. Социальное государство: Монография. Москва,
Международные отношения, 2017. 272 с.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию «Социальное государство» А.А. Клишаса.

Ключевые слова: социальное государство, общественные отношения, правовые нормы, функции государства.

ABOUT SOCIAL STATE – WITH A TASTE

[Review of the book: Klishas A.A. “Social State”, Moscow,
International Relations, 2017, 272 p. (In Russ.)]

Abstract. The article is a review of the monograph prepared by A.A. Klishas “Social State”.

Keywords: social state, social relations, rules of law, functions of the state.

Изданная в текущем году членом Совета Федерации, доктором юридических наук, профессором, председателем Комитета Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству Андреем Александровичем Клишасом монография под названием «Социальное государство» пришлась ко времени. Как декларируется в аннотации, книга посвящена проблематике социального государства как теоретико-правовой и конституционно-правовой категории. В ней автор сквозь призму междисциплинарного подхода рассматривает суть и содержание социального государства как догмы и принципа, в том числе и посредством конституционного правосудия в контексте его современного дискурса.

* * *

Судя по тематике работы, охватывающей концепцию социального государства в различных типах правопонимания, в контексте консервативной и либеральной политико-правовых парадигм, его аксиологии, иначе говоря, социальных интересов, с одной стороны, как объектов целеполагания, с другой, – как их баланса с социальным неравенством и так далее, задача, которую поставил перед собой автор, взявшись за столь важную тему, изначально предполагала переработку и использование не только обширной базы научной литературы, но и практических знаний, апробированных в самых различных ситуациях.

Автор исходит из того, что в современном мире роль социального государства как способа преодоления социальной напряженности уходит в прошлое, оно все больше приобретает черты одного из руководящих начал нормотворческой и правоприменительной деятельности, направленных не только на упорядочение общественных отношений, но и обеспечение релевантного общественному запросу комплекса реакционных по отношению к социальной и экономической конъюнктурам.

Кроме этого, рассмотрение концепции социального государства с различных подходов к правопониманию позволяет автору проследить в своей монографии эволюцию данной характеристики в рамках процесса исторического развития общества. Многие правоведы приходят к промежуточному выводу, трактуя понятие социального государства и исходя из первоочередной роли в его содержании социальных функций, скорее говорят не о государстве как об институте организации публичной власти, а о государственном аппарате и о конкретных задачах в пределах их деятельности в различных сферах общественной жизни. И такой подход искусственно сужает понятие «социальное государство», по сути, делая его синонимичным «социальной политике государства», что не до конца отражает его сущность и содержание. Ни в коем случае недопустимо проведения даже условной грани между социальными и несоциальными государствами, так как социальная сущность и природа априори присущи любому государству. Позитивное же содержание социального государства заключается в его правовом принципе – положении, имеющем аксиоматический характер.

Необходимый уровень благополучия каждого гражданина обеспечивается в большей степени созданием основанных на законе условий для формирования различными группами базы для обеспечения собственной жизненной активности, а не безвозмездным перераспределением социальных благ в пользу менее обеспеченных общественных групп. Исходя из данной позиции, автор, ссылаясь на Дж. Ролза, утверждает, что справедливость возникает в силу гипотетического договора и основана на двух принципах: «Каждый индивид должен обладать равным правом в отношении наиболее общей системы равных основных свобод, совместимой с подобными системами

свобод для всех»; а «социальные и экономические принципы должны быть устроены так, чтобы они были к наибольшей ожидаемой выгоде наименее преуспевших и делали доступ к должностям и положениям, открытым для всех в условиях честного равенства возможностей». Эти принципы и формируют концепцию справедливости, которая звучит следующим образом: все социальные ценности – свобода и благоприятные возможности, доходы и богатства, социальные основы самоуважения – должны быть равно распределены, кроме тех случаев, когда неравное распределение любой или всех из этих ценностей дает преимущество каждому.

Именно эти принципы, по мнению автора, и определяют основы публичного регулирования: первый принцип формулирует требование, в соответствии с которым определенные виды правил поведения (правовых норм), регулирующие основные свободы, должны применяться равным образом ко всем; второй же принцип составляет фундаментальное положение общей системы правового регулирования по обеспечению компенсаторной функции государства (С. 37).

Таким образом, сущность социального государства в различных типах правопонимания охватывает значительную часть сферы общественных отношений как в рамках внутрисоциального взаимодействия, так в формате «общество – государство».

Современный этап политической и социально-экономической эволюции стран западного правопорядка, традиционно считаемых высокоразвитыми, в течение последних десятилетий определяет ряд характерных тенденций, сформировавших целостную концепцию социального прогресса – качественно новый этап в общественно-политическом и социально-экономическом развитии, который и связывают с формированием и функционированием социального государства.

Классическая западноевропейская парадигма относит социальное государство к результату плодотворной попытки практического решения актуальной проблемы гармонизации отношений государства и общества (С. 51).

Учитывая данные постулаты, автор рассматривает социальную сущность государства как институциональной системы общества на фоне природы его происхождения и общественной регуляции, субъектом которой является само государство как таковое.

Автор высказывает уверенность и также уверенно доказывает, что всестороннее полноценное исследование социального государства невозможно без рассмотрения вопроса о его ценностном содержании. При этом он учитывает, что аксиология социального государства имеет двойственный характер, выступая как объект целеполагания при умозрительной характеристике государственно-организованного общества; и имея такой собственный, имманентный объект целеполагания, как социальная справедливость (С. 142).

Подчеркивая, что XXI век вносит коррективы и качественные изменения в глобальные процессы, затрагивающие все без исключения страны мира, автор отмечает все более возросшее значение социальных последствий этих процессов и констатирует, что в новых условиях именно социальные проблемы будут определять облик очередного этапа в эволюции государственно-правовых явлений.

А характеризуя двойственность аксиологического содержания социального государства как объекта целеполагания, акцентирует внимание читателя на том, что содержание социального государства представляет собой совокупность положительных обязанностей государства по отношению к личности, выраженных в мерах публично-правового характера, принятие которых основано на принципах справедливости равенства, а также формально-определенный конкретный конституированный механизм, реализация которого сохраняет и поддерживает баланс социальных интересов в пределах реализации социальной справедливости.

Надо сказать, что к исследованию обозначенной в названии своей книги темы автор обнаруживает определенное свойство пристрастие, вызванное, скорее всего, родом его трудовой деятельности и близости по занимаемому должностному положению к государственным структурам. Этим и объясняется осведомленность и информированность автора, которая являет собой результат практической деятельности в Совете Федерации Парламентского Собрания Российской Федерации. Думается, что и тема сама обязывает автора быть пристрастным, а местами и конкретным, предлагая на обсуждение читателям ранее не изученные стороны социального государства как явления.

Говоря о подходе к социальному государству, автор рассматривает его в зависимости от идеологической политико-правовой парадигмы, в которой при наличии понимания и содержания социального государства социальные закономерности отсутствуют. А рассуждая о конституционной модели социального государства, он приходит к выводу, что конституция лишь задает ее общую формулу. Задача законодателя – обеспечить оптимальное сочетание различных форм реализации принципа социального государства.

Разумеется, рецензируемая монография – не без погрешностей. Но она имеет существенную ценность как первая работа в нашей стране, целиком и полностью посвященная политическому, экономическому и общественному феномену последних десятилетий – социальному государству. И опять же, как верно указано в ее аннотации, будет интересна и полезна «как ученым – теоретикам права, так и государствоведам, преподавателям, аспирантам и магистрантам юридических вузов», а также широкой читательской аудитории – всем, кто интересуется проблемами теории государства и права, конституционного права и конкретно социального государства.

А.В. МАНОЙЛО

СОВРЕМЕННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ: ПРАВО НА МОДЕРАЦИЮ

А. И. Никитин. *Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование*. Учебник. Москва, «Аспект-Пресс», 2017. 384 с.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на учебник, подготовленный А.И. Никитиным, «Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование».

Ключевые слова: политика, международные отношения, миротворчество, миротворческие операции, международные конфликты, урегулирование, разрешение, ООН, НАТО, безопасность.

MODERN POLITICAL CONFLICTS: THE RIGHT TO MODERATION

[Review of the book: Nikitin A.I. «International Conflicts: Intervention, Peacemaking, Settlement», Moscow, Aspect Press, 2017, 384 p. (In Russ.)]

Abstract. The article is a review of the textbook prepared by A.I. Nikitin «International Conflicts: Intervention, Peacekeeping, Settlement».

Keywords: politics, international relations, peacekeeping, peacekeeping operations, international conflicts, settlement, resolution, UN, OTAN, security.

Рецензируемая работа А.И. Никитина выполнена на тему, актуальную как в научно-теоретическом, так и в прикладном плане. Сегодня между-

МАНОЙЛО Андрей Викторович — доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва

народные конфликты — один из наиболее проблемных составляющих системы международных отношений. По-прежнему для многих конфликтов остаются неоднозначными ответы на, казалось бы, простые вопросы: кто является стороной конфликта, а кто — внешней силой; кто имеет право вмешиваться в конфликт, с какими целями и в каких формах; какое вмешательство является легитимным, а какое — нарушением международного права? (С. 7).

В международных отношениях политические конфликты играют особую роль. Они выступают как специальная форма политического взаимодействия акторов международных отношений и мировой политики, как способ разрешения противоречий и как система, защищающая международные отношения от перегрева, — «клапан» для выпуска «пара», и направлены на сохранение существующей системы международных отношений. Одно лишь перечисление указанных функций позволяет сделать вывод, что современные конфликты встроены в систему международных отношений, несут в ней значительную функциональную нагрузку, при этом создают условия как для ее разрушения, так и развития по пути модернизации и прогресса.

В условиях нарастающей глобальной неопределенности, связанной с множеством возникающих по всему миру острых международных противостояний, особенно актуален поиск новых форм, методов, инструментов и технологий политического воздействия на конфликты, способные направить их развитие в русло урегулирования или разрешения. Для этого, как правильно замечает автор, необходимо познать природу современного международного конфликта, иметь представление о причинах, порождающих конфликтные отношения, знать особенности их эволюции, начиная от исходной точки (фазы) инициации конфликта и заканчивая фазой угасания, имеющей естественный или вынужденный характер. Именно поэтому свой учебный курс автор начинает с изложения теоретико-методологических аспектов изучения конфликтов и войн, подробно рассмотренных в главе 1 (С. 10–31).

Теоретическое рассмотрение вопросов, связанных с определением природы современных политических (международных и немеждународных) конфликтов, причин и предпосылок их возникновения, как правило, начинается с дефиниций предметного поля исследования. Определение конфликта в книге вводится сквозь призму социологии, при этом определение социального конфликта переносится в сферу политических отношений без изменения. В представлении автора исследования «конфликт (социальный) есть противопоставление и столкновение интересов двух или более индивидуальных или групповых социальных акторов, ... направленные на реализацию каждой из сторон своих интересов» (С. 11). При этом утверждается, что «в политологической литературе» определение конфликта «обычно тесно связано с понятием интересов сторон» (С. 11). Другими словами, политический конфликт рассматривается, во-первых, как социальный, и во-вторых, как

конфликт интересов. С этим мнением можно согласиться лишь отчасти. Не все социальные конфликты — политические, и политическим конфликт делает наличие не социальных (индивидуальных и групповых), а политических акторов или «разнонаправленных политических сил». Интересы последних должны быть направлены на сферу власти и властных отношений, конфликтные противоречия — связаны с процессами приобретения, распределения (перераспределения) и делегирования власти, а взаимные претензии и амбиции — носить исключительно политический характер.

С нашей точки зрения, политический конфликт следует определять как столкновение двух или более разнонаправленных политических сил по поводу власти и осуществления политического управления, обусловленное существованием объективных противоречий в развитии системы международных отношений и вызванное наличием у конфликтующих сторон неурегулированных претензий, взаимоисключающих политических интересов и целей, направленных на сферу международных отношений¹. Такие конфликты принято называть международными и отделять от локальных (немеждународных, внутривнутриполитических) конфликтов, цели, объекты и субъекты которых полностью ограничены рамками политической системы одного отдельно взятого государства.

Политические конфликты не исчерпываются одними лишь конфликтами интересов, поэтому согласиться с утверждением автора о том, что «в современной политологической литературе» определение конфликта «обычно тесно связано с понятием интересов сторон» (С. 11), можно лишь частично. Помимо классических конфликтов интересов, довольно хорошо разработанных представителями школы политического реализма, существуют еще конфликты ценностей и конфликты идентификации. Действительно, у непосредственных участников политического конфликта возникающие между ними противоречия могут лежать в плоскости несоответствия интересов, ценностей или идентификации (связанные с претензиями, возникающими при разделении общества на «своих» и «чужих» по определенному признаку). По этому критерию политические конфликты принято разделять на «конфликты интересов», «конфликты ценностей» и «конфликты идентификации».

На присутствии в международных отношениях и мировой политике конфликтов двух последних видов настаивают представители двух других школ — соответственно, политического либерализма (ценности) и политического конструктивизма (идентификация). И никуда от них не уйдешь, поскольку обе школы имеют собственные давние и весьма глубокие традиции исследования политических конфликтов, их природы, причин возникновения, закономерностей развития, форм и методов регулирования.

¹ Манойло А. В. Политические конфликты в международных отношениях и мировой политике // Мир и Политика. 2013. № 2. С. 71–82.

В этом плане наличие у политических акторов разнонаправленных интересов еще не является условием, достаточным для перерастания их взаимодействия в конфликт. Действительно, современные политические конфликты (в том числе на международном уровне) могут возникать и в условиях совпадения интересов, но при условии расхождений в ценностях или идентификации, играющих роль иррациональных факторов разжигания конфликтов. Напротив, в определенных условиях совпадение ценностей может погасить процесс инициации конфликта даже при наличии у сторон разнонаправленных интересов, обращенных на политическую сферу.

После уточнения дефиниций (определения) конфликта и той роли, которую играют разнонаправленные интересы его участников в возникновении между ними конфликтного взаимодействия — с установкой на силовое разрешение существующих противоречий (С. 15) представляется логичным в рамках курса, представленного в рецензируемой работе, перейти к классификации и типологии современных конфликтов, в первую очередь — политических, международных. Этому вопросу посвящен второй параграф первой главы книги (С. 15), в котором автор дает обширный обзор существующих научных подходов к классификации и типологии конфликтов, используя различные методологические основания: тип (сфера) общественных отношений, характер субъектов (С. 15), характер средств, стадия проявления, продолжительность (С. 16). При этом автор приводит примеры типологий конфликтов М. Дойча (по типу участников), К. Холсти и К. Боулдинга, являющихся базовыми для изучения исследуемой темы в высших учебных заведениях.

Между тем, современные научные подходы к классификации и типологии политических конфликтов не ограничиваются указанными классификациями. Это поле более обширно, чем представлено в настоящей книге. В ней отсутствует описание таких базовых для конфликтологии позиций, как теория «исходного конфликта» (М. Вебер, Р. Дарендорф), полагающей, что конфликты присущи, неизбежны, имманентны обществу, их нельзя предотвратить, можно лишь смягчить их негативные последствия; теория «производного конфликта» (Т. Парсонс, Э. Дюркгейм), сторонники которой утверждают, что конфликты в обществе возникают в результате несогласованных действий его участников и так далее. К сожалению, в книге не нашлось места и таким общеизвестным и устоявшимся в научном мире классификациям, как деление конфликтов на «конфликты интересов», «конфликты ценностей» и «конфликты идентификации»; конфликты с нулевой и ненулевой суммой; ложные и ложнопонятые конфликты.

В третьем параграфе первой главы приводится авторское определение войны, как особой формы конфликта. При этом война определяется как «конфликт коллективных социальных акторов», «протекающий в форме вооруженного насилия» и направленный на «перераспределение ресурсов» или «реализацию ими (актерами) комплекса территориальных, ...

гуманитарных и иных интересов» «за счет уничтожения, притеснения или подчинения других сторон». К числу акторов, обладающих правом или способностью вести военные действия, автор работы относит «государства и их коалиции, политические и социальные движения и др.» (С. 20).

Отдавая должное оригинальности авторской формулировки такого базового понятия (для теории международных отношений) как война, отметим, что данная формулировка уступает по своей точности представленному в том же параграфе определению войны М. Хардта и А. Негри (2005), которые не без оснований утверждают, что война — это «вооруженный конфликт между суверенными политическими акторами — национальными государствами»² (С. 22). Действительно, война — это вооруженный международный конфликт, в котором могут принимать участие только институализированные (то есть, признаваемые международным сообществом в качестве таковых) международные политические акторы. Акторы неполитические («социальные движения») или немеждународные («политические движения») ни объявить войну, ни завершить ее в принципе не могут.

При этом цель любой войны — не «реализация комплекса интересов» или «перераспределение ресурсов» (С. 20), а нанесение противнику военного поражения с последующим уничтожением (если тот не сдается) или капитуляцией (которая, как известно, может быть с условиями сдачи или безоговорочной). Никакая «реализация комплекса интересов» в понятие войны не вписывается и не укладывается. А «притеснять, подчинять» могут и рабов на плантациях, угрожая им оружием и периодически отстреливая недовольных (осуществляя в отношении них акты вооруженного насилия). В приведенном примере авторского определения войны все ее признаки налицо, но войной это вряд ли можно назвать.

Вместе с тем, автор совершенно справедливо уделяет большое внимание понятию «вооруженный конфликт», которое Гаагский конгресс Всемирной ассоциации международного права в 2010 году рекомендовал использовать вместо понятия «война». Эта инициатива связана со стремлением перенести множество уже кодифицированных в международном праве норм и механизмов регулирования с области войн на более широкую предметную область вооруженных конфликтов (в которых могут участвовать не только государства, но и негосударственные участники: разного рода повстанческие и партизанские формирования, террористические группировки и т.д.).

Вместе с тем указанный термин понятие войны заменить не может: существует довольно много ситуаций, когда вооруженные столкновения даже между государствами не приводили к объявлению войны (пограничные конфликты между Индией и КНР, Индией и Пакистаном, и др.). Кроме того, любая гражданская война, подпадая под определение « воору-

² Hardt M., Negri A. *Vultitude: War and Democracy of the Age of Empire*. NY: Penguin, 2005. P. 3.

женный конфликт», остается внутренним делом государства, в котором она протекает, и в отличие от войны, ведущейся между государствами, не дает прав другим государствам в нее вмешиваться.

Четвертый параграф книги посвящен разбору теории «справедливых» и «несправедливых» войн. Деление войн на справедливые и несправедливые появилось в теории международных отношений как результат поиска оснований для оправдания (с последующей легитимацией) одностороннего применения вооруженной силы одними государствами против других. Поднимая эту тему, следует иметь в виду, что концепция «справедливых войн» — типичный адвокатский прием, призванный создать возможность для одностороннего применения вооруженного насилия в обход существующих международных механизмов и процедур, в обход мнения Совета Безопасности ООН.

Во второй главе работы речь идет о вопросах миротворческой деятельности, а также формах и методах вмешательства в конфликты, при этом изложение учебного материала начинается с «форм разрешения и урегулирования конфликтов». Подход оправдан, поскольку миротворчество в наиболее широком понимании — деятельность, направленная на урегулирование либо разрешение международных конфликтов. И автор совершенно обоснованно разделяет эти понятия, понимая под урегулированием «частичный, чаще всего, временный компромисс конфликтующих сторон», а под разрешением — «относительно полное искоренение корней конфликта» (С. 32), связанное с тем, что «интересы сторон ... перестают мотивировать их к противостоянию», вследствие чего, по мнению автора книги, «конфликт исчезает». Соглашаясь с позицией в том, что урегулирование и разрешения конфликта — не одно и то же, а также с тем, что урегулирование всегда носит временный характер, в то время как разрешение конфликта — вещь постоянная, при достижении которого конфликт перестает существовать, следует, все же, отметить, что граница между этими понятиями проведена автором нечетко: сложно понять, почему именно «искоренение корней» делает урегулирование разрешением, и что в таком случае делать со «стволом» и «ветками» конфликта.

«Искоренение корней» конфликта, являющееся одновременно и целью, и отличительным признаком разрешения, это, на самом деле, — деятельность по выявлению, конкретизации и разрешению объективно существующих и порождающих конфликт противоречий. Если противоречия удается выявить, распознать и разрешить (устранить), то конфликт прекращает свое существование и наступает его разрешение. Если же выявление и разрешение противоречий не происходит, можно говорить лишь о временном затухании конфликта, о переходе конфликта в фазу урегулирования, типичным примером которой являются так называемые замороженные конфликты.

Помимо урегулирования и разрешения существуют также такие понятия как предупреждение и профилактика политических (международных)

конфликтов. Об этом в книге, к сожалению, не сказано ни слова. Вместо того, чтобы рассказать о данных важных категориях, автор сразу переходит к другим значимым понятиям: «посредничество» и «третья сторона». При этом представляется своевременным утверждение автора, что не всякое посредничество нацелено на урегулирование или разрешение конфликта: «нередки ситуации, когда то или иное государство, особенно «великая держава» или коалиция государств имеют собственные интересы в отношении региона конфликта, свой проект преобразования международной системы, и тогда их действия в отношении конфликта не будет «беспристрастным миротворчеством» (С. 35). С этим мнением можно в полной мере согласиться. Вместе с тем важнейшую составляющую деятельности по урегулированию и разрешению современных конфликтов, то есть посредничество (медиацию), можно было бы рассмотреть более подробно, фундированно и системно, особенно в части, касающейся стратегий ведения переговоров и роли третьих сторон.

Несколько строк посвящено и такой важнейшей категории современной конфликтологии, как управление конфликтами (С. 36). В этом плане автор ссылается на работы Д. М. Фельдмана, указавшего регулирование конфликта в качестве одного из способов управления им³. Не ограничиваясь этой точкой зрения, А. И. Никитин вводит собственное определение понятия управления конфликтом, понимая под ним «общий подход, при котором предотвращение, разрешение, ... есть частные практики, возникающие в ходе решения более общей задачи — реализации своих политических интересов посредством использования конфликта для влияния на политические процессы». Из этого определения, весьма туманно сформулированного, можно понять две вещи: автор считает предотвращение, разрешение, прекращение, разжигание конфликта частями управления им; управление конфликтом он видит как процесс его использования для влияния на внешние политические процессы (не имеющие прямого отношения к самому конфликту).

Между тем, объектом управления конфликтом, очевидно, является сам конфликт, и только он, а не внешние процессы. В этом плане был бы целесообразным более тщательный анализ управления конфликтом как организацию внешнего воздействия на конфликт, способного направить его течение в определенное русло⁴.

Параграф 2.3 и 2.4 — по сути, качественно сделанные переводы основных терминов и понятий, входящих в предметное поле миротворчества и миротворческой деятельности. В параграфе 2.4 представлен довольно четкий перевод классификаций миротворческих операций Ч. Добби, Г. Стимсона, Л. Кейбла и М. Нордквиста. При этом на первые два из этих источников нет ссылок. Создается впечатление, что отрывок текста Ч. Добби автор

³ Фельдман Д. М. Политология конфликта. М.: Стратегия, 1998. С. 83.

⁴ Манойло А. В. Политические конфликты в международных отношениях и мировой политике // Мир и Политика. 2013. № 2. С. 71–82.

почерпнул из личной беседы. К достоинствам же данного параграфа можно отнести хорошо прописанную дискуссию, развернувшуюся в американском научном сообществе по поводу четырех базовых видов миротворческих операций, сформулированных Г. Стимсоном. Недостаток этой части текста в полном отсутствии в нем мнения российских авторов. Ведь современное миротворчество — это не прерогатива США и других представителей Западного мира, а в неменьшей мере непосредственная сфера действий отечественных миротворцев.

Исключительно интересным, как по постановке вопроса, так и по содержанию, представляется рассмотрение в параграфе 2.6. миротворчества как «справедливой войны» (С. 52–55). Здесь представлен глубокий анализ международного опыта (в основном, американского) совмещения двух «зонтичных брендов» — миротворчества и справедливых войн. Действительно, операции по принуждению к миру все чаще начинают рассматриваться в США и других странах Запада как «разрешенные» войны, которые становятся «справедливыми» (а значит, морально и юридически оправданными), в первую очередь потому, что их главная декларируемая цель — «стремление к миру». Данный подход исследователя не просто вызывает самый живой интерес у читателя, но и обладает несомненной новизной.

Не менее интересные вопросы и проблемы автор поднимает в параграфе 2.7, посвященном определению реальных субъектов вмешательства в конфликты (С. 55). Речь идет о механизмах делегирования ООН миротворческих полномочий коалициям стран во главе с США или другими мировыми лидерами. По сути, автор говорит об аутсорсинге миротворческих функций, при котором «за ООН остается лишь самое общее политическое определение целей операций», в то время как «все текущее практическое руководство и военное командование переходит на уровень государственных или союзных структур» (С. 56). С этим мнением в полной мере можно согласиться. При этом функция определения масштабов и степени вмешательства также переходит от ООН к государствам и их союзам, а сам Совет Безопасности ООН остается для подобного рода деятельности лишь «зонтичным брендом».

В параграфе 2.9 предпринимается довольно интересная попытка рассмотрения урегулирования конфликтов как «кризисного реагирования» (С. 60). Конфликт воспринимается автором как «пожар», а миротворческие операции — как «пожарное реагирование». Отчасти это действительно так: довольно часто международное сообщество начинает вмешиваться в конфликт, когда он уже окончательно оформился, сформировался и достиг кульминационной фазы. При этом время оказывается упущено, и ООН ничего не остается, кроме реагирования по факту, в экстренном («пожарном») порядке.

Но это вовсе не означает, что все миротворчество должно сводиться только к подобному реагированию. Огромное значение в деятельности по

урегулированию конфликтов имеет их предупреждение и профилактика, на которые в идеале должно приходиться 70–80 процентов объема всей миротворческой деятельности. Кризисное реагирование в миротворчестве чаще всего свидетельствует не о наивысшей степени готовности антикризисных сил и их высокой степени реакции, а о системных сбоях и недоработках в организации предупреждения и профилактики конфликтов. Об этом автор книги (буквально одной фразой) упоминает на странице 61: «концепция миротворческих действий ... идет дальше «кризисного реагирования» и включает ... заметный компонент предотвращения назревающих конфликтов». Этого, на наш взгляд, для раскрытия поставленной проблемы явно недостаточно.

В следующем параграфе 2.10 автор формулирует два подхода к урегулированию конфликтов: «роялистский» и «глобалистский» (С. 61). Эта новация, предложенная автором, довольно интересна, особенно в том, что эти подходы в определенном смысле полярны и стоят на взаимоисключающих позициях: в первом конфликт рассматривается как столкновение национальных интересов современных государств, во втором — как противостояние транснациональных интересов субъектов глобального управления и любых других интересов, в том числе национальных.

Интуитивно такое деление на подходы представляется вполне понятным и имеющим свои основания. Вместе с тем, это деление не является полным и не раскрывает все существующие подходы к урегулированию конфликтов, поскольку кроме реализма и его конфликта интересов в политической науке существует еще и либерализм с конфликтами ценностей и конструктивизм с конфликтами идентификации, не нашедшие отражения в классификации подходов, предложенных автором книги.

Вторая часть книги — детальный разбор роли и места международных организаций в миротворческой деятельности и политики международных организаций в отношении конфликтов (С. 75). При этом третья глава целиком посвящена ООН и ее системе миротворческих операций, терминологии, нормам, процедурам и механизмам осуществления миротворческой деятельности. Входящие в нее параграфы 3.1–3.6 дают довольно полное представление о становлении и эволюции миротворческой деятельности ООН, принципах использования военной силы и реальных, документально подтвержденных масштабах миротворческой деятельности. Однако, наибольший интерес представляют разделы, посвященные реформированию миротворческой деятельности ООН (3.8), анализу ее провалов в миротворческой деятельности (3.9) и процессов модернизации указанной деятельности (3.11). Эти разделы содержат материалы дискуссий, обсуждений, докладов, результаты столкновений различных точек зрения на миротворческую деятельность ООН и необходимость ее модернизации, разбор проблемных вопросов.

Представляет интерес и материал, касающийся современных интерпретаций требований нейтральности и равноудаленности и принципа согласия сторон на невмешательство. Можно в полной мере согласиться с мнением автора о том, что для развертывания миротворческой деятельности решающим является согласие присутствующих в зоне конфликта легитимных государственных акторов (С. 104), а не негосударственных участников международных отношений. В завершении третьей главы (3.15) автор предлагает собственную архитектуру единой системы кризисного реагирования на конфликты, ориентированную на практику, которая, несомненно, заслуживает внимания.

Четвертая глава книги посвящена миротворческим операциям СНГ и миротворческой деятельности ОДКБ; пятая глава раскрывает роль ОБСЕ как структуры обеспечения коллективной безопасности в Европе; шестая глава отведена описанию и характеристике политических и военных функций НАТО в конфликтных регионах: в седьмой главе речь идет о миротворческой деятельности Европейского Союза (ЕС).

Следует отметить, что автор качественно описывает крупные операции НАТО вне зоны ответственности Альянса (6.2), приводя множество данных фактического, справочного характера, что также является несомненным достоинством книги. При этом он по пунктам формулирует особенности и характерные черты деятельности НАТО в отношении конфликтов, что вносит предельную четкость и ясность в понимание предмета изучения.

Отдельный параграф (6.3) посвящен взаимодействию России и НАТО в конфликтных регионах, что также представляет значительный интерес для читателя. Так, подробно расписана работа форумов, площадок, рабочих групп, консультативных органов, возникавших в различное время между Россией и НАТО в связи с необходимостью координировать свои действия в зонах конфликтов. Автор отмечает, что, несмотря на конфликт интересов между Россией и НАТО, «сотрудничество в Сирии положило начало новому этапу действий против общих угроз и вызовов» (С. 168). Принимая во внимание оптимизм автора, все же необходимо подчеркнуть, что фактическая обстановка в Сирии данное заключение пока не подтверждает: нынешнее состояние сотрудничества Российской Федерации и США в этой стране характеризуется скорее отсутствием общих целей, чем их наличием.

В третьей части книги автор повествует об особенностях протекания, урегулирования и разрешения конфликтов на постсоветском пространстве. Это — так называемая кейсовая часть книги: в ней подробно изложен ход наиболее значимых конфликтов, а также описываются шаги и действия международных акторов, направленные на их урегулирование или разрешение. В разделе представлен анализ конфликтов на Южном Кавказе (глава 8: конфликты в Абхазии, Южной Осетии, российско-грузинская война 2008 года), в Центральной Азии (глава 9: гражданская война в Тад-

жикистане), на Украине (глава 10: Донбасс, Минск-1, Минск-2). Материал насыщен фактами, расположенными в хронологическом порядке, и ценными сведениями справочного характера, систематизированными в виде единой авторской модели описания конфликта. Анализ каждого конфликта сопровождается своя формализованная карта, которую автор называет «матрицей конфликта».

В четвертой части анализируются региональные конфликты в Европе, Азии и Африке. Сведения, изложенные в данной части работы, представляют несомненный интерес для читателей, изучающих международные конфликты. Кроме того, каждый конфликт, рассматриваемый в четвертой части книги, сопровождается хронологией событий, что также имеет большое значение для усвоения студентами учебного материала и глубокого понимания происходивших (и происходящих в настоящее время) в регионах процессов.

В заключение следует отметить, что А. И. Никитин представил широкой читательской аудитории качественное исследование, выполненное на высоком системном и профессиональном уровне. Это целостная, состоявшаяся, фундированная работа, опирающаяся на солидную источниковую базу, демонстрирующая владение автором методологией политологических исследований и профессиональный стиль преподавания. Данная работа — один из первых трудов по международной конфликтологии, своевременное появление которого будет востребовано студентами и аспирантами, обучающимися по направлениям «Международные отношения» и «Конфликтология». Можно сказать, что появление рецензируемого издания закрывает огромное «белое пятно» и солидную брешь в учебной литературе по конфликтологии, что придает книге особую ценность. Широкий охват регионов и кейсов, успешно осуществленный автором, придает работе энциклопедический характер и будет способствовать формированию у студентов широкого кругозора и подлинно академического мировоззрения. Уровень выводов и обобщений, представленных в книге, соответствует передовому уровню развития современной политической науки. Многочисленные факты, сведения и справочные данные, сопровождающие анализ конфликтов, делают книгу интересным не только для студенческой и аспирантской аудитории, но и для уже состоявшихся специалистов, имеющих опыт научно-исследовательской и практической работы в данной сфере.

Список литературы

1. Манойло А.В. Политические конфликты в международных отношениях и мировой политике // Мир и Политика. 2013. № 2. С. 71–82.
2. Фельдман Д.М. Политология конфликта. М.: Стратегия, 1998.
3. Hardt M., Negri A. *Vultitude: War and Democracy of the Age of Empire*. NY: Penguin, 2005.

Р.В. ПЫРМА

Международная научная конференция «КАПИТАЛ РЕВОЛЮЦИЙ»

***Аннотация.** Автор представляет обзор содержания Международной научной конференции «Капитал революций». Концепция конференции отличается оригинальным подходом в рассмотрении революции в преломлении различных видов капитала. Революции носят неоднозначный характер по тяжести и прогрессивности своих причин и последствий, что дает основания для серьезной научной дискуссии. Издержки и выгоды революций должны стать предметом обсуждения.*

***Ключевые слова:** революция, политический капитал, экономический капитал, социальный капитал, культурный капитал, революционная ситуация, теория революций, типология революций.*

International scientific conference «CAPITAL OF REVOLUTIONS»

***Abstract.** The author presents an overview of the contents of the International Scientific Conference «Capital of Revolutions». The concept of the conference is distinguished by an original approach in considering the revolution in the refraction of various types of capital. Revolutions are ambiguous in severity and progressivity of their causes and consequences, which gives rise to serious scientific discussion. The costs and benefits of revolutions should be discussed.*

***Keywords:** revolution, political capital, economic capital, social capital, cultural capital, revolutionary situation, the theory of revolutions, the typology of revolutions.*

ПЫРМА Роман Васильевич – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

«2017 год – год столетия Февральской и Октябрьской революций. Это весомый повод еще раз обратиться к причинам и самой природе революций в России. Не только для историков, ученых – российское общество нуждается в объективном, честном, глубоком анализе этих событий. Это наша общая история, и относиться к ней нужно с уважением».

Из Послания Президента России
В.В. Путина Федеральному Собранию.
1 декабря 2016 г. Москва, Кремль

4–6 октября 2017 года в Финансовом университете при Правительстве Российской Федерации состоялась Международная научная конференция «Капитал революций», приуроченная к 100-летию эпохального события – Великой российской революции 1917 года, предопределившей ход мировой истории XX века.

Конференция была организована Финансовым университетом и Институтом российской истории РАН. Партнерами выступили Российская ассоциация политической науки (РАПН), Российское общество политологов (РОП), Российское общество исследователей экономической истории, Институт экономики РАН и Государственная публичная историческая библиотека России, а также научные журналы «Полис: политические исследования», «Политическая наука» и «Гражданин. Выборы. Власть». На конференции были представлены научные издательства «Дело», «РОС-СПЭН», «Инфра-М», «Аспект Пресс», ИНИОН РАН, «Прометей» и др. В рамках конференции совместно с Государственным центральным музеем современной истории России была открыта экспозиция плаката революционного времени.

Концепция мероприятия строилась на представлении, закрепившемся в научном сообществе, о различных видах капитала¹. В этой парадигме представляется возможным разносторонне рассмотреть революции с различных позиций. В центр внимания конференции был поставлен вопрос капитализации, издержек и достижений революций, их влияния на переустройство мира и общества. Задачи конференции заключались в осмыслении социально-экономических предпосылок, движущих сил, противостояния идеологий и политических технологий, определении

¹ См. Социологическая теория капитала изложена в работах Г. Беккера «Человеческий капитал» (1964 г.) и П. Бурдые «Набросок теории практического действия» (1972), «Практический смысл» (1980), Дж. Коулман «Капитал социальный и человеческий» (2000) и др.

исторических развилок революционных событий. Концепция конференции предполагала рассмотрение революций в политическом, экономическом, социальном и культурном измерениях. Соответственно, программа мероприятия была выстроена по следующим направлениям: политический капитал, экономический капитал, социальный капитал и культурный капитал.

В содержании конференции акценты делались на причинах, процессе и последствиях, движущих силах и технологиях революций, а также взаимоотношениях между государством, элитами и группами населения. Конференция предоставила возможность участникам попытаться ответить на важные вопросы общественности. Когда и по каким причинам случаются революции? Как складывается революционная ситуация? Как кардинальные политические перемены связаны с экономикой и демографией? Какова роль элиты и массовых настроений в революциях? Какие потери и достижения приносили революции? Какие были развилки российской истории, альтернативные варианты 1917 года? Являются ли революциями события на постсоветском пространстве, получившие название «цветных революций»?

* * *

Первый день конференции проходил в форме пленарного заседания, на котором выступали почетные гости и ведущие спикеры. В ходе пленарного заседания были обозначены ключевые идеи и направления дискуссии, поставлены научные задачи конференции. Программа второго дня конференции была распределена по определенным направлениям и тематикам теоретических и технологических сторон различных типов революций. Программа третьего дня выстраивалась специально для молодых ученых из числа бакалавров, магистров и аспирантов. Молодежная часть конференции была структурирована по нескольким площадкам: политические дебаты, избранные измерения революций и вечерняя сессия экспресс-докладов.

Пленарное заседание открыл ректор Финансового университета, доктор экономических наук, профессор **М.А. Эскиндаров**. В приветственном слове ректор сделал акценты на значении российских революций 1917 года и о роли истории в патриотическом воспитании граждан. Он отметил: «В истории любой страны случаются события, которые являются поворотными в ее исторической судьбе. К числу таких событий, безусловно, относятся революции. Однако далеко не в каждой стране происходят всемирно-исторического значения события, являющиеся поворотным пунктом в мировой истории, меняющие не только ход истории, но и ее содержание. Таких общепланетарных явлений не так много, но мы имеем все основания сказать, что российские революции 1917 года занимают

весьма важное место в их ряду. В первую очередь это относится к Октябрьской революции».

Заместитель председателя ЦК КПРФ, первый заместитель председателя комитета Государственной Думы по международным делам **Д. Г. Новиков** заострил внимание на историческом наследии Октябрьской революции, идеях социальной справедливости и завоевании СССР статуса сверхдержавы.

Президент Российской ассоциации политической науки (РАПН), заведующий кафедрой сравнительной политологии МГИМО МИД России **О. В. Гаман-Голутвина** выступила с научным докладом «Человеческое измерение революций 1917 года в России», в котором охарактеризовала революции как кризис развития политической системы, обусловленный стремительной экономической динамикой. По ее словам, «События 1917 года можно определить, как кризис развития, вызванный форсированной динамикой экономической подсистемы. Дальнейшее развитие настоятельно требовало политической модернизации, что предполагало создание соответствующей гибкой политической системы, способной быть механизмом согласования многократно усложнившейся интересов социальных групп. Необходимо было выработать эффективную концепцию политической модернизации; найти формулу элитного компромисса с поддержкой наиболее перспективных социальных акторов; найти приемлемый вариант этой стратегии для уходящих социальных слоев; блокировать протестные движения масс и при этом по возможности сохранить прерогативы самодержавия. Неприемлемое качество человеческого капитала, несостоятельность управленческой когорты — главная причина распада Российской империи».

На конференции присутствовали потомки исторических личностей, которые «стояли по разные стороны баррикад», были непримиримыми врагами. Президент Американской торговой палаты в России (AmCham) **Алексис Родзянко**, приходящийся правнуком председателю Государственной думы Российской империи третьего и четвертого созывов Родзянко М. В., поделился воспоминаниями своих предков о подорвавших человеческие силы страны революционных событиях и положениями теории революций. Он выразил мнение, что «По теории революции случаются тогда, когда после периода беспрецедентного экономического роста страны наталкиваются на препятствие, и в результате этого происходит резкий спад. Россия до 1917 года развивалась весьма успешно. Революции и гражданская война — это единая цепь событий. При любой форме правления, если бы можно было избежать революции и того, что за ней последовало, Россия была бы гораздо сильнее».

Дочь одного из революционеров и первого наркома финансов СССР Г. Я. Сокольникова **Г. Г. Сокольникова (Тартыкова)** рассказала о восприятии революции ее семьей, воодушевлении и трагических последствиях,

ставших исторической закономерностью, когда «революция пожирает своих детей».

Генеральный директор Государственного центрального музея современной истории России **И. Я. Великанова** рассказала о масштабной тематической выставке «Код революций», обозначила необходимость формирования образа будущего на историческом основании, преодоления разрыва между академическим и народным знаниями истории своей страны.

Директор Института российской истории РАН **Ю. А. Петров** в концептуальном докладе изложил современную трактовку революционных событий, как единого исторического процесса Великой российской революции от февраля 1917 года до окончания гражданской войны. Он отметил неоспоримое значение российской революции, которое состоит в том, что она круто изменила ход истории не только в России, но и во всем мире. Докладчик констатировал: «В научном сообществе стало преобладать представление о революции ни как об одномоментном событии, а как о длительном, многофакторном процессе. Великая российская революция включает три этапа: Февральскую революцию, Октябрьскую революцию и гражданскую войну». Особое внимание Ю. А. Петров обратил на первые результаты революции: распад государства, экономический коллапс, громадные потери населения. По его утверждению, «революция — самый кровавый и жестокий способ разрешения социальных конфликтов, в XX веке Россия исчерпала лимит на революции».

Член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор **Б. С. Эбзеев** в своем докладе акцентировал внимание участников конференции на идейных истоках Великой российской революции и конституционном устройстве власти. Он выразил обоснованную позицию, что российская революция была движима задачей дать свободу народу, несшему в течение всей отечественной истории неимоверные тяготы во имя государства, и добиться справедливого устройства общества, свободного от пороков капитализма. Само провозглашение революцией социально-экономических прав в их позитивном значении оказало существенное влияние на развитие конституционализма в мире, подвигнув европейский мир на путь социальных реформ. Б. С. Эбзеев связал с данными обстоятельствами «начало конституционализации прав «второго поколения», которые в современном мире составляют каталог «социальных естественных прав», получивших всемирное признание».

Посол по особым поручениям Министерства иностранных дел Российской Федерации **В. Е. Чуров** представил доклад о взаимном восприятии красных и белых военачальников в период кровопролитной Гражданской войны.

Генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) и научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета **В. В. Федоров** выступил с до-

кладом о динамике отношения граждан к революции 1917 года, а также о революционных настроениях в современном российском обществе.

Политический деятель, первый президент Южной Осетии **Э. Д. Кокойты** в своем выступлении сосредоточился на патриотическом характере капитала, сохранении традиций и ценностей, угрозы реализации сценариев государственных переворотов.

Заместитель директора Института всеобщей истории РАН, руководитель Центра социальных исследований **Е. Н. Кириллова** отметила историю складывания капитала и его роль в революциях.

Научный руководитель Финансового университета, член-корреспондент РАН **Д. Е. Сорокин** изложил концептуальные основы содержания конференции, научную проблему теории революций, как растрата или наращивание капитала (ресурса развития), сформулировал задачу междисциплинарного подхода к изучению революций.

Заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова **А. И. Соловьев** сосредоточил свои рассуждения на теме российского революционизма в пространстве культуры и границах политики.

Вице-президент французской ассоциации экономистов «Кружок Кондратьева», профессор Университета Paris-Est Créteil **Жан-Луи Трюэль** (Jean-Louis Truel) (Франция) в своем докладе рассмотрел политическое наследие революционных идей в современной Франции.

Председатель правления РАПН, заместитель заведующего кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС **Л. Н. Тимофеева** посвятила свое выступление вкладу Российской революции в развитие мировой цивилизации.

Заведующий кафедрой российской политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова **В. И. Коваленко** обратил внимание на исторические развилки и поворотные моменты, связанные с Февральской республикой 1917 года.

Профессор Университета Модены и Реджо-Эмилии **Джан Паоло Казелли** (G.-P. Caselli) (Италия) в своем концептуальном докладе выдвинул для обсуждения тезис о том, что долгосрочной причиной русской революции стал первый этап глобализации (1870–1914). Он аргументировал свою позицию так: «Политическая напряженность и конфликты, которые процесс глобализации вызвал в экономике царской России, заслуживают скрупулезного анализа. Этот процесс вынудил Россию попытаться поднять темпы роста экономической системы после поражения в Крымской войне. Россия затретила невероятные усилия, чтобы не отстать от остальных европейских сил. Сокрушительное поражение в войне показало, что этих усилий недостаточно, и большевистская революция была ответом на этот провал».

В свою очередь, председатель профессорского клуба Финансового университета **Я. А. Пляйс** в своем теоретическом докладе обосновал, что

фундаментальная причина социальных революций кроется в отставании производительных сил.

Заведующий кафедрой политологии и политического управления РАНХиГС **О. Ф. Шабров** обратился к рассмотрению вопросов марксистской идеологии, советской власти и мировой посткапиталистической революции.

Профессор НИУ ВШЭ **А. Н. Медушевский** привлек внимание участников форума к теоретическим и практическим сторонам идеологии и технологии русской революции 1917 года.

Заведующая кафедрой политологии и международных отношений РГСУ, профессор Кембриджского университета (RSSU University of Cambridge) **Г. Ю. Никипорец-Такигава** выступила с точки зрения переосмысления российских революций XX века в аспекте государственной информационной политики.

Член экспертного совета Института социально-экономических и политических исследований **А. Ю. Зудин** предложил конференции краткий анализ состояния капитала революций 1917 года с позиции советской версии современности.

* * *

Для XX века русская революция стала столь же важным явлением, как французская революция 1789 года для XIX века. При этом русская революция имела более глобальные последствия, чем ее предшественница. Практические последствия октября 1917 года оказались гораздо более значительными и долгосрочными, чем последствия событий 1789 года. Октябрьская революция создала самое грозное организованное революционное движение в современной истории. Его распространение по миру не имело себе равных во всеобщей истории. Сила мировых революционных движений заключалась в коммунистической форме организации ленинской «партии нового типа», явившейся новым словом в технологиях общественного строительстве прошлого века.

Великая российская революция была не столько национальным, сколько всемирным явлением. Она совершалась не для того, чтобы дать свободу и социализм России, а чтобы стать началом мировой пролетарской революции. В течение значительного периода советский коммунизм претендовал на то, чтобы стать альтернативной капитализму более прогрессивной системой, исторически призванной одержать над ним победу. По общему мнению, российская революция подала миру пример построения принципиально нового общества, новые социальные ориентиры. Революция оказала влияние на весь мир, на капитализм как политическую идеологию и экономическую модель, на его «социализацию», позволив ему адаптироваться к современным условиям общественного развития.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

OUR AUTHORS

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна – доктор политических наук, доцент, зав. кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета; BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, doctor of political sciences, Head of the Department of social and political studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University; brodovskaya@inbox.ru

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович – кандидат политических наук; GASANOV Ismail Bairamovich – candidate of political science; gassanov@list.ru

ДАМАСКИН Олег Валерьевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, действительный член Академии военных наук Российской Федерации; DAMASKIN Oleg Valerievich – doctor of law; professor; Honored Lawyer of the Russian Federation, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation; dov39@mail.ru

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна – доктор социологических наук, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета; DOMBROVSKAYA Anna Yurievna, doctor of sociological sciences, associated professor of the Department of social and political studies and technologies, Moscow Pedagogical State University; an-doc@yandex.ru

ИСАКОВ Владимир Борисович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, в 1990–1993 годы – народный депутат РСФСР, председатель палаты Верховного Совета РСФСР, депутат Государственной Думы первого созыва, председатель Комитета Государственной Думы по законодательству; ISAKOV Vladimir Borisovich – doctor of law, professor, Honored Lawyer of the Russian Federation; visakov@hse.ru

КАРАСЕВ Валентин Иванович – доктор философских наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, руководитель департамента Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП); KARASEV Valentin Ivanovich – doctor of philosophy, associate member of the Academy of pedagogical and social sciences, head of department of General Confederation of Trade unions; karasev_vi_52@inbox.ru

КАРЗУБОВ Дмитрий Николаевич – аспирант кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета; KARZUBOV Dmitry Nicolaevich, post-graduate student of the Department of social and political studies and technologies, Moscow Pedagogical State University; karzubovdn@gmail.com

МАНОЙЛО Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор кафедры российской политики Факультета политологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; MANOYLO Andrey Victorovich - doctor of political sciences, professor of the department of the Russian politics of Political science faculty, Lomonosov Moscow State University; cyberhurricane@yandex.ru

ПОПОВ Петр Леонидович – кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории теоретической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск); ПОПОВ Petr Leonidovich – the candidate of philosophical sciences, research of the laboratory of theoretical geography of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; plp@irigs.irk.ru

ПЫРМА Роман Васильевич – кандидат политических наук, доцент Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; PYRMA Roman Vasil'evich – candidate of political sciences, associate professor of the Department of political science, Financial University under the Government of the Russian Federation; rpyrma@gmail.com

САЛИН Павел Борисович – кандидат юридических наук, директор Центра политологических исследований, старший преподаватель Департамента политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; SALIN Pavel Borisovich, candidate of law, Director of the Center of political studies, senior lecturer of the Department of political science, Financial University under the Government of the Russian Federation; salpavbor@mail.ru

САНКИНА Наталья Николаевна – преподаватель Уфимского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации;

lecturer, Ufa Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation; n-sankina@yandex.ru

САРАЕВ Владимир Григорьевич – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории экономической географии и территориального планирования Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск); SARAEV Vladimir Grigor'evich – candidate of geographical sciences, senior research of the laboratory of economic geography and territorial planning of V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; soclab@irigs.irk.ru

ЧЕРЕНЕВ Алексей Анатольевич – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии Института географии им. В.Б. Сочавы СО РАН (г. Иркутск); TCHERENEV Aleksei Anatol'evich – candidate of geographical sciences, research of the laboratory of georesource and political geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS; tcherenev@irigs.irk.ru

ШАПИЕВ Сиябшах Магомедович – доктор юридических наук, член ЦИК России; SHAPIEV Siyabshah Magomedovich, doctor of law, member of Central Election Commission of the Russian Federation, shapiev@cikrf.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫХ К ПУБЛИКАЦИИ В НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКОМ ЖУРНАЛЕ «ГРАЖДАНИН. ВЫБОРЫ. ВЛАСТЬ»

Научно-аналитический журнал «Гражданин. Выборы. Власть» принимает для издания статьи и другие материалы (обзоры, рецензии и т.д.), соответствующие тематике журнала, на русском языке.

Необходимые условия для публикации:

- 1) Актуальность, научная и/или практическая значимость.
- 2) Название статьи, аннотация, ключевые слова, информация об авторах предоставляются на русском и английском языках.
- 3) В сноске указываются на русском и английском языках сведения об авторах (ф.и.о., ученая степень, ученое звание, должность, полное наименование места работы, адрес электронной почты).
- 4) Аннотация (объемом не более 100 слов) и ключевые слова (не менее 5 и не более 10 слов) выделяются курсивом.
- 5) Название статьи должно соответствовать ее содержанию.
- 6) Сноски помещаются постранично (шрифт TimesNewRoman, кегль 12, через 1 интервал), нумерация сквозная.
- 7) Наличие списка литературы (в алфавитном порядке) в формате, установленном журналом из числа предусмотренных действующим ГОСТ (TimesNewRoman, кегль – 12, через 1 интервал).
- 8) Список использованной литературы и постраничные сноски оформляются следующим образом: между инициалами автора не должно быть пробела, перед местом и годом издания, а также перед указанием тома, номера издания и страницы тире не ставится. После года ставится точка, количество страниц не указывается. Для интернет-источников перед адресом страницы в Сети Интернет дается соответствующее указание «[Электронный ресурс]. Режим доступа:». Дата обращения не указывается.
- 9) К рассмотрению принимаются статьи объемом не менее 20 тыс. знаков с пробелами, соответствующие профилю журналу, рецензии – до 7 тыс. знаков с пробелами (шрифт TimesNewRoman, кегль – 14; через 1,5 интервала).
- 10) Таблицы, графики, схемы, диаграммы и рисунки должны быть только черно-белыми и встроены в текст. Таблицы должны иметь заголовки, размещаемый над табличным полем, а рисунки – подрисуночные

подписи, которые печатаются полужирным шрифтом. При использовании нескольких таблиц или рисунков их нумерация обязательна.

11) Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

12) Журнал распространяется на некоммерческой основе по списку рассылки.

Журнал выходит один раз в три месяца.

Корректурa
Е.Г. Лебедева

Макетирование
Е.А. Ямолдина

Оригинал-макет изготовлен в ООО «Кириллица»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 05.12.2017.
Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.

Печ. л. 13

Тираж 500 экз. Заказ №

Отпечатано в ООО «РПЦ Офорт»
129110, г. Москва, пр-т Мира, д. 69